

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**СЛОВАРИ
И СЛОВАРНОЕ
ДЕЛО
В РОССИИ
XVIII В.**



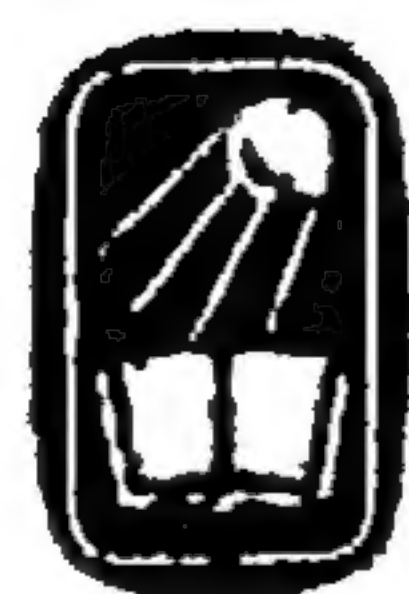
ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
38	18 сверху	Сафаровым	Сатаровым
39	24 снизу	подозрѣнцѣ, на базе	подозрѣнцѣ, на базе
43	9 »	Aborateur	Adorateur
103	15 »	астрологи-	астрономи-
112	4 »	изучене	изучение
120	12 сверху	праставочные	приставочные

Словари и словарное дело

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

СЛОВАРИ
И СЛОВАРНОЕ ДЕЛО
В РОССИИ XVIII В.



ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
1980

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ
Л. Л. КУТИНА, Е. Э. БИРЖАКОВА

СЛОВАРИ И СЛОВАРНОЕ ДЕЛО В РОССИИ XVIII в.

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства Г. А. Щербакова
Художник Д. С. Данилов. Технический редактор Г. А. Бессонова
Корректоры Г. А. Александрова, Ф. Я. Петрова

ИБ № 9138

Сдано в набор 05.11.79. Подписано к печати 05.02.80. М-36508. Формат $60 \times 90^{1/16}$.
Бумага типографская № 3. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. $10^{1/2}$.
Усл. печ. л. 10.5. Уч.-изд. л. 11.53. Тираж 5800. Изд. № 7444. Тип. зак. 876.
Цена 90 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука». 199164, Ленинград, В-164,
Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

С $\frac{70102-516}{042 (02)-80}$ 502.80.4602010000.

© Издательство «Наука», 1980 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник продолжает серию исследований языка XVIII в., осуществляемых группой исторической лексикологии в связи с разработкой теоретических основ, практических рекомендаций и составлением Словаря русского языка XVIII в.

Предметом исследования в данном сборнике являются словари XVIII в. Лексикография этого времени обильна количественно и разнообразна по типам и видам словарей. В это время продолжается имеющее длительную традицию учебное словарное дело, развивается дву- и многоязычная лексикография, отвечающая насущным потребностям общества, появляется значительное число специальных, отраслевых словарей и лексиконов иностранных слов; наконец, начиная с 30-х годов XVIII в. ведется интенсивная работа по созданию первого в России толкового словаря национального языка, получающая свое воплощение лишь к концу века.

Многие звенья этой цепи еще не исследованы или известны недостаточно. Между тем словари представляют интерес как сами по себе (как памятники лексикографии XVIII в. и свидетельства развития учений о языке), так и в качестве прямых источников, фиксирующих лексику той поры.

Авторы сборника обратились к словарям, которые еще не попадали в поле зрения исследователей-лингвистов или относятся к числу трудов малоисследованных.

В статье Е. Э. Биржаковой анализу подвергнут «Русско-голландский лексикон» Я. Брюса (1717) — уникальный опыт «перевернутого» словаря (с левой толкующей частью). Лишь в наши дни осознано значение подобного лексикографического типа для установления реальной межъязыковой эквивалентности.

Статья Л. А. Войновой посвящена «Новому словотолкователю» Яновского (1803). Это словарь иностранных слов, построенный по принципу суммированного охвата иноязычных слов различных функциональных сфер языка и различных терминосистем. Он представляет собой качественно новый тип словаря, смыкающийся со словарями нового времени и по формированию словника, и по характеру подачи материала (этимология, пометы, толкования).

В статье О. Е. Березиной произведено сопоставительное изучение двух учебно-тематических словарей самого начала XVIII века («Номенклатор» И. Копиевского и «Собрание имен» Ф. Поликарпова), представляющих своеобразное посредствующее звено между средневековой лексикографией и лексикографией нового времени.

В каждой из названных статей рассматривается история создания описываемого словаря, его источники, лексикографические приемы подачи материала, а также значение данного словаря для изучения лексики соответствующего исторического периода. Так, в статье О. Е. Березиной при типологической общности исследуемых словарей устанавливается ориентация их создателей (в толкующей части) на два различных типа книжного языка начала XVIII в.; в «Русско-голландском лексиконе» нашли отражение специфические изменения в речи образованных людей петровского круга.

Отражение словарями изменений в лексической системе языка выдвинуто как центральный вопрос в статье А. А. Алексеева («Изменения в языке и изменения в словаре»), посвященной двум редакциям Вейсманнова лексикона (1731—1782). В статье рассматриваются неологизмы второго издания, освобождение от архаических элементов, изменения в сочетательных возможностях слов на протяжении полувековой истории развития языка.

Ряд статей сборника посвящен самому важному лексикографическому памятнику эпохи — Словарю Академии Российской (САР). В статьях В. В. Замковой и И. М. Мальцевой рассматривается формирование словника САР в его специальных частях.

В. В. Замкова описывает и классифицирует терминологию промыслов и ремесел в САР, представляющую драгоценные лексические материалы, свидетельствующие о нашем старинном профессиональном просторечии.

Статья И. М. Мальцевой имеет своей темой «локализмы» в САР, обилие которых говорит об огромном интересе создателей словаря к народному быту и о начале научного изучения языка, этнографии, истории народа в академических кругах конца XVIII в. Локализмы — слова территориально ограниченного употребления — попадали в САР (в отличие от слов областных) из широко представленных в это время записок научных путешествий по России. С этим связана трактовка их в XVIII в. как слов, принадлежащих литературному языку, нормативных.

В статье Л. Л. Кутиной анализируется одна из сильнейших сторон САР — решение в нем вопросов лексической семантики: разграничение фактов полисемии и омонимии, установление связи и зависимости значений в структуре многозначного слова, выделение типовых словообразовательных значений и других фактов регулярной полисемии, учет смыслоразличительной роли синтаксических конструкций и лексических связей слов, соотношение слова и контекста («вещания» как образец подключения к слову

единиц уникального контекста). Успешное решение многих проблем теоретической семантики находится в прямой связи с этимологическим характером САР (в первом издании) и с идеями семантической производности.

Статья А. М. Малышевой посвящена разработке в САР глаголов с точки зрения отражения грамматической категории вида и описания способов глагольного действия. Построение словарных статей на глаголы с определенностью свидетельствует об учете составителями САР структурно-словообразовательной природы глаголов и их видовых свойств (при отсутствующем еще в грамматической традиции учении о видах глагола). Типовые определения САР позволяют установить наличие лексико-грамматических групп глаголов, объединенных способом обозначения глагольного действия.

В статье З. М. Петровой рассматривается отражение в САР нового, активно формирующегося в языке XVIII века лексико-словообразовательного разряда — прилагательных с суффиксом *-ическ-* (и его вариантами) от иноязычных основ. В статье анализируются причины ограниченного введения этих словообразовательных новаций в САР, лежащие как в плоскости собственно языковой (новизна и вариативность моделей, по которым шло образование прилагательных от иноязычных основ), так и в плоскости языковой политики (пуристические тенденции конца века).

В статье М. Ш. Файнштейна описывается дальнейшая работа членов Академии Российской над текстом САР (20-е годы XIX в.), о чем позволяет судить найденный им авторский экземпляр словаря с правкой Шишкова и его сотрудников.

Семантические, грамматические, лексические особенности САР рассматриваются авторами на фоне лингвистических учений XVIII в. Это позволяет заключать как о реализации в словаре лингвистических знаний эпохи, так и о дальнейшем развитии теории языка в рамках практической лексикографии.

Тексты XVIII в. передаются средствами современной графики, орфография приближена к современной в пределах, принятых для научных изданий. Особенности орфографического облика слова, в том числе написания прописных и строчных букв, сохраняются. Пунктуация дается в соответствии с оригиналом, изменения допускаются лишь в тех случаях, когда пунктуация текста мешает его правильному пониманию. В некоторых статьях сборника воспроизводятся отдельные старые графемы, например ъ, ѳ, так как этого требует предмет исследования.

При использовании материалов Словаря Академии Российской первого и второго изданий (САР¹ и САР²) указание на издание дается лишь в тех случаях, когда тексты САР¹ и САР² неидентичны.

ДВА ТЕМАТИЧЕСКИХ ЛЕКСИКОНА НАЧАЛА XVIII в.

(СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Предметом исследования в настоящей статье являются два небольших по объему трехязычных лексикона: «Номенклатор, на русском, латинском и немецком языке» И. Ф. Копиевского¹ и «Краткое собрание имен» Ф. П. Поликарпова.² Оба эти лексикона до настоящего времени не подвергались специальному исследованию. Наиболее полные сведения о них находим у П. Пекарского³ и С. Н. Браиловского,⁴ а также в приложении к «Описанию изданий, напечатанных кириллицей».⁵ Из работ последнего времени можно указать на статью В. М. Маркова и И. Э. Еселевич «Замечания о двух разноязычных лексиконах первых лет XVIII века».⁶

Первые исследователи ограничились лишь описательной характеристикой лексиконов и указанием, что Поликарпов «заимствовал» материалы Копиевского, внося лишь некоторые перемены и перестановки.⁷ Обращение специалистов-филологов к текстам показало значительные расхождения между ними, касающиеся как расположения и группировки материала, так и состава лексики. Обнаружилось, что «Номенклатор» отразил характерные черты белорусского языка на грани XVII—XVIII вв.⁸ Задача настоящей статьи — определить место лексиконов Копиевского

¹ Номенклатор, на русском, латинском и немецком языке. Амстердам, 1700. В дальнейшем — Ном.

² Краткое собрание имен по главизнам расположенное тремя диалектами, в ползу хотящим вести свойство еллиногреческого и латинского диалекта. М., 1701 (входит как отдельная глава в «Букварь славенскими, греческими, римскими писмены. .»). В дальнейшем — СИ.

³ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I—II. СПб., 1862. В дальнейшем — Пекарский.

⁴ Браиловский С. Н. Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор московской типографии. — Журнал Министерства народного просвещения, № 9, 10, 11. СПб., 1894.

⁵ Быкова Т. А. и Гуревич М. М. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. М.—Л., 1958.

⁶ Учен. зап. Казанского гос. ун-та, 1957, т. 117, кн. 9.

⁷ Пекарский, т. I, с. 19—20.

⁸ См.: Марков В. М. и Еселевич И. Э. Замечания о двух разноязычных лексиконах. .

и Поликарпова в истории лексикографии, показать характерные различия между ними.

Рассматриваемые лексиконы построены по традиционному для своего времени принципу тематического объединения лексики.⁹ Для разговорников и словариков такого рода была выработана примерная тематическая разбивка и само лексическое наполнение рубрик.

Сопоставим для примера наши словарики с «Речью тонкословия греческого». Основные тематические группы в них корреспондируют друг с другом, например: «О седмици» (Речь) — О временах и праздниках (Ном., СИ); «О стадах» и «О зверех» — О животных четвероногих; «Рыбы» — О рыбах; «На человеце порты» — О одеянии, или платию; «О человеце каков есть» — О человеку и о его частях и многие другие. В «Речи» не представлены тематические группы лексики, данные в Ном. в главах: О водах; О болезнях, немощах; О питии; О деревни, полю и селе; О сосудах деревенских; О граде; О доме; О школе и о книгах; О судовых делах; О прядиве; О брани войскою; О денгах и некоторые другие. Отдельные слова из них помещены в других тематических группах (не соотносимых с главами Ном. и СИ): в разговорных фразеях, отрывках бесед, связных текстах на определенную тему. Хотя состав лексики тематических групп сопоставляемых источников значительно отличается друг от друга, однако тематика обиходной лексики, необходимой для ведения разговора, в основном совпадает. «Речь», являющаяся одним из основных источников русских азбучников, — памятник, широко известный и распространенный в свое время. Греческая его часть была широко использована в русских глоссариях и словарях XVI—XVII вв.¹⁰ Можно предположить, что в этот период «Речь» или пространные азбучники на ее основе послужили также источником для создания параллельных тематических словарей, преследующих практические цели обучения иностранным языкам.

Во всяком случае к концу XVII—началу XVIII в. мы имеем уже сложившийся тип практического словаря (с тематическим расположением материала) для обучения иностранным языкам.

Аналогичные словарики учебного назначения создавались и в Западной Европе. Интересен для нас англо-латино-греческий словарь Рея,¹¹ близкий по времени создания к рассматриваемым нами словарям. Этот словарь был хорошо известен в России и одно из его изданий послужило моделью для «Словаря на шести языках» 1763 г.: «*Dictionariolum trilingue*» Рея представляет собой темати-

⁹ См., например, разговорники «Грецькой язык», «Се татарский язык», «Толкование языка половецкого», «Речь тонкословия греческого» и др. — Подробнее см. в кн.: К о в т у н Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963.

¹⁰ К о в т у н Л. С. Русская лексикография. .

¹¹ *Dictionariolum trilingue: secundum locos communes, Nominibus usitatoribus anglicis, latinis, grecis, . . Opera Ioannis Raii. Londini, 1675.*

ческий учебный лексикон. Построение его отличается четкостью. Каждая тематическая группа слов дана как особая глава, имеющая порядковый номер и объединяющий заголовок. Материал расположен тремя столбцами. В первом дан текст на языке, родном для обучающегося, во втором и третьем — текст на латинском и греческом языках. Аналогично построены и Ном. и СИ. Любопытна одна деталь: Рей в предисловии к изданию 1675 г. называет свой словарь «*Englisch and Latin Nomenclatures*», «*Nomenclator in lingua latina, germanica et russica*» называет свой лексикон и Копиевский (разрядка моя, — О. Б.). Объем словарей приблизительно одинаков (Рей — 32 главы, Ном. — 47, СИ — 35).

Сопоставительный анализ названий глав на латинском языке в словаре Рея, Ном. и СИ показал:

1) главы в сравниваемых словарях расположены в разной последовательности.

2) из 32 глав Рея лишь 6 не имеют прямых соответствий в Ном. и СИ. Новыми в Ном. (по сравнению с Реем) являются главы: V. О местах и землях, XXIII. Имена стран и народов, XLVI. Имена градов, XXII. О граде, о городе, XXXII. О судовых делах. 19 озаглавлены одинаково или сходно (полностью совпадают: *de Avibus*, *de Piscibus*, *de Morbis*, *de Potu*, *de Vestitu*); сходные заглавия с некоторыми (иногда незначительными) вариантами: Рей гл. I, II. *De Caelo*, *De Elementis et Meteoris* — Ном. гл. II. *De mundo, coelo et elementis*; Рей гл. III. *De Lapidibus et metallis* — Ном. гл. XLIV. *De Metallis, gemmis et lapidibus*; Рей гл. V. *De Herbis* — Ном. гл. XVIII. *De Herbis et floribus* и некоторые другие. 7 глав, имея различные названия, по существу дают одни и те же тематические группы слов (гл. XVIII Рея *De Aedificiis aereorum partibus* соответствует по содержанию гл. XXIV Ном. *De Domo*, гл. XXVII. *De Agricultura et rebus Rusticus* — гл. XX. *De Rure et agro*, гл. XXVIII. *De Re Militare* — гл. XLI. *De Bello*).

Главы Рея, не имеющие соответствий в Ном. и СИ, так или иначе касаются тем, уже освещенных в словаре. Несколько особняком стоят гл. XXI и XXII Рея, где дана лексика отвлеченного содержания (о силах и качествах душевных, о добродетелях и пороках). Не имеет соответствия и гл. XXXII. О числе.

Сопоставление Ном. и СИ со словарем Рея выявляет, следовательно, как черты сходства, так и отличия. Поэтому затруднительно говорить об этом словаре как о прототипе или источнике для русских словарей. Очевидно Ном. и СИ представляют собою уже сложившийся на русской и западноевропейской почве тип учебного многоязычного тематического словаря с выработанным практикой кругом тем, отвечающих потребностям обучения. Тем не менее использование словаря Рея при составлении Ном. и СИ вполне допустимо (ср. аналогичные наименования, технику распределения материала и др.).

Ном. и СИ — словари, преследующие практические учебные цели. Создание лексиконов-учебников было вызвано настоятель-

ной необходимостью. Известно, что оба автора занимались педагогической работой. Копиевский в Амстердаме давал, по указанию Петра I, уроки русским князьям и дворянам,¹² Поликарпов преподавал в Славяно-греко-латинской академии,¹³ учебных же пособий не было. По свидетельству современников, Ном. рассматривался как учебник.¹⁴ «Первым печатным учебным пособием Петровской эпохи» называет его ряд исследователей (Булгаков, Максимович и др.).

Поликарпов в предисловии к «Букварю» так излагает задачи своей работы: «Можете наконец обрести изречений по вещем различных к познанию греколатинска языка число немало, к поощрению бесед, и на вышшее к наукам возшествие, с лучшим греческа и славенска языка поправлением, от сея меньшия книжицы».¹⁵

Авторы изучаемых лексиконов — И. Ф. Копиевский и Ф. П. Поликарпов.

Точных документальных данных о времени и месте рождения, национальной принадлежности, образовании Ильи Федоровича Копиевского не имеется. Первые сведения о нем относятся к концу XVII в. (1698, 1699 гг.) и связаны с его книгоиздательской и переводческой деятельностью по поручению Петра I.¹⁶ Данные о национальности Копиевского разноречивы. В привилегии от голландских генеральных штатов на печатание латинской грамматики (1700 г.) он назван поляком («служитель божественнаго писания поляк ныне обитающий в Амстеродаме»). В письме к А. Г. Франке имеется его подпись: *verbi Dei Minister polonus* (служитель слова божия поляк). «Польским выходцем» называет его Ф. И. Булгаков,¹⁷ литвином (*lituaner*) — Г. В. Лудольф. Высказывались также предположения, что Копиевский — белорус.¹⁸

Для своего времени Копиевский был высокообразован. Плоды его переводческой деятельности, создание ряда учебных пособий показывают, что он владел латинским, польским, голландским, немецким и русским языками. В юго-западных землях, где, по всей видимости, он обучался, одним из главных предметов образования был церковнославянский язык в западном своем варианте (см., например, «Устав» Львовской братской школы 1586 г.). Све-

¹² См.: Пекарский, т. I, с. 522.

¹³ См.: Б р а и л о в с к и й С. Н. Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов.

¹⁴ См.: Пекарский, т. I, с. 19.

¹⁵ Букварь славенскими, греческими, римскими писмены. . М., 1701, с. 5.

¹⁶ См.: Пекарский, а также: Б ы к о в а Т. А. и Г у р е в и ч М. М. Описание изданий, напечатанных кириллицей, с. 318—341. Прилож. IV.

¹⁷ Б у л г а к о в Ф. И. Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. СПб., 1890, Т. I, с. 301.

¹⁸ См.: П и с а р е в А. Илья Копиевич. — Труды вольного общества любителей российской словесности. Т. 26. СПб., 1824; Б е р к о в П. Н. Русская книга кирилловской печати конца XVII—первой четверти XVIII в. — В кн.: Б ы к о в а Т. А. и Г у р е в и ч М. М. Описание изданий, напечатанных кириллицей. ., с. 14.

дения о Копиевском, анализ своеобразных языковых особенностей Ном. позволяют думать, что это был носитель западной языковой культуры, причем юго-западной его разновидности, бытовавшей на Украине и в Белоруссии.

Федор Поликарпович Поликарпов — видный культурный деятель конца XVII—первой четверти XVIII в.¹⁹ Родился, вырос и учился в Москве, первоначальное образование получил в греческой типографской школе, где обучали греческому и славянскому чтению и письму. Затем в течение девяти лет (с 1684 г.) Поликарпов находился в Славяно-греко-латинской академии «для научения греческим и латинским диалектам и всем свободным наукам», а позже (с 1694 по 1698 г.) был там же преподавателем. В последние годы он работает в Московской типографии, сначала книжным справщиком, а затем в течение многих лет ее начальником.

Таким образом, Поликарпов — носитель высокой книжной культуры конца XVII в.

Эти особенности — национальная принадлежность, различия в образовании и языковой практике — отразились самым существенным образом в рассматриваемых нами лексиконах.

Именно характер образования объясняет, почему Поликарпов, кроме общего для обоих авторов латинского языка, выбирает вторым языком греческий. По его мнению, греческий язык для русских совершенно необходим.²⁰

Рассмотрению будет подвергнута лишь русская лексика, причем та ее часть, которая дает возможность сопоставительного сравнения материалов обоих словарей. Основой для выделения такой лексики послужила общая латинская часть. За пределами статьи остается иностранная часть лексиконов.

Созданные почти одновременно, Ном. и СИ имеют несомненное сходство. Наблюдается значительная близость в последовательности расположения материала, его группировке по одинаковым тематическим разрядам, объему (Ном. — 1906 словарных статей, СИ — 1722).²¹ Слова снабжены ударением. Основной состав лексики — имена существительные. Имена прилагательные и глаголы даны, как правило, после имени существительного в составе наиболее характерных словосочетаний (например: при сл. *ветр* — *добрыи ветер, сопротивныи ветер, восточныи ветер* и т. д.; при сл. *подкоп* — *подкоп вести*; при сл. *гром* — *гром гремит* и т. д.) или как ассоциативное дополнение к понятию, обозначенному существительным (например: после сл. *шар, цвет* — названия цвета: *зеленый, красный, желтый, белый, черный*; после названий частей тела — прилагательные этого же корня, например,

¹⁹ Б р а и л о в с к и й С. Н. Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов. .

²⁰ См.: П о л и к а р п о в Ф. П. Лексикон треязычный. . Увещательное извещение благоразумному читателю. М., 1704.

²¹ Словарной статьей считается как отдельное слово, так и сочетание слов (например существительное с прилагательным или глаголом), слово и его дубликеты-синонимы, данные в одном ряду, слово и его толкование.

после *брада*, *борода* — *долгобрадый*, *безбрадый*, *брадатый* и т. д.; после *мраз* — глаг. *леденеет*, *мерзнет*, за сущ. *млеко* — глаг. *доити*). Практически в составе словарей встречаются все части речи, иногда в виде самостоятельных статей (наречия), иногда в составе развернутых определений (причастия, служебные слова).

Различия между Ном. и СИ идут по нескольким линиям.

1. Нет полного тождества в количестве глав (Ном. — 47, СИ — 35), последовательности их расположения и формулировках; в каждом словаре есть главы, отсутствующие в другом. Это видно из сопоставительной табл. 1.

Как видно из таблицы, первые 19 глав Ном. и СИ по заглавиям или полностью совпадают (гл. I, IV, V, IX, X, XI, XIII), или имеют незначительные различия (гл. II, III, VI, VII, VIII, XII, XIV, XVII, XVIII) и лишь гл. XV, XVI и XIX отличаются более существенным образом. Начиная с гл. XX последовательность в порядке расположения глав и группировке тематических разрядов слов по главам нарушается. В Ном. нет гл. 22 о науках, в СИ отсутствуют гл. XXI, XXIX, XXXVIII, XL, XLIII, XLV. Некоторым главам СИ соответствуют (по тематическому охвату материала) две или несколько глав Ном. (ср.: гл. 33 — гл. XXIV, XXV, XXVI, XXVII, XXVIII, гл. 30 — гл. XXXIV и XXXV, гл. 28 — гл. XXXVI и XXXVII).

2. Не совпадают объем и состав лексики по главам. Одинаково названные главы содержат различный набор слов, одни и те же слова могут быть помещены в разных главах. Обнаруживается различие в подборе славяно-русских эквивалентов для греческого и латинского слов. Особенно сильно различаются по составу словника гл. XX Ном. и 35 СИ, XXX и 23, XXXII и 29, XXXIX и 34, XLII и 32. Ниже приводится в качестве примера материал некоторых глав (см. табл. 2).

Сравнение текста этих двух глав подтверждает их отличие друг от друга. Так, в гл. XXX — 22 словарные статьи, в гл. 23 — 16. Из них совпадают полностью лишь 5 статей, 6 дают разночтения, 11 в Ном. и 5 в СИ отсутствуют в другом источнике (причем за небольшими исключениями их нет и в других главах словарей).

То же самое наблюдается и при сравнении гл. XXXIX и 34: в гл. XXXIX — 24 словарные статьи, в 34 — 32. Полностью совпадают 5 статей, 8 дают разночтения (из них 4 отражают фонетические различия), 11 в Ном. и 19 в СИ отсутствуют у другого автора. Правда, некоторые из этих 19 слов, данных в СИ, включены в Ном. в состав других глав (например, *мыло*, *гребень* — в гл. XXIX; *игла*, *нитка*, *наперсток* — в гл. XXXVIII и т. д.).

Основную часть лексики составляет лексика обиходная (названия предметов, вещей и явлений окружающего мира)²² и лексика,

²² В этом смысле тема «бог», которая в Ном. и СИ дается на первом месте, не является исключением. В эпоху создания этих пособий религия составляла неотъемлемую часть повседневного бытия человека, пронизывала быт, духовную жизнь, поэтому эта тема такая же «бытовая», как и другие.

Т а б л и ц а 1

Ном.			СИ		
глава	название главы	к-во слов. ст.	глава	название главы	к-во слов. ст.
I	о бозе и дусех	33	1	о бозе и дусех	40
II	о мире стихиях и небеси	108	2	о мире, небеси и стихиях	108
III	о временех и праздниках	130	3	о временех и праздниках	135
IV	о водах	51	4	о водах	47
V	о местех и землях	42	5	о местех, и землях	42
VI	о человеку и о его частех	223	6	о человеце, и о его частех	203
VII	о болезнях, немощах	95	7	о болезнях	90
VIII	о брашне, естве	69	8	о брашнях	66
IX	о питии	35	9	о питии	35
X	о животных четвероногих	91	10	о животных четвероногих	84
XI	о птицах	67	11	о птицах	58
XII	о червех и мухах и змиях	42	12	о червех, и насекомых	39
XIII	о рыбах	33	13	о рыбах	28
XIV	о древех	21	14	о древесех	19
XV	о овощах что после обеда и ужины на стол дают	27	15	о разных овощах	23
XVI	о житах и пшеницах и зелии огородном	21	16	о житах и семенах огородном	18
XVII	о частех древес, купин и плодов	31	17	о частех древес, и плодов	24
XVIII	о зелии и цветах	47	18	о травах, и цветах	42
XIX	о ароматах или о корении и зелии многоценном	13	19	о зелиях ароматных	10
XX	о деревни, полю, и селе	36	35	о деревни	31
XXI	о сосудах деревенских	40	[Специальной гл. нет, часть слов в гл. XX и XXIV]		
XXII	о граде, о городе	53	26	о граде, и яже суть в нем	56
XXIII	имена стран и народов	52	24	имена царств и земель	44
XXIV	о доме	39	33	о доме и яже приличествуют сему	116
XXV	о избе и вещах к столу прилежащих	36		[на полях 4 подзаголовка: о столе, о спальне, о поварне, о конюшне]	
XXVI	о поварни	35	[ср. раздел в гл. 33]		
XXVII	о ложницы о спальни	11	[ср. раздел в гл. 33]		
XXVIII	о конюшни	22	[ср. раздел в гл. 33]		
XXIX	о мылнх, или баини	11	[ср. отдельные слова в гл. 33, 34]		

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

Ном.			СИ		
глава	название главы	к-во слов ст.	глава	название главы	к-во слов ст.
XXX	о школе и о книгах	22	23	о училищи и о книгах	16
XXXI	о церкви и о вещах и людях церковных	31	20	о церкви, и о вещех ея, и о чинех церковных	39
XXXII	о судовых делах	19	29	о судебных делах	26
XXXIII	о началех политич-ных или мирских	34	21	о чинех политич-ных, и мирских	33
XXXIV	о изрядных мастерах	19	30	о рукоделниках и рукоделиях	32
XXXV	о художниках или рукоделниках	38			
XXXVI	о женитве и о браце и сроднитце	14	28	о сродстве	32
XXXVII	о сроднитстве	15			
XXXVIII	о прядиве	12			
XXXIX	о одеянии, или платию	24	[отдельные слова в гл. 34]		32
XL	о красках	6	34	о одеянии	
XLI	о брани воискои	47	[отдельные слова в гл. 31]		43
XLII	о корабли	15	27	о воинстве, и яже приличествуют к сему	
XLIII	о игранию, или игралицу	7	32	о корабли	25
XLIV	о рудах, о жемчугах, и драгоценном камении	25	31	о камениях и рудах	25
	о денгах	9			
XLV	имена градов	55	[отдельные слова в разных главах]		48
XLVI	некоторая прилагательна (дано 50 прилагательных)				
XLVII					
[В конце даны «Некоторые парадигматы спряжения» (72 глагола, расположенные по спряжениям)].			22	о науках	13

связанная с начальными знаниями (гл. XXX — О школе и о книгах, XXIII — Имена стран и народов, XLVI — Имена градов).

Однако сравнение лексиконов показывает и значительные различия в составе лексики.

В Ном. значительно шире дана лексика чисто бытовая, связанная с житейским обиходом, сельским хозяйством, торговлей, ремеслами. Этой лексике по сравнению с СИ отведено большее число глав. Таковы названия хозяйственных построек: *амбар*, *говяжьи хлев*, *козьи хлев*, *овечьи хлев*, *свиные хлев*, *стоило конское*, *мыльня баня*, *заход* 'отхожее место'; названия частей строения и предметов, связанных со строительством: *крилцо*, *крилец*, *лествица*, *жолоб*, *бревно*, *луб* или *драница*, *паленой кирпич*, *прибои*

Ном.	СИ
гл. XXX. о школе и о книгах	гл. 23. о училищи и о книгах
школа	Академия училище свободное разных наук
мастер школьный	школа, училище
учител	учитель
книга	книга
челобитная	месяцослов святцы
календарь, святцы	хронограф, летописец
летописание, хроника	летопись, хроники
печатник друкар	козмография, всего мира описание
печатня друкарня	книгописец
писец, подъяч	литера буква, писма
лавка книжная	слог литер
переплетчик	слово
литера	история, повесть
слог литер	басня
история деяние	гадание, загадка
басня	лексикон, собрание речей по азбуце
гадание, загадка	
крейда мел	
воск	
личман, счотны	
линия правило	
окружалник	
Гл. XXXIX. о одеянии, или платию	гл. 34. о одеянии
одежда	одежда
сундук	одеяние
шолк	риза, хитон
бархат	плат, сударий
опоньча	перстень
рубашка	шелк
шуба	шелковое портище
соболия	кафтан воинский
кафтан	шляпа, шаца
штаны	епанча
чулки	кожан
подвязки	шуба
рукавицы	срачица, рубашка
пояс	пояс
зеп	сапоги, обуцы
торба	штаны
мешок	чулки
сапог	башмаки
копыл	сандалии, башмаки
подошва	подвязки
башмаки	игла
плат	нитка
пугвицы	шов

Ном.	СИ
петлицы	швоя наперсток шварня аршин усерязи, серги мыло мыт мылом гребень рукав рукавицы

‘планка, рейка’; названия домашней утвари: *братыня, корыто, котел, кошик, кунган, тарелка, валок* ‘валек’, *веретено, игольник*; названия сельскохозяйственных орудий труда: *борона, вилы, грабли, сенная коса, лопата, мотыка, цеп, молотило* и некоторые другие; слова, связанные с ведением сельского хозяйства: *годовыи приход с поля, жатва, богатая жнива, ржаньи сноп, плевые мекины, пастовник* ‘выгон’, *воз навозу, вязка сена, орю* ‘пашу’; названия ремесленников, мастеровых и других лиц по профессии, а также названия орудий их труда и строений специального назначения: *балбер* (*Топсор*), *лесник, ложечник, оловяный мастер, мясник, переплетчик, повар, поясник, свинопас, седляр, суконный ткач, комедьянт; красилница, сукновалня; дратва, копыл* ‘колодка для обуви’; слова, связанные с торговлей и финансами: *денги, денежный двор, зеп* ‘кошелек, денежный мешочек’, *яфимок, купля, продажа, пошлина, счот, личман счотны*. Богаче представлена также лексика, входящая в темы «человек и его части», о животных, о растениях.

Напротив, в СИ большее место занимают темы, посвященные науке, церкви, судопроизводству. Гл. 22, где дается перечень названий различных отраслей знаний, в Ном. вообще отсутствует. Теме «о бозе и дусех» в СИ посвящено 40 словарных статей, в Ном. — 33; теме «о судебных делах» в СИ — 26, в Ном. — 19.

3. Различен подход к подбору русской лексики. В СИ отдается предпочтение книжной или общерусской, нейтральной лексике. К словам, ограниченным в жанрово-стилевом употреблении, прибегают довольно редко. Обычный прием — на первом месте церковнославянское слово, затем его русское соответствие. Например: *вежди, века; вертоград, сад; ветрила, парусы; делва, бочка; десница, правая рука; ланита, щека; лоно, пазуха; мрежа, сеть; овен, баран; отроковица, девочка; рало, соха; рамо, плечо; срачица, рубашка; усмарь, кожевник; устне, губы*.

Случаи использования в качестве дополнительных эквивалентов слов «сниженных» малочисленны (например: *отец, батюшко; мать, матушка; трилистник, лапки; лето, или жатва*).

Довольно широко употребляются в СИ заимствованные слова, преимущественно грецизмы и латинизмы. Все они (за единичными исключениями) имеют при себе или описательное толкование, или русское соответствие, или кальку.²³ Сюда относятся названия различных отраслей знаний, некоторые научные понятия (например: *академия*, училище свободное разных наук; *грамматика*, наука о правом глаголении и сочинении; *козмография*, всего мира описание; *типография*, друкарня; *фисика*, о естественных и существенных учение; *философия*, любомудрие; *хронограф*, летописец); названия болезней и лекарств (например: *катарой*, или насморка; *дисендерия* болезнь, бегунка; *хирагра*, лом в руках; *подагра*, лом в ногах; *флегма*, мокрота; *коллирий*, очное лекарство); названия металлов, минералов, драгоценных камней (*адамант*, алмаз; олово, *касистер*; *маргарит*, жемчуг, бисер; *сапфир*, яхонт; *смарагд*, изумруд); названия животных, птиц, насекомых, растений (*акриды*, пружи; *дельфин*, свинья морская; *пифик*, обезьяна; *струфокамил*; *корица*, *кинамом*); названия некоторых предметов обихода (*ведро*, *стамно*; *кувшин*, *лагун*; *плат*, *сударий*; *сандалия*, башмаки); ср. также: *анфипат*; *ипат*; *игемон*, князь; *желудок*, *стомах*; *зефир*, или западный ветер; *сирть* злое место на мори.

Как правило, приводятся церковнославянский и русский, неполногласный и полногласный варианты, например: *блато*, *болото*; *врабий*, *воробей*; *жребя*, *жеребенок*; *злато*, *золото*; *клас*, *колос*; *мравий*, *муравей*; *пленник*, *полоненик*; *праг*, *порог*; *шлем*, *шелом*.

В отличие от СИ в Ном. книжная лексика занимает незначительное место. Сравним некоторые словарные статьи:

СИ	Ном.
адамант, алмаз	алмаз
былие, зелие	зелие
ветрила, парусы	парус
делва бочка	бочка
елей масло деревяное	деревяное масло
жезл, розга	розга
сера, жупел	сера
завтра, заутра	завтре
олово, касистер	олово
котва, якорь	якарь
лилеа, крин	лилия
маргарит, жемчуг, бисер	жемчуг
мрежа, сеть	рыбная сеть
сапоги, обуцы	сапог
рало, соха	соха
сандалия, башмаки	башмаки
светилник, свеща	свеча
шатер, сень	шатер
скважня, дира	диря

²³ Обычно они начинают словарную статью, но возможен и другой порядок лексем.

срачица, рубашка
 стежка, стезя
 плат, сударий
 сирть, злое место на мори
 тимпан, барабан
 жир, тук
 усмарь, кожевник

рубашка
 стежка
 плат
 злое место на мори
 барабан
 жыр
 кожевник

Случаи предпочтения книжной лексики единичны. Например: СИ *лядвия, стегно* — Ном. *лядвии*; СИ *устне, губы* — Ном. *устне*.

Характерная особенность Ном. в отличие от СИ — использование языковых средств, отражающих живую языковую практику его автора, — украинизмов и белорусизмов. Возможно, что в конце XVII—начале XVIII в. они входили в состав общего литературного языка, бытовавшего на Украине и в Белоруссии, который в отличие от книжного, церковнославянского языка назывался «язык русский», «диалект русский», «мова проста», «реч проста». Этот язык (помимо церковнославянской лексики) в большом объеме включал в себя слова живого народного языка.²⁴ Имеется в Ном. также большая группа слов, свойственных народной русской речи. Часто Ном. дает эти украинско-белорусские и русские народные слова как дублиеты к общеупотребительным русским словам, имеющимся в обоих лексиконах.²⁵ Например: Ном. *свекла бураки* — СИ *свекла*; Ном. *чыреи рак, или волк* — СИ *рак недуг*; Ном. *анис, ганыш* — СИ *анис*; Ном. *жывица, смола* — СИ *смола из древа*; Ном. *коваль, кузнец* — СИ *кузнец*; Ном. *логкое плюцо* — СИ *легкое*; Ном. *лето, год, рок* — СИ *лето, год*; Ном. *кровь, руда* — СИ *кровь*; Ном. *бека, сибирка* — СИ *белка*; Ном. *от пчел сот. стень* — СИ *сот от пчел*.

Примыкают к ним и воспринятые в украинском и белорусском языках иноязычные заимствования, например: Ном. *бат* (восх. к голл.), *карбас* — СИ *карбус*; Ном. *крейда* (нем.), *мел* — СИ *мел*; Ном. *катар, рима* (чешск.), *чихавица* — СИ *катарой, или насморка*.

В отдельных случаях в Ном. приводятся народные варианты слов: Ном. *брюхо брюх чрево* — СИ *брюхо, чрево*; Ном. *врабии, воробеи, воробех* — СИ *врабий, воробей*; Ном. *верблюд, велблюд* — СИ *велблуд*.

Ср. также использование нейтральных или обиходных слов в Ном. по сравнению с книжными в СИ. Например: Ном. *близ-*

²⁴ См.: Г о р е ц к и й П. И. Изучение украинского языка в досоветский период. — В кн.: Изучение украинского и белорусского языков. М., 1958.

²⁵ Материалы проверены по словарям украинского и белорусского языков, русским областным словарям, частично — по материалам картотеки Словаря русских народных говоров Ин-та русского языка АН СССР.

нята — СИ двойни; Ном. бык — СИ телец; Ном. воз телега — СИ корета колесница;²⁶ Ном. гетман — СИ воевода, военачальник; Ном. голова земскои — СИ ипат (греч.); Ном. ганчарь — СИ обжигальщик; Ном. годовое дитя — СИ единоелетное отроча; Ном. елина — СИ ель; Ном. деревенский торг кермаш — СИ праздники селския; Ном. кажан — СИ нетопырь; Ном. коники — СИ сверц, сверчок, акриды, пружи; Ном. кос — СИ скворец; Ном. кутки в глазах — СИ окоугол, лузг; Ном. лава — СИ скамья; Ном. ларечнои — СИ анфипат; Ном. лекарь, доктор — СИ врач; Ном. лице — СИ взор, зрак; Ном. малец 12 лет, хлопчик — СИ отрок подростый 12 лет; Ном. мурашка — СИ мравий муравей; Ном. неделя — СИ яннуариа, седмица; Ном. *по*веки — СИ вежди, века; Ном. суля — СИ кувшин, лагун и многие другие.

При сопоставлении словарных статей, имеющих совпадающие русские слова, можно заметить, что в Ном. и СИ при них даются разные дополнительные дублиеты: в Ном. это главным образом белорусизмы, украинизмы и слова народного русского языка, в СИ — слова книжные и общерусские. Например: Ном. бондар, бочерник — СИ бочар, бочерник; Ном. домок, изба — СИ хижина, изба; Ном. кот морский, обезьяна — СИ пифик, обезьяна; Ном. мезга, сок — СИ сок, слеза древа; Ном. мождер, ступка — СИ иготь, ступка; Ном. священник, поп — СИ священник, иерей; Ном. солдат, служивый — СИ воин, салдат; Ном. свиня морская, ворволь — СИ делфин, свиния морская.

Подтверждают наши наблюдения и слова Ном., отсутствующие в СИ. Это тоже прежде всего белорусизмы и украинизмы, очевидно не свойственные употреблению Поликарпова. Например: братыня, ворожбит, говеино, грышпан 'медная ярь, медная зелень',²⁷ долбня, заход 'отхожее место', зеп 'кошелек, денежный мешочек', кнот 'фитиль'; копыл, копыт 'колодка для обуви', корч 'судорога'; кротовны, купины 'бугорки, нарытые кротом', лаплю 'чиню, штопаю, латаю', пастовник 'выгон, выпас для скота', смоковица 'черпальная машина, насос', стринадка 'подорожник, овсянка', струга 'ручеек', ухналь 'подковный гвоздь', хросток 'хрящ', швачка 'название змеи' и некоторые другие.

Некоторые из слов этой группы не зафиксированы в словарях, например: капари 'каперсы', окружалник 'циркуль', становничый 'тот, кто разбивает лагерь для войска', шаховница 'шахматная доска' и др.

В ряде случаев эти белорусизмы, украинизмы и слова народного языка (стоящие, как правило, на первом месте) имеют при себе общерусский дублет, который служит как бы переводом или

²⁶ Здесь и в некоторых других случаях в СИ употребляются слова «высокого» предметного ряда по сравнению с обиходной лексикой в Ном., ориентированные на одно и то же латинское слово.

²⁷ Объяснения даны на основании латинской и немецкой части лексикона.

описательным толкованием. Например: *варадоман, двуколка; галун, квасец; голь, сук; калагуд, курица индийская; малыи ястреб, кобуз; кутница, великая кишка; личман, счотны; луг, щолок; сапание, дыхание; шчепы, трески* и др.

В соответствии с общим отношением к книжным словам Ном. не свойственно использование сложных слов, обычных в СИ. Например: СИ *великовозрастный, велик возрастом* — Ном. *высокии человек, велик возрастом*; СИ *великотелесный* — Ном. *толстыи*; СИ *два дни дводенство* — Ном. *два дни*; СИ *дволетие* — Ном. *два годы*; СИ *долгобрадый* — Ном. *долгая борода*; СИ *зайцоустный, малоустный* — Ном. *заечия уста имущий*; СИ *зловоние, злосмрадие* — Ном. *смрад с подпах*; СИ *зубочистка* — Ном. *перо к очищению зубов*; СИ *капель, каплепадание* — Ном. *капление, капание*; СИ *козерог* — Ном. *козии рожек*; СИ *плодоносная земля* — Ном. *плодная земля*; СИ *полномесячие* — Ном. *полня месяца, или полныи месяц*; СИ *птицеловец* — Ном. *птичник, ловец*; СИ *равноденствие, равнонощие* — Ном. *поверстание нощи и дня*; СИ *яд смертоносный* — Ном. *смертныи яд*; СИ *тримесячие* — Ном. *четвертая часть лета или года*; СИ *хлебник, хлебопек* — Ном. *пекарь* и др.

Наконец, в Ном. нашли отражение фонетические и морфологические особенности, резко отличающие его от СИ.²⁸

Так, в области фонетики отмечаются черты, которые могут рассматриваться как белорусские или украинско-белорусские.

В области гласных: 1) В Ном. отсутствует упорядоченность в написании *о* и *а*, что дает возможность говорить о наличии аканья (характерная белорусская черта). Например: *гарбатыи, предняя часть галавы, ганчарь, зала, нос карабелныи, окарак, палын, папугаи, якарь* и др. (ср. соответственно в СИ: *горбатыи, зола, корабельный, окорак, пелын, попугай, якорь*). 2) Некоторым формам с начальным *о* в Ном. соответствуют в СИ формы с *е*. Например: Ном. *ожик, еж* — СИ *еж*; Ном. *опоньча* — СИ *епанча*; Ном. *осень* — СИ *есень* и др. Слова в этой огласовке сохранились в современном белорусском и украинском языках. 3) Отмечаются случаи перехода *о* в *у*: *пучки* 'глазок, почка', *стуна* 'стопа, подошва', *о* в *ы*: *плыт* 'плот', *яблыка, кислые яблыка, сладкия яблыка* (ср. СИ: *яблоко, кислые яблоки, сладкия яблоки*),

²⁸ При определении белорусских и украинских особенностей использованы: Д у р н о в о Н. Н., С о к о л о в а Н. Н., У ш а к о в Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. — Русский филологический вестник, № 4, т. LXXIV, вып. 2. М., 1915; К а р с к и й Е. Ф. 1) Русская диалектология. Л., 1924; 2) Белоруссы. Т. 1—2. Варшава, 1903—1908, а также показания «русской» части славянорусских словарей XVII в. (Необходимо отметить, что «русской» она может быть названа лишь условно. Как отмечалось в ряде исследований, посвященных в основном лексикону П. Берынды, русский реестр включает слова украинские, белорусские, польские и некоторые другие, — см.: Г о р е ц к и й П. И. Изучение украинского языка, а также: Н і м ч у к В. В. Памво Беринда і його «Лексікон славенороскїи» (Вступ. ст.). Київ, 1961) и различные словари белорусского и украинского языков.

В области согласных наблюдается: 1) Твердость *р*. Например: *архимандрит, бероза, вечера, генвар, грыва, gryф, имбер, ноздры, октявр, плястр, пономар, сараченское пшено рыж, угор, фрыяка* и др. (ср. соответственно в СИ: *архимандрит, береза, вечера, генварь, грыва, гриф, инбирь, ноздри, октябрь, пластырь, пономарь, угорь рыба, фириак лекарство*). 2) Твердость *ч, щ*. Например: *чыж, отчым, отчына, становничьи, стряпчи; заикающыися, кровно недугуючыи, непиючыи вина, нищьи, товарищы* (ср. в СИ: *чиж, вотчим, отчизна; недугующий, непиющий вина*). Ср. также *шч* на месте *щ*: *лешч, шчука, рошча* и др. (в СИ: *лещь, щука, рощи*). 3) Твердость губных и переднеязычных: *басна, голуб, гвозд, курица индыиска, лин, локот, лосос, мыгдал, пароксызм, о началех политычных, пыл, мясо солоное, турма* (ср. СИ: *басня, голубь, гвоздь, лить, локоть, лосось, мигдалныя ядра, пароксизм, о чинех политических, пыль, мясо соленое, тюрьма*). 4) Довольно обычны усеченные формы слов с выпадением согласных и гласных в разных позициях. Например: *исокос, искосное лето; лето осталения, бека, жевь, кормение, зябу, белая извесь, тор* и др. (ср. СИ: *високос, или високосное лето; лето оставления, белка, торжище*); *згага, шпараг* (ср. СИ: *изгага, аспараг*).²⁹

О том, что Копиевский опирался прежде всего на живой язык, свидетельствует и отражение некоторых морфологических особенностей в обоих словарях.

Так, для существительных в Ном. преобладают формы с флексией *-ия, -ья, -ье* (например: *игуменья, история, лилия перье, вино романия* и др.), в СИ соответственно формы с *-иа, -ие, -еа* (например: *академия, дисендерия болезнь, игуменья, история, лилея, ладья, перие, вино романия*).³⁰

В Ном. имеется ряд существительных с окончаниями, присущими белорусскому и украинскому языкам. Например: *недуга, фрыяка, знаме, знаме природное, знаме язвы* (ср. СИ: *недуг, фириак, знамя*); в косвенных падежах — существительные с флексией *-у* (*стена с кирпичу, ямка налицы от смеху, о игранию, или игралицу; о одеянии и платию, о деревни, полю и селе; в седении жилы кровнии, суш в улю, о человеку и о его частех* и нек. др.), *-и* (*о конюшни, о поварни, седение при свещи* и др.).

Отдельные прилагательные в Ном. имеют в им. п. ед. ч. флексию *-ой, -ей* (*дремучей лес, каленой кирпич, каменной пол* и др.). Приводятся также и стяженные формы прилагательных: *раковина жемчужна, пухова перина, бумага хлопчата* (ср. СИ: *постеля пуховая, бумага хлопчатая*).

К аналогичным результатам приводят также и сопоставление некоторых словообразовательных параллелей, сопоставление употребления предлогов и др.

²⁹ Эта особенность, по свидетельству Карского, свойственна белорусским говорам и отмечалась еще в памятниках XIV—XV вв.

³⁰ Интересно отметить, что даже там, где у Копиевского дан книжный вариант флексии, у Поликарпова — «суперкнижный».

Сопоставительный анализ, проведенный нами по некоторым параметрам обоих словарей, позволяет сделать следующие выводы.

«Номенклатор» И. Копиевского и «Собрание имен» Ф. Поликарпова — учебные тематические словари, созданные почти одновременно на рубеже XVII—XVIII вв. с целью обучения русских иностранным языкам. При создании лексиконов авторы использовали предшествующий лексикографический опыт. Не исключено и непосредственное воздействие русских азбуковников и Словаря Рея. Сравнение лексиконов Копиевского и Поликарпова с этим последним обнаружило идентичность в способах подачи материала и значительное сходство в тематических группах слов.

Сравнительное сопоставление Ном. и СИ показало несомненную связь между ними. Эта связь проявилась в выборе одинаковых лексикографических приемов подачи и организации материала. Так, в обоих лексиконах тематические группы слов объединены в главы, имеющие порядковый номер и объединяющий заголовок, материал внутри глав расположен тремя столбцами. Наблюдается значительная близость в последовательности расположения глав, группировке по одинаковым тематическим разрядам. У обоих авторов представлены одни и те же грамматические категории слов. Приблизительно равен объем. Слова в обоих лексиконах снабжены ударением.

Однако, кроме сходства, имеются и существенные различия. Не совпадает количество глав, иногда они расположены в разной последовательности, у каждого из авторов имеются главы, отсутствующие у другого, сами заголовки дают большое количество разночтений. Авторы при переводе одного и того же латинского слова используют различные языковые средства. Это своеобразие мы связываем с различиями в образовании, живой языковой практике и теоретических позициях их авторов. Поликарпов — носитель высокой книжной образованности конца XVII в., полученной в стенах Славяно-греко-латинской академии, человек, в совершенстве владевший орфографическими нормами, знаток греческого языка. По национальности — русский, коренной москвич. Копиевский — представитель западной языковой культуры, причем юго-западной ее разновидности, бытовавшей в конце XVII—начале XVIII в. на Украине и в Белоруссии. Этот литературный язык широко включал в себя элементы живого народного языка.

Сопоставление текстов показало, что часть лексики, представляющая собой слова нормализованного русского языка того времени, является общей для обоих лексиконов. Однако каждому лексикографу присуще и своеобразие в выборе языковых средств. Основная, преобладающая лексика СИ Поликарпова — книжная (церковнославянская или калькированная, заимствованная из греческого и латинского), а также слова литературного языка того времени. Слова более сниженного стиля даются, как правило,

при объяснении книжных слов. В Ном. Копиевского книжная лексика занимает незначительное место. Характернейшая особенность этого лексикона — наличие белорусизмов и украинизмов, а также слов народного русского языка. Наличие некоторых фонетических и морфологических особенностей, присущих исключительно белорусскому языку (например: аканье, твердость *р* и некоторые другие) позволяют с большой долей уверенности говорить о том, что Копиевский по национальности — белорус и его родной язык — белорусский. Сопоставительный анализ не подтвердил прямой зависимости СИ от Ном. Их сходство — сходство т и п а словаря. В то же время с несомненностью выяснилось, что они могут стать интересными и важными источниками для изучения истории русского, белорусского и украинского языков.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ XVIII в.
«РУССКО-ГОЛЛАНДСКИЙ ЛЕКСИКОН» ЯКОВА БРЮСА

«Русско-голландский лексикон» 1717 г. (РГЛ) давно обратил на себя внимание историков языка. Его материалы были использованы в работах многих исследователей (Смирнова, Христиани, Хюттль-Ворт и др.). Акад. М. П. Алексеев счел необходимым воспроизвести часть текста словаря, снабдив его предисловием и выборочным комментарием.¹ Тем не менее сам текст словаря еще не подвергался обследованию, следовательно, характер словаря, его лексикографическая и лексикологическая ценность, его место в истории лексикографии XVIII в. еще не определены.

Довольно подробные сведения о внешней стороне истории создания РГЛ находим в архивных материалах, опубликованных Пекарским.² Некоторыми из них нам придется воспользоваться, для того чтобы предварительно выяснить, что представляет собою этот словарь по своему первоначальному замыслу.

В 1712 г. в Амстердаме на голландском языке вышло 2-е издание Грамматики голландского языка В. Севела.³ Уже в 1716 г., т. е. через 4 года, Петр I поручил Я. В. Брюсу перевести эту грамматику на русский язык. Задание было ответственным и спешным. В своих письмах к царю Брюс регулярно докладывал о ходе работы, сообщал о программе перевода, посылал образцы для «апробации», просил помощников, так как опасался не справиться в срок с переводом.

В составе Грамматики в качестве приложения к разделу о роде имен существительных находился список имен, не подходящих под изложенные правила, а также имен, не имеющих формальных показателей отнесенности к определенному роду. Этот список был озаглавлен «Lyste van de geschlatten veelen Naamwoorden»,

¹ Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбучнике XVII в. Л., 1968. — Автор обращает внимание на ценность словаря как одного из ранних русско-иноязычных словарей и полагает, что словарь ввиду его библиографической редкости заслуживает переиздания.

² Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862 (в дальнейшем — Пекарский).

³ Nederduytsche spraakkonst, waarin de gronden der Hollandsche Taale Naawkeuriglyk Opgedolven, en zelfs voor geringe verstanden. . aangewezen zyn. . Door W^m Sewel. Amsterdam, 1712.

в переводе Брюса «Роспись родам многих имян».⁴ Переводя Грамматику, Брюс снабдил переводом и все входящие в роспись слова. Мысль сделать этот реестр служебного назначения самостоятельным лексиконом и вычленив его из Грамматики могла быть подсказана Брюсу как самым результатом переводческой практики — получился двуязычный голландско-русский словарь, так и чисто внешними причинами. Петр I, по распоряжению которого работал Брюс, находился в это время за границей и намеревался посетить Голландию. Двуязычный голландский лексикон был бы весьма полезен в этой поездке. Для создания голландско-русского словаря было достаточно сделать перевод росписи. Брюс, кроме того, делает и русско-голландский словарь. Для этого он «перевертывает» голландский реестр, к которому уже был приписан русский перевод, т. е. переносит русскую часть в левый столбец, а голландскую в правый. 2 октября 1716 г. Брюс доносит царю, что «книги голландской грамматики перевел уже половину и именования русския из той половины написаны. Токмо по алфавиту еще не сделаны».⁵ Через месяц он вновь сообщает о том, что спешит закончить размещение русских слов по алфавиту,⁶ а в начале января 1717 г. отдает РГЛ в набор, ранее перевода всей Грамматики.

РГЛ задает исследователю несколько загадок. Первая связана с составом его словника. В письмах Брюса содержится следующее «напамятование» о переводе Грамматики: «Всю перевести на русский язык. При том переводе где какое именование явится выписывать в особливую тетрадь. Сие все выписав, перевести на русский язык потом».⁷ Казалось бы, в этих словах заключена программа составления голландско-русского словаря по материалам Грамматики, а именно: Брюс предполагал в процессе перевода выбирать все те голландские существительные (в тексте Грамматики гол. *Naamwoord* передается рус. эквивалентами *именование, слово именительное*), которые встречались в переводимом тексте в качестве примеров. Однако ни одно из таких слов, как показало сопоставление текста Грамматики с текстом словаря, не было помещено в РГЛ. Примеры в самой Грамматике даются то с переводом на русский язык, то без перевода.⁸

⁴ Ср. обоснование приведения такого списка: «Понеже убо многие слова именительные, в языке нашем (т. е. голландском) изобретаются, которые ни под какое твердое правило привести не могут, для того что род их по правилам прошедшим, не может показан быть, того ради следующую роспись оным соделах, и здесь при совокупил» (Вилима Севела Искусство недерландского языка. СПб., 1717, с. 194).

⁵ Пекарский, т. I, с. 299.

⁶ «И я чаю, что именования русских слов с голландским по алфавиту из грамматики вашему величеству тамо потребны будут, того ради. . . начал поспешать оными именованиями, и как в готовности будет, с первым случаем пришло к вашему величеству» (Пекарский, т. I, с. 299).

⁷ Пекарский, т. I, с. 299.

⁸ Например, в разделе «О роде именительных слов», к которому непосредственно примыкает «Роспись», все примеры даны без перевода (с. 168—

Следовательно, если наша интерпретация высказывания Брюса правильна, что-то помешало ему осуществить первоначальный замысел. Правда, если усмотреть в словах Брюса некоторую неточность словоупотребления, то содержание «напамятования» можно осмыслить и иначе, а именно — что Брюс предполагает выписывать в «особливую» тетрадь именованья именно данного списка (он неоднократно называет список существительных и составляемый лексикон «именованиями») и позже заняться его переводом и размещением по алфавиту русской части. Во всяком случае осуществлена была лишь обработка реестра-приложения.

Загадка вторая — какой словарь должен находиться в переведенной на русский язык Грамматике Севела. РГЛ известен как отдельное издание и как часть грамматики. В библиографической литературе отмечается, что список имен существительных голландского подлинника заменен русско-голландским словарем.⁹ Отмечается также, что в брюсовском переводе Грамматики сбита пагинация. Реестр (или словарь) должен был начинаться с 195-й страницы. На предшествующей 194-й странице дано обоснование введения списка (ср. сноску 5) и принятые условные обозначения рода существительных. Страница 194 связана со следующей страницей кустодом (слово Роспись). Однако «Роспись имян» (в тех экземплярах, которые были просмотрены) имеет свою собственную пагинацию (с. 1—270) и заканчивается наборной концовкой, т. е. оформлена как самостоятельное издание. Следующая страница Грамматики не 271 (как продолжение пагинации, начатой со словаря), а 249. Известно, что РГЛ был сдан в набор 8 января 1717 г. и был напечатан 1 апреля того же года, в количестве 42 экземпляров. Одновременно печатался и голландско-русский лексикон¹⁰ объемом в 248 стр.; 1 мая в продаже было 49 экземпляров этого словаря. Перевод же всей грамматики появился на 8 месяцев позже, в ноябре 1717 г., в количестве 50 экземпляров.¹¹

Можно предполагать, что, начав печатать словари, Брюс вскоре отдал в набор и Грамматику. Во всяком случае РГЛ, равно как и ГРЛ, не был закончен печатанием, когда набиралась та часть листов Грамматики, где нужно было поместить словарь. Поэтому, чтобы не прерывать набора, был сделан пропуск в пагинации. Обращаем внимание на то обстоятельство, что было пропущено не какое-то количество тетрадей (или полутетрадей, составляющих 16 страниц, т. е. не 48 или 64 страницы), а 55 страниц, точно соответствующих объему ГРЛ, но недостаточных для РГЛ (следовательно, был сделан предварительный расчет страниц).

194), в разделе о прилагательных большие таблицы голландских первообразных и суффиксальных прилагательных приводятся то с переводом (с. 388—398), то без него (с. 396—397).

⁹ Описание изданий гражданской печати. М.—Л., 1955, с. 216.

¹⁰ Сокращенно обозначается ГРЛ.

¹¹ Описание изданий гражданской печати, с. 206, 208.

Как кажется, есть основания предположить, что именно ГРЛ предназначался для Грамматики, так как включение в ее состав РГЛ разрывало логический ход изложения, а сам словарь оказывался явно чужеродным телом.

Известные нам экземпляры Грамматики или вообще без словаря, или имеют РГЛ. Возможно, что не все экземпляры Грамматики были сброшюрованы со словарем (например, из четырех экземпляров БАН лишь один с РГЛ, а остальные три без него, причем одна из книг в переплете XVIII в., следовательно, нельзя говорить об утрате словаря в последующее время).

Говоря об истории создания РГЛ, мы не можем обойти молчанием его создателя. Автор РГЛ (его можно смело назвать не переводчиком, а именно автором) — Яков Вилимович Брюс — один из образованнейших людей Петровского времени, сподвижник и друг Петра. Он много путешествовал, сопровождал Петра в его поездках по Европе; будучи в Англии в 1698 г. слушал лекций английских математиков, прекрасно знал астрономию, артиллерийское дело, ботанику, географию. Владел английским, немецким и голландским языками. В его обширной библиотеке, кроме русских книг, были книги на немецком, английском, латинском, голландском, французском, итальянском, шведском, польском, финском, греческом языках.¹² Брюс является автором сочинения «О превращении фигур плоских во иные такова же содержания» 1708 г., принимает участие в написании «Юности честного зеркала», ему принадлежит перевод книг «Геометрия, славенски землемерие», «Книга мирозрения, или мнение о небесноземных глобусах и их украшениях», он редактирует и правит многие переводы, например «Новейшее основание и практика артиллерии» Э. Брауна, «Новое крепостное строение» М. Кугорна, «Учение и практика артиллерии» З. Бухнера, «Таблицы синусов, тангенсов и секансов. .» А. Влакка, «Земноводного круга краткое описание» И. Гюбнера. Так что перевод Грамматики был в руках знающего и искусного переводчика и писателя. Брюс понимал трудность перевода на русский язык грамматического текста, «понеже грамматика перед иными книгами особливо достаточно искуснаго обоих языков переводчиков требует».¹³ Перевод же «Реестра имен» оказался еще сложнее. Реестр существительных в Грамматике содержал много редких, не известных Брюсу слов. Он обращался за помощью к лицам, знающим голландский язык, пользовался словарями (а в библиотеке Брюса словари занимали значительное место, в том числе было несколько словарей гол-

¹² О библиотеке Брюса см.: Л у п п о в С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973, с. 184—203. Автор высказывает предположение о том, что Брюс владел и латинским языком (с. 195). Ср. признание самого Брюса: «И перевел я ее (т. е. Грамматики Севела — Е. Б.) большую половину и дошел ныне до деклинациев, которое писано голландским с латинским языком, чего я не могу выразуметь» (Пекарский, т. I, с. 301).

¹³ Пекарский, т. I, с. 298.

ландского языка), тем не менее оказалось, что около 300 слов Брюс «истолковать ниже в лексиконах сыскать не мог».¹⁴ Брюс выписывает из Амстердама Лексикон Севела и по нему переводит «неистолкованные» слова и сверяет уже переведенные.

Какой же словарь Севела использовал Брюс? М. П. Алексеев высказал предположение, не воспользовался ли Брюс англо-голландским словарем Севела «Groot Wordenboek der engelsche en nederduytsche Taalen».¹⁵ Однако трудно себе представить, что, разыскивая значения голландского слова, лексикограф мог воспользоваться словарем англо-голландским. Практически, чтобы найти нужное значение, надо было бы голландское слово перевести на английский язык и потом проверять его эквиваленты в голландском. Но поскольку Брюс, как он указывал, не мог перевести многие голландские слова на русский язык, то вряд ли такая операция была бы для него легче на английском языке. Тем не менее догадка М. П. Алексеева подтвердилась. Словарь под титулом «A large dictionary english and dutch, in two Parts. . Groot Woordenboek der engelsche en nederduytsche Taalen; Nevens eene spraakkonst derzelve. Door W. Sewel. T'Amsterdam. . 1708» объединяет в одном конволюте два словаря: англо-голландский, имя которого присвоено всей книге, и голландско-английский, составляющий вторую ее часть под названием «Groot Woordenboek der nederduytsche en engelsche Taalen». Следовательно, вторая часть этого словаря¹⁶ годилась для справок и выяснения значений неясных для переводчика голландских слов. Сопоставление РГЛ и ССв подтверждает предположение о том, что именно этот словарь был одним из справочных источников в работе над ГРЛ и РГЛ.

Приведем некоторые примеры, подтверждающие наши наблюдения.

А. Использование элементов толкования:

РГЛ

ССв

Ардаки коренья, орехи
земляные. A aardaker.

Aardaker (M), a Groundnut, an
Earthchestnut. [Земляной орех].¹⁷

Гафт, имянование мошкам
на воздухе живущим токмо
единой день. Haft.

Haft (N), A sort of Flies upon the
water who live but one day. [Род
воздушных насекомых, живущих
один день].

¹⁴ Там же, с. 301.

¹⁵ А л е к с е е в М. П. Словари иностранных языков. . . , с. 150.

¹⁶ В дальнейшем сокращенно ССв. — В БАН находится экземпляр ССв из личной библиотеки Брюса (об этом свидетельствует Брюсовский экслибрис, наклеенный на внутренней стороне переплета) с несколькими пометками и записями почерком XVIII в., возможно, самого Брюса.

¹⁷ В квадратных скобках для сопоставления дается современный перевод голландских толкований к английским словам.

Калшал¹⁸ пиво подсла-
щенное с хлебом. Koude-
schaal.

Розонобел, манета аглин-
ская старинная. Roozeno-
bel.

Парча тонкая из шелку
и шерсти соделанная. Bo-
rat.

Ветр сквозь дыру или сква-
жину в какую храмину ве-
ющий. Togt.

Плумаж, сиречь куст
перьев струкамиловых.
Pluymagje.

Koudeschaal (F), Beer wiht sugar
and bisket soaked in it. [Пиво с са-
харом и размоченным в нем хлебом].

Roozenobel (M), a Noble, an old
golden English coin. [Старинная зо-
лотая английская монета].

Borat (N), a Certain light stuff of
Silk and fine wool. [Сорт легкой ткани
из шелка или тонкой шерсти].

Togt (F) (lucht), Vent, air; a Wind
that comes into room through a hole
or a chink. [Ветер, проникающий
в помещение через дыру или щель].

Pluymagje (F), a Plumage, a bunch
of feathers. [Плюмаж, пучок перьев].

Б. Воспроизведение части словарной статьи:

Пас, переправа. Я ему
сию переправу заставил.
Ik heb hem dien pas verzet.

Pas (M) (doortogt). . Ik heb hem
dien pas verzet.

В. Воспроизведение полисемии и омонимии:

Спальное место матроз-
ское, также клетка. Kooi.

Kooi (F), a Seaman's cabin.--a Cage.
[Матросская каюта, клетка].

Ремень, также и язык.
Lerp.

Lerp (F); a Thong of leather, also
the Tongue. [Кожаный ремень, также
язык].

Райна, также и дикая ко-
за. Ree.

Ree (F), Raa. [Рей].

Ree (F), (wilde geyt). [Дикая коза].

Нежно, также и деготь,
смола житкая. Teer.

Teer (teder), Tender, weak. [Неж-
ный, слабый].

Teer (subst.) Tarr. [Деготь].

Мом пиво, также кто
скрылся. Mom.

Mom, Disguised. [Переодетый, скры-
тый].

Mom (Subst. g.) (zeker zwag bier).
[Двойное пиво].

Нет необходимости продолжать сопоставления; уже приведен-
ные примеры свидетельствуют о привлечении ССв для истолкова-

¹⁸ Опечатка: вм. кадшал.

ния многих слов. Брюс писал о том, что ему пришлось «переправлять» более 1500 слов, т. е. около половины всего текста словаря переработать заново (в РГЛ, по нашим подсчетам, около 3500 словарных строк). Следует обратить внимание на следующее замечание Брюса, свидетельствующее о его добросовестном следовании за ССв. Сообщая Петру о выходе из печати РГЛ, или «именований», Брюс пишет: «И хотя во оных сыщутся не мало слов несходных с простым наречием и со иными лексикона, однако ж я принужден был следовати лексикона автора тое грамматики».¹⁹

Тем не менее известная часть голландских слов не была сверена с ССв, а имела иные источники — собственное знание голландского языка, консультации с знатоками голландского языка, иные словари. Это подтверждают и многие словарные строки в РГЛ, имеющие явные отклонения от разработок ССв, в частности более детальные описания значений, фиксации неучтенных в ССв значений, отсутствие значений, отмеченных ССв, и пр.

Ограничимся лишь выборочными сопоставлениями:

РГЛ

ССв

гол. Eest переводится: *Овин, где ямень сушат, тож и сук от дерева.*

второе знач. не отмечено

гол. Knor переводится: *Ворчанье, также и кость.*

a Bone, - also a knurl. [кость, а также сук].

гол. Sprot переводится: *Селетка малая, также и отрок, или что молодое.*

второе знач. не отмечено

гол. Klimor переводится: *Трава около дерева вьючая, также и взглас.*

второе знач. не отмечено

гол. Rondeel переводится: *Бастион.*

a Round bulwark, - also a round Theater, - also a Roundelay. [круглый бальверк, также круглый театр, также хоровод] — два последних знач. в РГЛ отсутствуют.

Как уже указывалось выше, РГЛ содержит около 3500 словарных строк, расположенных в строго алфавитном порядке. Алфавит хорошо выверен и ошибки в нем единичны (например, алмаз после алоес, арифметика после артишок, борода после бородавка, бросок после брось, брюзга после брюхо, верф после вершина, ветр в гнезде ветвь и некоторые другие).

¹⁹ Пекарский, т. I, с. 302.

Вынеся в левый столбец русскую часть словаря, Брюс или не успел, или не счел нужным переработать ее в соответствии с лексикографическими приемами, усвоенными к этому времени в русской и западноевропейской лексикографии. Поэтому в РГЛ фактически объясняемым оказалось не русское слово, а голландское, и именно оно осталось той единицей, которая определяет и формирует словарную строку. Внешне об этом свидетельствуют даже приемы размещения русско-голландских соответствий. Так, отдельными словарными строками представлены однозначные слова, если им соответствуют разные лексемы в голландском языке, например:

Барабан. Trommel.

Барабан. Trom.

Баран. Hamel.

Баран. Schaap.

Берег. Over.

Берег. Kunst.

Берег. Strand.

Соответственно этому, если голландское слово было полисемантическим, то перевод его значений (а следовательно, разные русские слова) представлен в одной словарной строке, например:

Болото, также и штаны. Broek.

Венчание и верность. Trouw.

Ворчание, также и кость. Knor.

Кроме однословных толкований в строке может быть и набор синонимов или близких по значению слов, раскрывающих значение голландского слова, например:

Верчение, обращение, кручение. Draai.

Ведомость, известие, реляция. Verslag.

Винение, хуление, бранение, ругание, осуждение. Opspraak.

Наконец, если не были найдены однословные эквиваленты, то в левой части РГЛ приводится развернутое объяснение, истолкование значения голландского слова (по алфавиту первого слова толкования) например:

Безделное дело робяцкое, ни к чему годно. Leur.

Безстыдной роскащик, или вракун. Blafferd.

Бранное слово не-злое. Deuverater.

Бунта начинщик или бунта водитель. Belhamel.

Возвышенное место на площади ради проклику. Ruij.

Выметание, или выбрасывание всяких пожитков чрез борт в море. Avery.

При этом слова, входящие в толкование, естественно, не выносятся в алфавит (ср. отсутствие в алфавите слов: *раскащик, вракун, начинщик, водитель, площадь, проклик* и др.).

Приведенные примеры показывают, что вынесенные в алфавит русские соответствия не были сведены и обработаны, а оставлены в том виде, как это получилось при их переводе. Поэтому практическое пользование словарем представляло известные трудности. Предназначенный прежде всего для Петра и небольшого круга русских людей, владеющих в той или иной степени голландским языком, словарь мог быть использован в тех случаях, когда возникало затруднение в передаче мысли на голландском языке, в подыскании нужного голландского слова. Большая часть словарных строк РГЛ отвечала таким требованиям; многие из приведенных нами способов истолкования (в том числе и развернутые, не однословные переводы) также могли навести на искомое слово. Но очень многие словарные строки этой цели служить не могли. К ним относятся прежде всего такие, в которых одно русское слово соотнесено без каких-либо уточнений с двумя или более голландскими.

Ср.: *Берег. Over.*
Берег. Kust.
Берег. Strand.

Употребление гол. *Over, Kust, Strand* небезразлично для голландца, т. к. *Kust* и *Strand* обозначают берег моря, причем *Strand* преимущественно песчаный берег моря, *Over* — берег реки, озера (но не моря). Такого лексически выраженного противопоставления в русском языке нет, и РГЛ не подсказывает выбор нужного в определенной языковой ситуации голландского слова.

Пекарский, а вслед за ним и другие авторы утверждают, что в РГЛ представлены существительные и небольшое количество наречий. Это верно, но с поправкой — в РГЛ вкраплены еще и прилагательные (скажем осторожнее — по форме прилагательные: *безмоуцен, безумный, ближний, богат, боязливый, страшливый, вышний, главнейший, последней, пьян*) и глаголы (*аз есмь, брось—кинь, варить, возвращает, заткни, кивнуть, кривляца, лобызати—целовати, напроситись, несмею, поднять, подбивати*).

Как могли попасть эти части речи в перевод реестра существительных?

Сопоставление русского и голландского столбцов РГЛ убеждает нас в том, что некоторые из них появились в результате не соотнесенного грамматически перевода. При этом можно выделить несколько типичных позиций:

1. Переведены глаголами существительные, обозначающие действия: *smaк, weгp, m.* 'удар' — *брось, кинь* (с. 14), этот перевод повторен при сущ. *goii, m.* 'бросок, удар' (с. 14); *teelt, o.* 'разведение, выращивание' — *возвращает, или какой плод разводит* (с. 26); *knik, m.* 'кивок головой' — *кивнуть главою* (с. 83); *guich, f.*

‘усмешка, гримаса’ — *квивлятца, или рот скривя, передражни-
вать кого* (с. 95); kussen, о. ‘поцелуй’ — *лобызати, целовати*
(с. 105); orhef, м. ‘подъем’ — *поднять* (с. 157).

2. Переведены наречиями и наречными сочетаниями существи-
тельные оригинала, обозначающие качества, свойства и другие
отвлеченные понятия: elende, о. ‘бедность, несчастье’ — *жалостно,
убого, окаянно* (с. 54); bujtenkans, в. ‘внешняя сторона’ — *на сто-
роне* (с. 125); onrjm, о. ‘нерифмованные стихи’ — *не в вирш,
не складно* (с. 126); voorwind, м. ‘попутный ветер’ — *по ветру*
(с. 153); ochtend, м. ‘утро’ — *по утру, из утра* (с. 167); hol, о.
‘пустота’ — *пусто* (с. 178); uytweg, м. ‘выход’ — *с дороги, с пути*
(с. 198); drang, м. ‘давление, напор’ — *тесно* (с. 223).

3. Переведены прилагательными м. р. существительные, озна-
чающие лицо, и прилагательными, а также адъективированными
причастиями ср. р. существительные, имеющие предметное зна-
чение: dwaas, м. ‘глупец’ — *безумный* (с. 6); naaste, м. ‘род-
ственник’ — *ближний* (с. 10); spyл, в. ‘прут, спица’ — *заострен-
ное, или гвоздь без шляпки* (с. 62); kreuk, в. ‘морщина, складка’ —
запутанное, сморщенное, согнутое (с. 63); krinkel, в. — ‘извили-
на, изгиб’ — *запутанное, завитое, закрученное* (с. 63); wrong, м.
‘жгут’ — *крученное или витое* (с. 97).

Поводом для грамматического несоответствия в переводе гол-
ландских слов на русский, показанных в пункте 1, могло послу-
жить внешнее совпадение в голландском языке форм 3 л. глаго-
лов и отглагольных существительных (ср. 3 л. telt от инф. teelen
и сущ. telt), форм инфинитива и существительного (ср. инф. kussen
и сущ. kussen, о.), повелительного наклонения глагола и существи-
тельного (ср. повел. gooі от инф. gooіen и сущ. gooі, м., повел.
smak от smakken и сущ. smak, м., stop от stoppen и сущ. stop, м.).
Формальное совпадение в голландском языке некоторых существи-
тельных, прилагательных и наречий может объяснить появление
переводов, отмеченных в пункте 2. Прилагательные и причастия
в пункте 3 можно расценивать как субстантивированные, следо-
вательно, адекватно передающие грамматическую принадлеж-
ность голландского слова.

Принадлежность некоторых слов к грамматической категории
наречия сомнительна. Так, внешне формой двух наречий *остро
пестро* обозначено в РГЛ название колючего растения (гол.
distel). Это название фигурирует в трех словарных строках и бес-
спорность его значения раскрывается в переводе слова distel-
bloem: —

Остро пестро, или колючее зелие. Distel. v. (с. 139).

Колючее зелие, или остро пестро. Distel. v. (с. 88).

Цвет от зелия называемое остро пестро. Distebloem. v. (с. 246).²⁰

²⁰ Ср. в форме *востро пестро*: *Свари пельни, или корень востро пестро*.
Кн. земледелат. 1705, л. 146; . . . *возьми востро пестро травы*. Там же, л. 147;
другие более употребительные в XVIII в. названия этого растения: *татар-
ник, волчец, чертополох, остролист, осет*.

Представляют интерес слова типа *красновато*, *расплющено*:

Красновато, *егда кто в лице покраснеет*. *Blos. v.* 'румянец' (с. 94).
Расплющено. *Bluts. v.* 'шишка от удара' (с. 182).

Есть основания причислить их к немногочисленной, реликтовой уже для начала XVIII в., группе существительных с общим значением результата действия, ср. аналогичное употребление слова *багрово* (в знач. 'багровый синяк, кровоподтек') в текстах начала века.²¹

Не исключено, что некоторые наречия могли появиться в тексте словаря по ошибке (вм. форм субстантивированных прилагательных). Так, логично предположить, что в словарной строке: *Младо. Jonk. v.* 'юноша, мальчик' первоначально было *младъ* или *младои*.²² Это тем более вероятно, что в условиях крайней спешки могли возникнуть (и действительно возникали) ошибки при переписке, сверке рукописи, а также при ее наборе.²³

Некоторые словарные статьи являются плодом недоразумения и явных лексикографических ошибок, например:

Боязливый, страшливый. Smoel, m. Гол. *smoel* 'морда, рыло' (ср. английское соответствие *a Muzzle* в ССв).

Навыорот. Averiuyt. v. Гол. *averuyt* 'растение божье дерево'; возможно, Брюс отождествил *aweruyt* с *awerechts* — наоборот.

Не смею. Durfniet. m. Гол. *durfniet* 'трус' (ср. английский эквивалент этого слова в ССв — *Coward*); очевидно, переводчик воспринял как модальный глаг. *durfen* и отрицание.

Ни, нет. Niet. v. en o. Гол. *Niet* 'ничто, ничтожество, нуль' (ср. английский перевод в ССв: *Nullity, a nought*).

Охотно. Garen. o. Гол. сущ. *garen* 'нить, пряжа' (ср. английский перевод в ССв: *theread, yarn*). Брюс дал перевод не существительного, а совпадающего с ним внешне наречия *garen* — охотно.

Голландский оригинал словаря задал определенные рамки, конкретное же их лексическое наполнение, т. е. допустимый русским языком выбор эквивалентов и соответствий, во многом зависело от языковой практики переводчика.

«Двуязычие» начала века, связанное с наличием двух письменных традиций — книжно-славянской и собственно русской — нашло свое отражение в своеобразном безразличии в выборе ва-

²¹ На левом виске имеется богрово. Реш. д. 55; Синее пятно, синево, багрово от удара. ЛЦ 174.

²² Нареч. *младо* отсутствует в КС XVIII и во всех словарях, в том числе и современного языка.

²³ Например, опечатки в изданном тексте: *кашал* вм. *кадшал* (77), *рун* вм. *рунд* (191), *кураст* вм. *курант* (44), *выметол* вм. *выметок* (131), *яснение* вм. *яснение* (106), *стихи* вм. *стихия* (или *стихии*, 53), *ендивнан* вм. *ендивнан* (53), *языц* вм. *язык* или *языци* (265), загадочное *прикро* (112), бессмысленное *вода в роте* вм. *водоворот* (25); дважды напечатано подряд как две словарные строки *истолкование гол. kaade: Узкой берег, или уская мель в море* (235), *Узкоберег или уская мель в море* (там же).

риантных русских или славянских лексем. Материалы РГЛ демонстрируют весьма незначительное преобладание русских основ над славянскими, но, как представляется, проблемы осознанного выбора Брюса не занимали и не решались им.

Ср. использование полногласных русских форм: *берег* (с. 7, 94), *болото* (с. 11), *борода* (с. 12, 155), *борозда* (с. 118), *ворона* (с. 27), *ворота* (с. 27), *голос* (с. 37), *колос* (с. 88), *молоко* (с. 115) — и неполногласных: *глава* (с. 34), *глад* (с. 36), *младость* (с. 114); использование параллельных образований: *бремя* (с. 14) — *беременная бочка* (с. 7), *власы* (с. 24) — *волосы накладные* (с. 26), *город* (с. 38) — *волной град* (с. 26), *власник* (с. 161) — *волосник* (с. 26); ср. также *жеребей* (с. 56) — *жребей* (с. 58).

Изредка в переводе даны лексические синонимы: *брак*, *свадьба* (с. 13), *грудь*, *перси* (с. 41), *губа*, *уста* (с. 41), *уста*, *рот* (с. 237), *чело*, *лоб* (с. 251).

Можно утверждать, что в своем общем виде перевод преимущественно был ориентирован на ту разновидность языка, которая была связана с собственно русской письменной традицией. В нем нет специфически книжно-славянских слов, единичны редкие славянизмы вроде *пасош* (с. 143), *скипа* (с. 201), *стегно* (с. 213). Соединения разнотильных лексем вроде *шляпной ковчег* (с. 260) не имели в начале века резко запретительного характера.

В то же время РГЛ в полной мере отразил новизну языка Петровской поры, связанную с обилием в нем иноязычных слов. Привлечение иноязычных по происхождению слов не является исключительным признаком данного лексикона (ср. использование грецизмов и латинизмов в предшествующем «Лексиконе трехязычном»), однако впервые именно в РГЛ иноязычность занимает столь заметное место (по нашим подсчетам около 10% словарных строк содержат иноязычные заимствования). Иной и сам состав заимствований. Это не грецизмы и латинизмы, а прежде всего западноевропеизмы (голландизмы, германизмы).

Три четверти иноязычных эквивалентов соответствуют словам голландского оригинала. Это обычно такие заимствования, которые уже в той или иной степени были освоены русским языком. Ср. *абрикос*, *алебарда*, *алебастр*, *амбра*, *анис*, *аптека*, *аренда*, *бальзам*, *банделер*, *банкерот*, *банкет*, *барс*, *бас*, *багинет*, *бот*, *брандер*, *буер*, *вафель*, *верф*, *гавань*, *галера*, *галиот*, *граната*, *гротта*, *гулден*, *дукатон*, *кабинет*, *компания*, *канал*, *кабель*, *капер*, *карабин*, *кардамон*, *киль*, *компас*, *лавендель*, *ланцет*, *латук*, *леопард*, *ливеря*, *магнит*, *макрель*, *миля*, *музыка*, *мушкат*, *натура*, *океан*, *оливка*, *ольстр*, *палисады*, *панель*, *паргамент*, *пас*, *пинк*, *плумаж*, *позумент*, *провиант*, *пулс*, *ровелин*, *роз*, *сала*, *салат*, *сумма*, *терпентин*, *торф*, *триумф*, *тумба*, *церемония*, *циркул*, *цитрон*, *цифирь*, *штемпель*, *шафран*, *шлюз*, *шлюпка*, *фантана*, *фига*, *флаг*, *флот*, *форма*, *фрегат* и др.²⁴

²⁴ Все эти слова встречаются и в других источниках XVIII в.

В отношении этих слов можно предположить известное воздействие голландского оригинала — при возможном выборе «подсказывается» близкое по облику заимствованное слово.

Многие же словарные строки такого воздействия иметь не могли, так как перевод содержит другое заимствование. Ср.: *Авантаж. Voorbaat; Апертура. Fontanel; Арьергарде. Achterhoede; Артилерия. Geshut; Бастуон. Rondeel; Баталия. Verslag; Емблема. Zinnebeeld; Ениграмма. Puntlicht; Комедия. Blyspel; Мапа. Kaart; Политика. Staatkunde; Фарфор. Porceluyn; Фронτισпис. Gewel; Фузия. Flint* и др.

Использование подобных иноязычных слов — свидетельство того, что, по представлениям переводчика, они достаточно известны и не вызовут непонимания у читателей словаря.

Однако Брюсу не удалось во всех случаях отыскать нужные эквиваленты в арсенале русской и заимствованной лексики. И тогда вместо перевода или в добавление к нему появляется транслитерированное (иногда оформленное по грамматико-морфологическим образцам русского языка) голландское слово. Так переданы названия некоторых животных, минералов, растений, напитков, судов и пр. Ср.: *Аликрюик рыба. Alikruijk; Ардаки. Aardaker; Ардуин камень. Arduijn; Бруинфиш. Bruijnvisch; Гафт. Haft; Каг судно. Kaag; Калшал пиво. Koude schaal; Кандель. Kandeel; Керзоу трава. Kersouw; Лампреи. Lamprey; Ленг рыба. Leng; Магденалм зелие. Maagdepalm; Маделиф зелие. Madelief; Мом пиво. Mom; Муркруд, зелие. Muur, Muurkruid; Позаун труба. Bazuyn; Спиринг рыба. Spiering; Стом. Stom; Камперфули. Kamperfoeli; Шелфиш. Schelvisch* и др.²⁵

В то же время воздействие иноязычного оригинала не вызвало сколько-нибудь активного калькирования. Лексические кальки весьма немногочисленны. К ним можно отнести: *Безлюбность. Onmin; Безмирие. Onvreete; Безслужие. Ondienst; Образослужение. Beeldendienst; Перевыиграш. Overwinst; Мщежелание. Wraakzucht; Очевидение. Oogenschyn* и некоторые другие.

Несколько шире был использован метод калькирующего пословного перевода для сложных слов оригинала. Ср.: *Горшечная ядь. Pot spijs; Художество язычное. Spraak konst; Корабелное знание или известие. Schepenkenis; Вывесная доска. Vijthangbord; Жезл гулятельный. Wandebstok; Часа казатель. Uurwyzer; Листа указатель. Bladwyzer; Молитвенная езда. Begevaart*.²⁶

В этом отношении РГЛ более сдержан, чем, например, Лексикон трехязычный Ф. Поликарпова, весьма обильный калькирован-

²⁵ По материалам КС XVIII эти слова на зафиксированы в других источниках.

²⁶ Калькирующие переводы не свободны от ошибок. Ср., например, ошибочные, семантически не соответствующие голландскому слову переводы: *Перешной дом. Pererhuys* (вм. рожок, кулек для табака), *Канделное потчивание. Kandellmaal* (вм. крестины).

ной лексикой, и последующие словари — Вейсманнов Лексикон и Лексикон Волчкова.

К этим индивидуальным новообразованиям можно присоединить и небольшой список окказиональных слов, встречающихся, по нашим наблюдениям, только в этом источнике. Таковы отглагольные образования с суф. -ок в знач. результат действия: *пометок, выметок, откидок, выпечаток, спечаток, износок, наддаток, отщепок*; отглагольные безсуффиксные существительные: *выгляд, застрел*; с суф. -ка: *истряска*.

РГЛ — единственное печатное лексикографическое издание, связанное с голландским языком. Далее на протяжении всего XVIII в. в России не вышло ни одного словаря голландского языка, даже в многоязычных словарях голландские параллели не привлекаются. Ограниченность сфер воздействия голландского языка (преимущественно армия, флот, администрация, частично быт), а также ведущее влияние близкого к нему немецкого языка привели к сравнительно быстрому падению его веса в языковых контактах. Все реже обращаются к голландским книгам переводчики (до 1725 г. переведено 8 книг, после — 4, причем, начиная с 40-х годов библиографические указатели не отмечают ни одного перевода с голландского).²⁷ Знание и изучение голландского языка было нужно лишь узкому кругу лиц, непосредственно связанных с голландцами по роду своей деятельности (дипломаты, купцы, моряки). Очевидно, этим и объясняется отсутствие русско-голландских и голландско-русских словарей в последующее время. Однако для начала века знание голландского языка было весьма актуально, а пособия и словари голландского языка высоко ценились.

Тем не менее РГЛ вряд ли мог реально использоваться как пособие по голландскому языку. Фактически словарь делался для Петра и его окружения, вышел очень малым (для словарей даже того времени) тиражом и уже поэтому не мог стать доступной книгой. Нам неизвестно, кто в действительности пользовался словарем, и был ли РГЛ послан Петру и выполнил ли свою миссию быть «небесполезным» в русско-голландских разговорах и переговорах.

В то же время своеобразный характер РГЛ остался уникальным и не нашел подражания в лексикографии XVIII в. В результате перевертывания «объясняющей» осталась русская часть, а объясняемой голландская. Все последующие словари строились по обычному, принятому и в западной лексикографии образцу: левый столбец — «объясняемое», правый — «объясняющее». Польза того типа словаря, которым невольно стал РГЛ,

²⁷ Подробнее см.: Б и р ж а к о в а Е. Э., В о и н о в а Л. А., К у т и н а Л. Л. Очерки по исторической лексикологии XVIII в. Л., 1972, с. 50—53, 174—176.

была осознана много позже и сформулирована уже в наши дни.²⁸

Поскольку русская часть РГЛ по существу является перенесенным в алфавитный левый столбец толкованием голландских слов, постольку ее лишь условно можно назвать словником (она может включать слово, несколько слов, сочетание слов, развернутую фразу). Но именно этот условный словник представляет наибольшую ценность для историков языка. В лексическом отборе русских эквивалентов для голландских слов нашла яркое отражение речевая практика той передовой, европеизированной, знакомой с западноевропейскими языками части русского общества, к которой принадлежал и сам Брюс. Приметами нового является прежде всего широкое использование иноязычных заимствований, как уже освоенных или осваиваемых, так и редких, экзотических. В этом отношении текст Брюса резко контрастирует с словниками ближайших к нему словарей, предшествующего Лексикона Ф. Поликарпова и последующего Вейсманнова Лексикона. Несмотря на все несходство названных словарей, специфика лексикографического жанра предопределила в них подбор соответствий и эквивалентов прежде всего из родного языка, с широким использованием, в случае отсутствия соответствующих параллелей, словообразовательных возможностей русского (или славяно-русского) языка (ср., например, многочисленные композиты как соответствия греческих и латинских слов в Лексиконе Ф. Поликарпова). В аналогичной позиции в РГЛ предпочитается иноязычное заимствование или описательное истолкование, а нередко и транслитерация слова голландского оригинала. Эта особенность РГЛ также выделяет его из числа лексиконов первой трети XVIII в.

²⁸ Ср.: «Перевертывание словарей позволяет обнаружить ту систему релевантных означаемых, которая имеет закрепленное означающее в обоих или в одном из сравниваемых языков, и, следовательно, установить реальную межъязыковую эквивалентность» (Г а к В. Г. О двусторонней эквивалентности в двуязычных словарях. — В кн.: Тетради переводчика. М., 1971, № 8, с. 78).

ИЗМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ И ИЗМЕНЕНИЯ В СЛОВАРЕ

(ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Словари прошедших эпох — и в частности многочисленные словари, изданные в России XVIII в. — в качестве материала историко-лексикологических исследований имеют особенности, отличающие их от других лексикологических источников. Такие отличия, не описанные еще достаточно полно и постигаемые чаще всего интуитивно, приходится постоянно иметь в виду при работе с этими словарями. Не затрагивая, однако, этой сложной источниковедческой проблемы, в настоящей заметке мы предлагаем наблюдения над тем, в какой степени и как отражаются в словаре языковые изменения. Для этой цели мы использовали два издания так называемого «Вейсманнова Лексикона».

«Немецко-латинский и русский лексикон» представляет собою перевод латинско-немецкого словаря Э. Вейсмана, впервые изданного в Штутгарте в 1674 г. Эта работа была осуществлена академическими переводчиками И. Ильинским, И. Сатаровым, И. Горлицким под редакцией В. Адодурова в 1731 г.¹ В 1782 г. появилось второе издание этого словаря под заглавием «Вейсманнов немецкий лексикон с латинским, преложенный на российский язык, при втором сем издании вновь пересмотренный и против прежнего в разсуждении латинскаго и российскаго языков знатно приумноженный». Здесь был несколько изменен состав словника, в сохранившихся статьях внесены незначительные исправления в латинско-немецкую часть, переработка русской части довольно заметна, но не идет так далеко, чтобы нельзя было установить взаимосвязь первой и второй редакций.

Сравнение редакций словаря (ВЛ¹ и ВЛ²), разделенных пятьюдесятью годами, открывает целый ряд случаев, где отразились языковые изменения и языковое развитие, последовавшее в этот период.²

Так, во многих статьях ВЛ² появляется слово, отсутствовавшее в ВЛ¹, а также неизвестное, как об этом с уверенностью можно

¹ История Академии наук СССР. Т. I. М.—Л., 1958, с. 120.

² При цитировании словарей мы не повторяем без лишней нужды иноязычную часть словарной статьи. Изменившуюся часть словарной статьи мы выделяем курсивом.

судить по Картотеке Словаря русского языка XVIII в., употреблению 30-х годов XVIII в.

ВЛ¹ 151: Einfluss, influxus, *втечение, вток*. ВЛ² 166: *втечение, в л и я н и е*. Действительно, слово *влияние* в современном отвлеченном смысле впервые употреблено Тредиаковским в 1733 г. (в переводах итальянских комедий).³

ВЛ¹ 149: Einbildung, imaginatio, *мечтание, мнѣние, помышление*. ВЛ² 164 добавлено: лат. cogitatio и рус. *воображение*. Выражение *крестное воображение* известно с XVI в.,⁴ в XVIII в. находим его в употреблении Посошкова со значением 'образ, изображение креста'.⁵ Слово *воображение* с новым своим значением впервые встречается у Кантемира,⁶ с 50-х годов XVIII в. оно употребительно довольно широко. Лексикон Волчкова 1755 г. дает его как перевод лат. phantasma (ЛВ¹ I 971).

ВЛ¹ 5: Abgunst, malevolentia, *злоба, ненависть, зависть*. ВЛ² 6 добавлено: *недоброжелательство*. Действительно, слово неизвестно раньше 1743 г. (АВ IV 284), отмечено в Лексиконе Целлария 1746 г. Прилагательное *недоброжелательный* встречается, однако, в ВЛ¹ 710, а также у Феофана Прокоповича, являясь, по-видимому, калькой с латинского образца. Впрочем, уже в начале XVIII в. были в употреблении и *доброжелательность*,⁷ и *доброжелательный*.

ВЛ¹ 38: Argwohn, suspicio, *подозрѣние*. Argwohnen, suspicari, *назирати, подзирати, имѣти подозрѣние*. ВЛ² 43: *имѣть подозрѣние, п о д о з р ѣ в а т ь*. Действительно, этот глагол известен с 50-х годов XVIII в. Существительное *подозрѣние*, на базе которого образован глагол, включено в ВЛ¹ и, очевидно, представляет собою латинскую кальку.

ВЛ¹ 72: Begriff, intellectus, captus, *краткое изъяснение, оглавление, разум, удопонятие* (так!). Nach meinen Begriff, pro captu tuo, *елико умом поемлю, по моему умопоятию, по силѣ ума моего*. ВЛ² 82: *п о н я т и е, сокращение; поелику я п о н и м а ю, по моему смыслу, п о н я т и ю*. Слово *понятие* отмечено в употреблении с 30-х годов XVIII в. (у Кантемира, в Примечаниях на ведомости).⁸ Ср. также в ВЛ¹ 73: Begrifflich, comprehensibilis, *поемлимы, постижимы*. Begriffen, lernen, percipere animo,

³ Об этом слове см.: С о р о к и н Ю. С. К истории семантических изменений слов в русском языке XVIII в. (*влияние* и его синонимы). — В кн.: Проблемы современной филологии. Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова, М., 1965, с. 248—259.

⁴ В е с е л и т с к и й В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII—начала XIX в. М., 1972, с. 140.

⁵ Значение славянского глагола *въобразити—въобразжати* 'образовать, изобразить'. Ср. также в ВЛ¹ 149: einbilden, imaginari, в умѣ воображати, в мысли образовати, мечтати.

⁶ В е с е л и т с к и й В. В. Отвлеченная лексика. ., с. 140.

⁷ М а л ь ц е в а И. М., М о л о т к о в А. И., П е т р о в а З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., 1975, с. 312.

⁸ В е с е л и т с к и й В. В. Отвлеченная лексика. ., с. 178—179.

умом понимать, постигати. Ich kan das nicht begreifen, . . не могу разумом понять. Сопутствующие существительные (ум, разум), а также морфологическая неустойчивость в оформлении глагольного корня показывают, что употребление этого времени еще достаточно метафорично.

ВЛ¹ 70: Beding, conditio, договор, уговор, постановление. ВЛ² 78 добавлено: условие. Ср. Лексикон Волчкова 1755 г.: Condition. Ein Beding. Договор, уговор, кондиция (I 508). В издании 1778 г. (ЛВ²) добавлено: условие (с. 363). Слово впервые встречается у Ломоносова в 1756 г. (Лом. СС I 328).

Следовательно, изменения в словарных статьях ВЛ¹ и ВЛ² дают объективное указание на черты языкового развития, и сравнение этих двух редакций открывает перед исследователем те направления, по которым нужно искать явления преобразования в лексико-семантической структуре русского языка XVIII в.

В других случаях различия двух редакций указывают на выход из употребления или, по крайней мере, уменьшение употребительности слова. Так, выделенные в следующих статьях слова приводятся в ВЛ¹ и отсутствуют в ВЛ².

ВЛ¹ 67: Bastart, spurius, не прямого отца сын, в ы б л я д о к. Очевидно, что стилистическая сниженность слова становится заметна ко времени второго издания словаря. Между тем в Петровскую эпоху слово употребляется в юридических документах как термин.

ВЛ¹ 10: Abschmieren, depalmare, з а у ш а т и, по ланитам бити. Употребление древнерусского периода отмечено у Срезневского, в XVIII в. слово встречается только в словарях (ЛП, ВЛ, САР), при этом в САР и Сл. 1847 без стилистических помет.

ВЛ¹ 6: Ablassen, престати, н о ч и т и. Слово употребляется лишь в одическом жанре, САР¹ дает с пометой «сл[авянское]».

ВЛ¹ 38: Aergern, perniciosum exemplum prodere, злыи п р и к л а д подати. ВЛ² 42: злой, вредной п р и м ъ р подать. В течение XVIII в. слово приклад выходит из употребления, слово примѣр, явившись в первые десятилетия этого века, становится все более употребительным. Между тем САР приводит оба слова.

ВЛ¹ 28: Anklopfen, pulsare fores, т о л к а т и, стучати. ВЛ² 31: стучать в двери, стучаться. Форму толку САР снабжает пометой «сл[авянское]».

ВЛ¹ 74: Behangen, inhaerere, у г л ѣ б а т и, увязати, прилѣплятися. Слово отмечается некоторыми словарями и однажды употреблено Тредиаковским.

Различие в русской части первого и второго изданий ВЛ показывает в некоторых случаях изменение лексической сочетаемости в языке XVIII в., разрушение одних и появление других более или менее устойчивых лексико-синтаксических связей.

ВЛ¹ 65: eine Bande Räuber, latronum coetus, станица, артѣль воров, разбоиников. ВЛ² 73: станица, шайка в о р о в с к а я,

р а з б о й н и ч ь я а р т е л ь. Здесь характерно перераспределение и специализация некоторых лексико-синтаксических связей с введением нового лексического элемента (*шайка*). Это перераспределение объективно отражает языковую перестройку, происшедшую за этот период.

ВЛ¹ 667: *Verfassen ein Buch, librum componere, книгу сочинити, издати, сложити*. ВЛ² 844 (добавлено лат. *conficere, edere*): *книгу сочинить, написать, сложить, издать, выдать*. Таким образом, в ВЛ² появляется новый лексический элемент — *написать*, более удачное расположение глаголов подчеркивает наличие двух рядов сочетаний (написание книги и издание книги).

ВЛ¹ 7: *eine Predigt ablegen, concionem habere, поучение, слово, проповѣдь, имѣти, казнодѣствовати*. ВЛ² 7: *поучение, слово, проповѣдь, казанье держать, говорить*. Вместо буквального воспроизведения латинского сочетания с глаголом *habere* ВЛ² дает глагол *говорить*, но также и *держать* (ср. современное *держать речь*), отражающее немецкое влияние. Ср.: *Eine Rede über etwas halten, рѣчь о чем сказывать*. Ад. II 276.

ВЛ¹ 5: *Abgewinnen, lucrari, выиграти, одолѣти, одержати, приобрѣсти*. ВЛ² 5: *выиграть, прибыток получить, в е р ь х о д е р ж а т ь*. Закрепление последнего словосочетания (поскольку слово *вѣрхъ* обозначало победу и в древнерусский период) должно было происходить под влиянием французского и немецкого языков. Ср.: *Nous avons eû le dessus dans ce combat, мы одержали верх в сем сражении*. ФРЛ² I 459: *Die Oberhand haben, верх, преимущество имѣть*. Ад. II 158.

ВЛ¹ 435: *Nagendes Gewissen, morsus conscientiae, грызение, мучение совѣсти, злая мучащая совѣсть*. ВЛ² 525: *у г р ы з е н и е, мучение, страдание с о в ѣ с т и*. Ср. также ВЛ¹ 248: *томление совѣсти*. ВЛ² 287: *у г р ы з е н и е с о в ѣ с т и*. Отмеченное словосочетание известно в русском языке с 50-х годов XVIII в.

Различие в русской части первого и второго изданий показывает также изменение глагольного управления.

ВЛ¹ 4: *von der Warheit abgeben, discedere a vero, несходствовать истиннѣ*. ВЛ² 5: *не сходствовать с истинною*.

ВЛ¹ 37: *die Arbeit stehen lassen, relinquere opus, покинуть работу, п р е с т а т и о т т р у д о в*. ВЛ² 42: *покинуть, оставить работу, п е р е с т а т ь р а б о т а т ь*. Этот случай осложнен также изменениями в лексической сочетаемости.

Нужно иметь также в виду, что не всякое изменение в ВЛ² по сравнению с ВЛ¹ отражает изменение языковое. Так, довольно часто в издании 1782 г. толкование пополняется словом новым, но известным изданию 1731 г., хотя и отсутствующим в составе данной статьи. Ср. следующие примеры.

ВЛ¹ 155: *Einrede, objectio, interpellatio, противословие, противная задача*. ВЛ² 170: *противословие, прекословие, в о з р а ж е н и е*. Однако слово *возражение* встречается в ВЛ¹ 159 как перевод *Einwurf, objectio*. Еще раньше слово встречается

в ЛП 55 для перевода греч. ἀνάχρσις, видимо, в физическом смысле «отталкивание». В современном значении его дважды употребляет Тредиаковский в «Слове о мудрости» (1735), в 50-е годы оно начинает входить в употребление, в 60-е годы представлено многочисленными случаями. Таким образом, непоследовательность ВЛ¹ не что иное, как отражение неустойчивости и колебаний, свойственных периоду вхождения и усвоения языкового новшества.

ВЛ¹ 13: Abwesenheit, absentia, *неприсудствие, отлучка, небытность*. ВЛ² 14: *о т с у т с т в и е, отлучка, небытность, отлучение*. Ср., однако, ВЛ¹ 52: Ausbleiben, *во о т с у т с т в и и быти*. Слово встречается в законодательных актах Петровского времени, в «Езде в остров любви», но в общем довольно редко.

ВЛ¹ 39: Armee, exercitus, *воиско, рать*. ВЛ² 44: *войско, рать, а р м и я*. Ср., однако, ВЛ¹ 64, 503, 592: *армѣя*. Слово весьма употребительно с начала XVIII в.⁹

ВЛ¹ 4: Abforderung, avocatio, *призвание, испрошение, неотступная прозьба*. ВЛ² 4: *призывание, призыв, вызывание, вызыв, т р е б о в а н и е*. Ср., однако, ВЛ¹ 33, 98, 213, 227, 697: *требование*. Слово в различных значениях известно на протяжении всей истории славянской письменности.

В ряде других случаев в издании 1782 г. толкование пополняется новым словом, неизвестным ВЛ¹, но встречающимся в источниках начала XVIII в.

ВЛ¹ 13: Accis, vestigal, *пошлина, збор*. ВЛ² 14: *пошлина, збор, а к ц и з*. Слово *акциз* известно с 1719 г.¹⁰

ВЛ¹ 37: Appelirung, appelatio, *отзывание, позывание к суду*. ВЛ² 41: *отзывание, позывание к суду, перенос в вышний суд, а п п е л я ц и я*. Слово отмечено многими источниками начала века.

ВЛ¹ 65: Bandit, sicarius, percussor, *убица, таинны разбойник*. ВЛ² 73: *б а н д и т, убийца, разбойник*. Слово известно с 1710 г.¹¹

Не исключено, что отсутствие этих слов в ВЛ¹ связано с некоторой пуристической осторожностью составителей. Впрочем, подобное отношение могло распространяться и на слова другого источника. Ср.: ВЛ¹ 18: Als nehmlich, utpote, *якоже, напримѣр*. ВЛ² 19: *яко же, как напримѣр, а и м я н н о*. Последнее выражение известно с 1684 г.,¹² впервые зарегистрировано в Лексиконе Целлария 1746 г. Не исключено, однако, что оно явилось калькой (с нем. als nehmlich?).

Итак, приведенные материалы показывают, насколько ценны извлекаемые из разных изданий одного словаря указания на языковые изменения; с другой стороны, становится очевидным, что

⁹ Б и р ж а к о в а Е. Э., В о й н о в а Л. А., К у т и н а Л. Л. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972, с. 101.

¹⁰ Там же, с. 339.

¹¹ Там же, с. 346.

¹² Ч е р к а с о в а Е. Г. О союзах наречного происхождения (а именно, именно). — Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та, 1969, вып. 341, с. 376.

пользоваться этими указаниями следует с большой осторожностью, постоянно проверяя их другими источниками.

Небезынтересно отметить, что языковые изменения отражаются в разных изданиях одного словаря и тогда, когда эти издания разделены меньшим промежутком времени, чем это имело место с Вейсманновым Лексиконом. Так, три издания Лексикона Волчкова (ЛВ¹, ЛВ², ЛВ³) выходили соответственно в 1755, 1778, 1785 годах. Тем не менее можно привести целый ряд примеров, когда изменения в словарных статьях разных редакций шли вслед за изменениями в языке.

1. Лексические новшества. ЛВ¹ I 83: *dire de mots ambigus, parler ambigument. Zweüfelhafft reden. Ambigue loqui. Двоесловно говорить, сумнительные слова произносить.* ЛВ³ I 55: *д в у с м ы с л е н н о говорить.* Первое употребление прилагательного *двусмысленный* отмечается у Хераскова (Кадм I 25), существ. *двусмысленность* отмечено в 1784 г.¹³

ЛВ¹ I 17: *Accablement. Unterdrückung. Утѣснение, насильство.* ЛВ³ I 11 добавлено: *притѣснение.* Действительно, употребление слова встречается с 60-х годов XVIII в., в «Наказе» Екатерины II оно употреблено в параллель франц. *véxation* (§ 319). Ср. также ЛВ¹ I 17: *утѣснить, обидить кого.* ЛВ³ I 11: *утѣснять, притѣснять, обидѣть кого.*

2. Выход слова из употребления или сокращение его употребительности. ЛВ¹ I 14: *il est absolu dans ses volontés. Властен в своей волѣ, непремѣнен в совѣтѣ.* ЛВ³ I 9: *Самовластен в своей волѣ, непремѣнен в мыслях своих.* Как видим, устранен старый церковнославянизм, восходящий к периоду первоначальных переводов с греческого с довольно обычным для той поры смешением двух греч. слов *βουλεύω* 'советую' и *βούλομαι* 'хочу'.

ЛВ¹ I 18: *Accident. Случай, рипадо, случайное дѣло.* ЛВ² I 13: *Случай, приключение, случайное дѣло.* Действительно, уже с середины века слово получает специальное значение 'приступ болезни'. Ср. одно из последних по времени употреблений в старом значении у Ф. Эмина (1763 г.): «Во время твоего счастья каждой тебя обожает и не только дружба но и милости твоей ищет, тогда ты увидишь многих кругом тебя стоящих день и ночь; яко бы для остерегания тебя от разных противных припадков» (Эмн. Фемист. 99).

3. Изменение значения слова. ЛВ¹ I 37: *Aborateur. Ein Anbeter, Verehrer. Cultor puminis. Усердный почитатель.* ЛВ³ I 24 добавлено: *поклонник.* Слово, известное в древнерусский период, использовалось и тогда, и в XVIII в. в сфере религиозных понятий. «Секуляризацию» слова произвел, видимо, Тредиаковский: «Всяк ласкает ему (царю, — А. А.), Поклонник всяк же быть хочет» (Тилем. I 222).

¹³ Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М., Лексические новообразования. . . , с. 312.

4. Изменение лексической сочетаемости. ЛВ¹ I 93: Un stile amroulé. *Высокая, гордая рѣчь, высокой гордой штиль*. ЛВ³ I 61: *Высокая надутая рѣчь, в ы с о к о п а р н о й ш т и л ь, с л о г*. Форма *высокопарный* отмечается впервые в 1731 г. как соответствие нем. hochfliegend, лат. altivolus (ВЛ¹ 307), отмеченная сочетаемость встречается в «Наказе» Екатерины II: «слог законов надут и высокопарен» (фр. style enflé). В одическом жанре, у В. Петрова, встречается выражение «высокопарный орел» (оно отмечено в САР) как подновленный вариант старого «высокопарящий орел» (Апофеосис 118).

5. Словообразовательная вариантность. ЛВ¹ I 55: *Пашня, земледѣльство*. ЛВ³ I 37: *земледѣлие, земледѣльство*.

ЛВ¹ I 60: *Перьворождение, старшинство*. ЛВ³ I 41: *Первородство, старшинство*.

ЛВ¹ I 20: *слѣдство*. ЛВ³ I 13: *слѣдствие*.

Итак, изучение разных изданий одного словаря XVIII в. кроме естественного интереса для истории русской лексикографии имеет значение для исторической лексикологии русского языка. Редакционные изменения в ряде случаев указывают на соответствующие языковые изменения, но они, однако, нуждаются в комментарии, основанном на данных других историко-лексикологических источников. Только при сравнении различных изданий одного и того же словаря возможна относительно быстрая и более или менее всесторонняя и полная регистрация изменений в лексико-семантической системе языка за определенный исторический период.

«НОВЫЙ СЛОВОТОЛКОВАТЕЛЬ» Н. ЯНОВСКОГО
И ЕГО ИСТОЧНИКИ

Общая европеизация русской культуры XVIII в. и связанное с этим интенсивное пополнение лексического состава русского языка иноязычными заимствованиями обусловили характерную особенность русской лексикографии той эпохи — пристальное внимание в первую очередь к словам чужестранного происхождения. Уже в изданиях Петровской поры многочисленные глоссы и прикнижные словарики имеют своей основной задачей выделение и объяснение именно таких слов. С целью научить правильно понимать и употреблять заимствованные слова создаются и более или менее обширные словари, все чаще публикуемые с середины века как в разнообразных сборниках и журналах, так и самостоятельно.

Поскольку среди иноязычных заимствований XVIII в. с самого начала наиболее видное место занимает терминологическая лексика, то естественно, что и в лексикографической практике той поры основное внимание сосредоточено на подборе и толковании иностранных терминов. Терминологический характер имеет уже большая часть прикнижных словариков Петровского времени; в 40—70-е годы издается несколько переводных специальных словарей по коммерции, мифологии, живописи и др., в которых нашла свое отражение иноязычная лексика вновь формирующихся русских терминологических систем. В последней трети века активная популяризация научных знаний, издание множества русских (оригинальных и переводных) учебников и руководств, развитие новых отраслей науки вызвали обильный приток в русский язык новой иноязычной терминологии и потребность в систематизации старых, уже усвоенных иностранных терминов. В связи с этим в 80—90-е годы вновь наблюдается широкое обращение к типу прикнижных словарей терминологического характера в учебной, научной и научно-популярной литературе; вместе с тем в это время впервые появляется большое число самостоятельных собственно терминологических словарей разных типов. Кроме того, определенное количество принятых в России иностранных терминов встречается как в иноязычной, так и в русской, толкующей части больших двуязычных словарей, опубликованных в конце XVIII в., а также — несмотря на общие пуристические тенденции

составителей — в Словаре Академии Российской 1789—1794 гг.

Таким образом, к концу XVIII в. русская лексикография уже накопила достаточно богатый и разносторонний опыт подачи и толкования иноязычной лексики, в том числе терминологического характера; определился к этому времени в основных своих границах и круг терминов, относящихся к той или иной сфере специальных знаний. В связи с этим особый интерес вызывает «Новый слово-толкователь» Н. Яновского, который был опубликован в первые годы XIX в. и представляет собою, с одной стороны, своеобразное обобщение лексикографической практики XVIII в. в деле создания словарей иностранных терминов, а с другой — первый опыт нового типа словаря иностранных слов, созданного на значительно более высоком лексикографическом уровне, характерном уже для XIX в.¹ Настоящая работа имеет целью рассмотрение некоторых особенностей этого словаря, определивших его место в русской лексикографии, а также анализ тех источников, которые могли лечь в его основу.

* * *

Ни время, ни место рождения Николая Максимовича Яновского нам неизвестны. Правда, есть указания на то, что он был выходцем с Украины;² однако вся его литературная, научная и служебная деятельность протекала, очевидно, в Петербурге. Здесь он сотрудничает в 1786—1787 гг. в журналах Ф. О. Туманского «Лекарство от скуки и забот» и «Зеркало света», где помещает довольно посредственные стихи (эклоги, песенки, эпиграммы и эпитафии)³ и небольшие переводы в прозе (притча «Тяжба удивительным образом решенная», аллегорическое сказание «Честолюбие и богатство», отрывок «Некоторые достопримечательности о Александре Великом» и др.). В 1793 г. мы находим Яновского в числе сотрудников журнала И. А. Крылова и А. И. Клушина «Санктпетербургский Меркурий». Опубликованные им здесь прозаические переводы «Утренняя прогулка» и «Ночная прогулка» полностью выдержаны в традициях «нового слога» карамзинистов и по своему языку и художественному уровню значительно от-

¹ На выдающееся значение этого словаря неоднократно указывали исследователи истории русской лексикографии; более подробно о нем писали: Цейтлин Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958; Василевская И. А. Отражение новых иноязычных заимствований в русской лексикографической практике XVIII века. Автореф. канд. дисс. М., 1969.

² П. И. Кёппен помещает его фамилию в «Списке Слободско-украинским писателям и ревнителям просвещения». — См.: Материалы для истории русской литературы. Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867.

³ Эти и некоторые другие стихотворения вскоре были им изданы отдельной книжкой под названием «Плоды праздного времени или Разныя мелкия стихотворения Николая Яновскаго» (СПб., 1788).

личаются от его первых опусов 80-х годов. Тем не менее на этом его литературно-художественная деятельность прекращается, и он целиком отдается собиранию материалов для задуманного им большого словаря иностранных терминов. Этому словарю Яновский и посвятил всю свою жизнь, отдав ему более 30 лет неустанного труда, хотя, вероятно, совмещал это с чиновничьей службой (известно, что в последние годы жизни он служил в почтовом департаменте, имея чин статского советника). Умер он в марте 1826 г. в Одессе, куда «отправился для поправления своего здоровья».⁴

«Новый словотолкователь» Яновского (НС) состоит из 3 частей и был опубликован в Петербурге в 1803—1806 гг. Судя по единственной известной нам рецензии, появившейся после выхода в свет 2-й части словаря, он сразу получил признание современников: «Она (рецензируемая книга; — Л. В.) служит драгоценною опорою нашей Словесности, неисчерпаемым источником сведений исторических, технических, ученых; самым опытным руководителем для читателей, с иностранными языками незнакомых. . . Словом сказать: не много есть таких полезных книг на Русском языке как Словотолкователь Н. Яновскаго. Он приумножив библиотеку наших ученых людей, конечно привлечет внимание читателей всякаго рода; потому что нет ни одного из них, который бы не мог в сей книге чему либо научиться».⁵

Очевидно, весь тираж книги был быстро раскуплен и НС очень скоро стал библиографической редкостью. Это побудило автора продолжить свою работу для переиздания словаря в значительно дополненном и исправленном виде. В 1825 г., помещая в газете сообщение о подписке на второе издание, сам Яновский пишет: «Все экземпляры онаго (первого издания, — Л. В.) давно уже раскуплены. Сие сочинение принято отечественною публикою столь благосклонно, что на оное и поныне продолжают требования. . . Нынешняя редкость сего сочинения возвысила прежнюю цену онаго от 15 рублей за экземпляр до 100 рублей и более».⁶ Далее он сообщает о тех изменениях, которые внесены им в словарь при подготовке к переизданию: «Издатель сего сочинения. . . исправил его в различных отношениях; некоторые статьи совсем переделал, согласно с новейшими открытиями в Науках и Искусствах, или с преобразованием разных частей Государственного Управления у нас, или в других Государствах; словом, обогатил сие издание множеством новых предметов, заимствованных из лучших сочинений или официальных известий. Таковое прибавление увеличило сие сочинение целою четвертою частию, могущею составить от 20 до 30 печатных листов».⁷

⁴ Некролог в «Северной пчеле», 1826, № 34.

⁵ «Северный вестник», 1805, ч. 6, с. 12—13.

⁶ «Северная пчела», 1825, № 102, раздел «Новые книги».

⁷ Там же.

На это сообщение находим отклик в «Библиографических листах» за тот же 1825 г.: «От всего сердца желаем Автору успеха в сем многотрудном предприятии, к которому он, с самого выхода в свет своего сочинения, не переставал собирать нужные материалы, так что одиннадцатилетний его труд ныне усовершенствуется двадцатилетними дополнениями и исправлениями. О пользе Словотолкователя говорить нечего; она слишком очевидна: ибо не только обыкновенные читатели и деловые люди. . . , но и самые ученые нередко нуждаются в объяснении многообразных иностранных речений, относящихся ко всем родам человеческих познаний».⁸ К сожалению, второе издание словаря Яновского так и не увидело света в связи со смертью автора, и судьба его рукописи нам неизвестна.

НС имеет общий объем в 99 листов (1577 страниц в 8°) и напечатан мелким шрифтом в два столбца. В нем содержится более 10 000 словарных статей, расположенных в алфавитном порядке, которые представляют, как сказано в полном названии словаря, «разные в Российском языке встречающиеся иностранные речения и Технические термины, значение которых не всякому известно, каковы суть между прочими: Астрономические, Математические, Медицинские, Анатомические, Химические, Юридические, Коммерческие, Горные, Музыкальные, Военные, Артиллерийские, Фортификационные, Морские и многие другие, означающие Придворные, Гражданские и Военные чины, достоинства, должности, и проч. как древних, так и нынешних времен». Таким образом, это первая попытка собрать воедино иноязычную лексику самых разнообразных функциональных сфер языка, самых различных отраслей науки, техники и культуры, — лексику, которая до того была разбросана по отдельным терминологическим словарям, очень выборочно и случайно представлена в словарях других типов или вообще еще не попала в поле зрения русской лексикографии того времени. Сам Яновский считал своей главной задачей отбор и определение слов, «которые весьма часто встречаются в Газетах и Журналах, в книгах различного содержания, в дипломатических бумагах, во многих даже обыкновенных разговорах, которых однако ж значение не всякому известно».⁹

Такой подход к составлению словаря с неизбежностью повлек за собой известную случайность и неравномерность в подборе толкуемых слов, о чем и свидетельствует анализ словника НС. Лексика одних отраслей знаний (например, терминология военная, морская, астрономическая, химическая, анатомико-медицинская, церковно-богословская, государственно-правовая, торгово-финансовая, музыкальная, архитектурная, горного дела) представлена в нем более широко и полно, чем других (таких, как география, физика, минералогия, математика, за исключением гео-

⁸ «Библиографические листы», 1825, № 28, с. 398.

⁹ «Северная пчела», 1825, № 102, раздел «Новые книги».

метрии, оптика, скульптура, книгопечатание, монетное дело; совсем исключена номенклатура зоологии и ботаники). При всем внимании к терминам, обозначающим наиболее общие родо-видовые понятия и категории (таким, как *астрономия, логика, медицина, комедия, магнетизм, армия*), в словаре всё же заметен явный «перекос» в сторону чистой номенклатуры реалий и предметов зачастую весьма узкого, специального назначения и употребления (ср. обилие названий, относящихся к корабельному такелажу или фортификационным укреплениям). Наряду со словами широко употребительными в русском языке того времени в НС обильно представлены разнообразные экзотизмы, локализмы, историзмы и окказионализмы (ср., например, терминологию способов гадания, многочисленную и разнородную лексику, относящуюся к античному миру, обозначения денежных единиц и мер веса и объема в различных странах, наконец, названия предметов быта и обозначения титулов, чинов и рангов светских и духовных лиц в Азии и Африке, на Мадагаскаре и Суматре и т. п.¹⁰). Показательно, что обилие таких «случайных» для русского языка слов отмечалось как недостаток словаря уже его современниками: «Один недостаток сего Словаря будет, может быть, его избыток, т. е. что он далее пределов своих простирается. Сказано в заглавии, что здесь истолкованы будут одне вошедшия в Руской язык слова; но тут есть множество таких, которыя никогда в него не войдут, и которыя, кажется, поставлены более для любопытства; напр. бевиндгебберы, авраксас, бардариот, австрегги, и пр.»¹¹

Однако обращение Яновского как к источнику словаря к газетам, журналам и «обыкновенным разговорам» своего времени обусловило вместе с тем и то, что в НС впервые так широко и полно представлена иноязычная бытовая лексика конца XVIII в. (названия кушаний и напитков, одежды и предметов домашнего обихода, терминология светских развлечений — картежных игр, фехтования, охоты, верховой езды и т. п.), а также разнообразная отвлеченная и конкретная лексика общекультурного характера (ср., например, слова *журнал, идеальный, интерес, каприз, оригинал, оригинальный, панический, эгоизм* и многие другие). В этом — несомненное достоинство НС, выводящее его за рамки терминологического словаря, в разряд общего словаря иностранных слов своей эпохи.

Помимо необычного для предшествующих словарей тематического разнообразия и богатства собранной в НС заимствованной лексики, новшеством для лексикографической практики той поры явилось и впервые осуществленное Яновским объединение в одном словаре как только что заимствованных, так и давно уже усвоенных иностранных слов. В этом объединении, как нам кажется,

¹⁰ Наиболее широко и последовательно в этой группе слов представлена тюркская лексика.

¹¹ «Северный вестник», 1805, ч. 6, с. 14—15.

проявилось стремление автора не просто собрать слова, «значение которых не всякому известно» (трудно предположить, что образованному человеку конца XVIII в. были незнакомы такие слова, как *армия* и *флот*, *цифра* и *линия*, *музыка* и *философия* и т. п.), а попытаться представить иноязычную лексику той или иной функциональной сферы во всей ее совокупности. Отсюда введение в НС слов, уже прочно вошедших в русский язык и широко известных русскому обществу, но обозначающих основные родовидовые понятия и категории определенной терминологической системы и тем самым как бы объединяющих, «скрепляющих» собою вновь воспринимаемые слова этой системы в единое целое. Следует признать, что на этом пути Яновскому удалось добиться поразительного для того времени успеха, — ср. хотя бы системы собранных им военных, астрономических, музыкальных терминов. И хотя с точки зрения требований современной лексикографии исполнение этого замысла во многом было несовершенным, уже сама попытка такого подбора объясняемой лексики для конца XVIII—начала XIX в. была значительным шагом вперед, а результаты, достигнутые Яновским, свидетельствуют о том, что НС явился качественно новым типом словаря иностранных слов.

На это указали уже Р. М. Цейтлин и И. А. Василевская; они же обратили внимание на то, что по способу подачи и обработки материала НС был первым словарем иностранных слов филолого-энциклопедического типа. В статье «К методологии изучения заимствований (Русская лексикографическая практика XVIII в.)» И. А. Василевская пишет: «Как никакому другому словарю иноязычного состава того времени присуще „Новому словотолкователю“ стремление к фиксации в рамках одной словарной статьи разных (как правило, изолированных друг от друга на русской почве) значений иноязычного слова, полнота их характеристики, а также довольно последовательный принцип построения словарной статьи, включающей в себя и сведения о происхождении слова, и функционально-стилевые пометы. Одной из специальных задач, которые ставил перед собой составитель этого словаря, была фиксация формальной дублетности и вариантности иностранного слова. В XVIII в. подобного словаря иностранных слов в России еще не было и не могло быть в силу крайне неустойчивого положения в русском языке иностранных слов».¹² Остановимся несколько подробнее на этих особенностях НС.

* * *

Формальные варианты заимствованных слов приводятся, хотя и спорадически, и в других, в том числе самых ранних словарях XVIII в. Отличие НС заключается в том, что он фиксирует фоне-

¹² Известия АН СССР, серия литературы и языка, 1967, т. XXVI, вып. 2, с. 167—168.

тические, морфологические и чисто орфографические варианты заимствований гораздо более полно и последовательно. Из орфографических вариантов Яновский постоянно отмечает написание сложных слов слитно или через дефис (*анкершток* или *анкер-шток*, *бергамт* или *берг-амт*, *камер-лакей* или *камерлакей* и т. п.). Из фонетических вариантов наиболее регулярно в НС прослеживается варьирование слов с начальным *г* и его отсутствием и слов с чередованиями *б/в* и *т/ѳ* в заимствованиях классического происхождения (*гексаметр* или *эксаметр*, *лабиринт* или *лавирино*, *тема* или *ѳема* и т. п.), а также чередование *с/ш* в словах западноевропейского происхождения (*шкала* или *скала*, *статский* или *штатский* и т. п.). Нередко фонетические варианты слов приводятся в тексте словарной статьи с рекомендациями и примечаниями автора, например: *Але. Род пива. . Выговаривается так же Э л ь; Алдерман, или А л т е р м а н. . Иные выговаривают О л д е р м а н; но первое правильное; Букля, Фр. Неправильно выговаривается п у к о л ь и п у к л я; Плезир. . В Малороссии наиболее употребляют сие слово в объясненном значении, выговаривая испорченно б л е з и р. Что касается морфологических вариантов, то здесь также с наибольшей последовательностью отмечается варьирование классических заимствований (апогей, апогея или апогеум, архивариус или архиварий, база или базис, базилика, базиликон или василикон, метаморфоз, метаморфоза или метаморфозис, миазм или миазма и т. п.), но широко представлены и варианты слов западноевропейского происхождения (*ариергардия* или *ариергард*, *импровизаторы* или *импровизанты*, *кофе* или *кофей*, *мигрень* или *мигрена*, *рейда* или *рейд*, *сироко* или *сирок* и т. п.). Обращает на себя внимание, что в отношении морфологических вариантов мы почти не встречаем нормализаторских указаний автора; в то же время различные варианты слова нередко сопровождаются указанием на их различное происхождение (*Музей, М у з е у м, Лат. или М у з е о н, Гр.; Музыка, Лат. или М у с и к и я, Гр.*). Такие же указания изредка сопровождают и фонетические варианты: *Алфавит, Гр. А на других европейских языках А л ф а б е т; Плац, Нем. или П л а с, Фр.**

Оценивая выбор ведущего варианта и нормализаторские рекомендации Яновского, необходимо иметь в виду, что для многих заимствований фонетическая и морфологическая форма слова до самого конца XVIII в. еще не стабилизировалась, и зачастую можно говорить лишь об общей тенденции к их стабилизации в той или иной форме. Выборочное сопоставление материалов НС с имеющимися данными о формальной адаптации иноязычных слов¹³ позволяет заключить, что выводы Яновского о соотношении

¹³ См. в кн.: Б и р ж а к о в а Е. Э., В о й н о в а Л. А., К у т и н а Л. Л. Очерки по истории лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972 (гл. III).

вариантов слов, как правило, находятся в соответствии с теми тенденциями, которые прослеживаются в русском языке конца XVIII в. В гораздо меньшей мере, чем другие словари конца XVIII в., НС выносит в заголовок словарной статьи чисто словарные варианты слов, не подтверждаемые языковой практикой его современников.¹⁴ В тех случаях, когда к концу века уже установилось преимущественное или исключительное употребление слова в какой-либо одной определенной форме, Яновский обычно вообще не приводит его других вариантов (например, в случаях с чередованием *ц/с* в заимствованиях из классических и западноевропейских языков — ср. *цемент*, *сидр* или *сидер*, *цистерна*, *акциденция*, *официант*, *дисциплина* и т. п.; из морфологических вариантов НС дает только один в словах *климат*, *комментарий*, *микроскоп*, *аркада*, *баллада*, *дефиля*, *желе*, *канapé*, *сюрприз* и многие другие).

Определяя заимствованные слова, НС нередко приводит и связанные с ними дериваты (например: *Протекция*, *Лат. . . Отсюда протезировать*; *Патент*. . . — *Отсюда слова: патентование, . . . патентный, патентовый, патентованный*). Словообразовательная вариантность, характеризовавшая эти новообразования в конце XVIII в., также находит в нем свое отражение (ср. *аномалистический* или *аномалический*, *концентрический* или *центральный*, *дефилировать* или *дефилировать*, *металлить*, *металловать*, *металлотворить*, *деспотизм*, *деспотство*, *копирование* или *копировка*, *эластичность*, *эластичество* и др.).

Словник НС представляет собою заимствования из широкого круга самых разнообразных языков — классических, западноевропейских, восточных; при этом впервые в истории русской лексикографии все слова в нем последовательно снабжены этимологическими пометами и указаниями, — конечно, в соответствии с представлениями той эпохи (*Портрет*, *Фр.*; *Пилав*. *Турецкое кушанье. . .*; *Рейдинкот*. *Слово Английское. . .*). Иногда в одной словарной статье объединяются синонимы различного происхождения (*Гавань*, *Нем.* или *Порт*, *Лат.*; *Герзлионы*, *Фр.* или *Штурм-бретты*, *Нем.*). В ряде случаев даются сведения как о языке-источнике, так и о языке-посреднике (*Бивуак*, или *Бигуак*, *Фр.* с *Немецкого* взятое; *Эмигрант*, *Фр.* с *Латинского* заимствованное), а также целые этимологические строки: *Гореллиф*. *Слово, составленное из Французского и Италианского*; *Телеграф*. *Сие слово составлено из двух Греческих τέλος (телос) конец, край γράφω (графо) пишу*¹⁵ и т. п. Как правило, НС не воспроизводит за-

¹⁴ В этом отношении Р. М. Цейтлин не права, утверждая, что Яновский указывает предпочтительный вариант слова «обычно по академическому словарю» (см. Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958, с. 42).

¹⁵ Любопытно рассуждение Яновского, сопровождающее эту этимологию: «Производя его (т. е. слово *телеграф*, — Л. В.) от τέλε (тиле) τηλοῦ (ти-

имствованные слова в написании языка-источника; исключение составляют случаи, когда заимствование является преобразованием иноязычного слова на русской почве, например: **Волонтир**, или *В о л о н т е р*; *Фр. от Лат. Voluntarius д о б р о в о л ь н ы й, с а м о п р о и з в о л ь н ы й*; **Скувитор**. Слово, *от Латинского Concubitor происходящее*; **Смак** *от Немецкого Geschmack*; **Парламент**, *Parliament, от Фр. parlement*. Кроме того, довольно последовательно воспроизводится оригинальное написание слова в музыкальных терминах, что отчасти может быть связано с традицией такого написания их в нотной литературе: **Адажио** (*Adagio*) *Слово музык. значащее на Италиан. П р о д о л ж и т е л ь н о, т и х о, п л а в н о*; **Форте**, *Forte или f. Лат. и Итал.*; **Кантата**, *cantate*.

Помимо этимологических справок, в НС регулярно указывается сфера функционирования заимствованных слов (специальными пометами или в самом тексте словарной статьи). Но при определении сферы употребления того или иного термина Яновский неизбежно сталкивался с проблемой омонимичности и многозначности иноязычных заимствований и — в связи с этим — с их многофункциональностью в русском языке. Явно используя опыт лучших словарей конца XVIII в., в первую очередь таких, как второе издание Полного французского и российского лексикона 1798 г. (ФРЛ²), Полный немецко-русский лексикон из Словаря Аделунга 1798 г. (Ад.) и Словарь Академии Российской 1784—1789 гг. (САР¹), Яновский впервые создает словарь иностранных слов, в котором лексико-семантические заимствования русского языка соотнесены с его функциональными сферами и терминологическими системами. В результате в НС представлены следующие основные типы этих соотношений.

а) Наличие разных значений слова внутри одной функциональной сферы. Например: **Басист**. 1. *Певчий. . басом поющий*. 2. *Музыкант, играющий на б а с е*; **Карантин**, *Фр. 1. Так называется время, из 40 дней состоящее. . 2. Самой дом, в котором приезжающие из заразных мест должны иметь пребывание свое*; **Плнтус**. *В Архитектуре имеет тройное знаменование. .*;

б) Распределение разных значений слова по разным функциональным сферам. Например: **Банкир**. 1. *Тот, кто торгует деньгами, переводя оныя посредством векселей. . 2. Кто в карточной игре держит банк. .*; **Арест**. 1. *Взятие, посадение под караул. . 2. Запрещение, положенное на имение. .*; **Картон**, *Фр. 1. Лист большой толстой бумаги. 2. У модисток. . 3. У живописцев. . 4. У типографщиков. .*;

в) Наличие в разных сферах языка слов-омонимов, являющихся результатом раздельных во времени актов заимствования из одного или разных источников. Например: **Гас**, *Реч. Физ.*

лов) далеко, издали, нежели от τέλος, оно будет лучше выражать вещь и даст ей настоящий смысл».

и *Хим.* и *Гас*, *Фр.* Золотая или серебряная тесьма; *Колонна*, *Фр. Реч. Воен.* и *Колонна.* в Архитектуре. .; *Орден.* В Архитектуре. . и *Орден*, *Лат.* 1. Сословие рыцарей или монахов. .; *Пикет*, *Фр. Реч. Воен.* и *Пикет.* Название карточной игры. .

Надо сказать, что в НС не всегда четко разграничены слово-омонимы, с одной стороны, и значения многозначного слова — с другой: нередко разные по происхождению и по времени заимствования слова помещаются в одной словарной статье как значения одного и того же слова (что, впрочем, вполне объясняется общим уровнем лингвистических знаний конца XVIII в.); — ср.: *Акорд.* 1. В музыке. . 3. Договор. .; *Банкет.* 1. Реч. форт. . 2. Великолепный стол, пир; *Кавалерия.* 1. Отличительный знак за заслуги. . 2. Конница и т. п. Тем не менее в целом лексикографическое решение этой проблемы в словаре Яновского следует признать незаурядным достижением того времени.

* * *

В толкующей части своего словаря Яновский чрезвычайно широко использует способ буквального перевода и калькирования заимствованных слов, предлагая иногда значительный набор их русских соответствий. Среди них можно встретить как вполне употребительные в его время (например, *архитектура* — *зодчество*; *библиотека* — *книгохранилища*, *книгохранилище*; *декокт* — *взвар*, *отвар*; *инвентор* — *изобретатель*, *выдумщик*; *компатриот* — *земляк*, *соотечественник*, *соотчичь* и т. п.), так и весьма искусственные образования (ср. *акустика* — *слухоискусство*, *звонознание*; *вентилятор* — *ветрильник*, *ветродуй*, *воздушник*; *гигрометр* — *влагомер*; *космополит* — *всеградник*; *телескоп* — *далекозор* и т. п.). Характерно, что эта особенность НС обратила на себя внимание и вызвала полное одобрение пуристически настроенных любителей российской словесности: «Она (книга Яновского, — Л. В.) наиболее теперь необходима, когда со всех сторон вкрадываются в язык наш чужия слова. Она может подать хороший повод к переводу или замене сих слов. Г. сочинитель сам даже многия перевел (напр., *отомат* самодвиг, *барометр* погодомер, *волан* леток, и пр.)». ¹⁶

Как нам кажется, к утверждению рецензента о переводе многих иноязычных заимствований самим Яновским следует отнестись с известной осторожностью; во всяком случае даже выборочное сопоставление НС со словарями и статьями специального характера конца XVIII в. обнаруживает, что значительное количество приводимых в нем русских соответствий было создано и использовано для перевода и замены иностранных терминов уже до него. Таковы слова *противустрастие* (антипатия), *вельможедержавие* (аристократия), *переводина* (архитрав) и др., употребленные

¹⁶ «Северный вестник», 1805, ч. 6, с. 12.

до НС в САР¹, *шпагобоек, мечебитец, мечеборец* (фехтарь) в Ад., *воздушник* (вентилятор) во ФРЛ¹, *погодомер* (термометр) в Сл. Кург., *влагомер* (гигрометр) у Линнея, *ветродуй* (вентилятор) в ТВЭО 1795, *подпяток* (стереобат) в М. Витр., *единопродавство* (монополия) у Юсти 1772 и т. п.; думается, что эти примеры могут быть умножены.

В толкующей части словаря Яновский очень редко ограничивается переводом иноязычного слова или приведением русских соответствий (например: *Винкел*, Нем. Реч. мор. *Правило*; *Инвентор*. Изобретатель, выдумщик; *Лос*, Нем. *Жеребей*, *Лотерейный билет*). Как правило, он использует их лишь в качестве дополнения к принятым в НС определениям филолого-энциклопедического характера. Эти определения весьма разнообразны по степени полноты и обстоятельности, — от кратких указаний на значение и сферу применения слова (например: *Бареллиеф*, Фр. В Скульптуре называются выпуклые фигуры, вырезанные на мраморе, меди и проч.; *Дендрология*, Гр. *Д р е в о с л о в и е*; наука, имеющая предметом познание дерев; *Комплиментист*. Кто слишком много делает учтивостей на словах и в письмах. Ср. также *Бронхи*, *Брюнетка*, *Германизм*, *Дедукция*, *Дилижанс*, *Кантата*, *Контекст*, *Ложь* и т. п.) до развернутых толкований, перерастающих иногда в целые научно-популярные статьи, где полностью раскрывается объем понятий, дается подробнейшее описание реалий, приводятся многочисленные исторические сведения и самые разнообразные фактические данные. Таковы словарные статьи *Гас* (10 стр.), *Музыка* (9 стр.), *Микроскоп* (3 стр.), *Орден* (42 стр., на которых дается описание рыцарских и монашеских орденов, «ныне существующих в разных Европейских областях»), *Почта* (9 стр. с разделами «О начале почт вообще» и «О начале почт в России»), *Фосфор* (8 стр.), *Химия* (8 стр.) и др. Высокую познавательную ценность подобных статей, которые имеют уже чисто энциклопедический характер, отмечал еще рецензент «Северного вестника»: «Особливо достойны всякого одобрения статьи сего Словаря: Астрономия, Гас, Генеральный Регламент, Диалектика, Журнал, Интерес, Ирой, История; так же календарь (драгоценная статья), канцелярия, козак, комедия (в которой отлично хорошо выведена история сего рода стихотворства); коммерция, литература, комиссия, Логика, Медицина, Мифология, мода, музыка (о которой сочинитель писал как знаток), и навигация.¹⁷ Все они наполнены полезнейшими сведениями, почерпнутыми в наилучших источниках, обработаны слогом приятным, и чистым. — Везде видно, что сочинитель много трудился, много читал, и делал бесконечные справки». ¹⁸ Правда, тот же рецензент возражал против излишне подробных опреде-

¹⁷ Напомним, что рецензия появилась после выхода в свет второй части НС, оканчивающейся буквой Н.

¹⁸ «Северный вестник», 1805, ч. 6, с. 14.

лений, которые «не слова уже объясняют, но историю слов»,¹⁹ однако, судя по приведенным им примерам, это относилось лишь к экзотизмам, локализмам и историзмам (*ага*, *баханалии*, *баркалан* — министр в Сиаме, *банты* — «жрецы богини безстыдства» в Афинах).

Во многих словарных статьях Яновский проявляет свое личное, глубоко заинтересованное отношение к тем явлениям, понятиям, реалиям, о которых он пишет, открыто высказывая свое мнение о них, давая им ту или иную оценку. Ср. в статье *Атеист*: «Атеисты не должны быть терпимы ни в каких обществах, поелику они разрушают основание оных»; *Анаграмма*: «Занятие деланием Анаграмм есть ребяческое употребление времени»; *Деликатность*: «Деликатность есть одно из прелестнейших качеств души и состоит в чувствительности, дающей истинную цену вещам». Нередко это пространные, полные пафоса рассуждения, с риторическими вопросами и восклицаниями, — ср. статьи *Мода*, *Монарх*, *Религия* и т. п. В статье *Журнал* автор выдвигает предложение об организации в России Национального журнала, издание которого должны взять на себя Российская Академия и Академия наук и который «ни мало не воспрепятствовал бы частным писателям издавать своих Вестников Европы, с удовольствием читаемых публикою, своих Меркуриев. .», но в то же время способствовал бы тому, чтобы «. Журналы Дамские и все подобныя им скучныя Периодическия издания, уносящия у читателей бесполезно время и уничижающия Литературу, истребились бы нечувствительно сами собою». В статье *Технический* он высказывает свое отношение к замене интернациональных терминов греко-латинского происхождения «словами своего наречия»: «Если можно выразить иностранные технические слова кратко и ясно собственными. . словами, то перевод сей заслуживает одобрение; в противном же случае лучше употреблять иностранные технические термины». В статье *Панталон* Яновский бесхитростно делится с читателем: «Некто из приятелей моих, внимательный наблюдатель естественных действий, начинает подозревать, чтоб не оказались вредныя следствия для здоровья от ношения панталонов. . Весьма желательно, чтоб и другие обратили свое внимание на сей предмет шнурования мужчин; ибо ничто не заслуживает большего внимания всех и каждого, как сохранение здоровья. .»

* * *

Чрезвычайно широко представлены в НС ссылки на мнения и высказывания известных ученых, философов, писателей (как современных, так и античных) по поводу определяемых понятий, явлений, реалий. Ср.: *Гидромантия* (способ гадания, —

¹⁹ Там же, с. 15.

Л. В.). . По объявлению Варрона она изобретена Персами и потом употреблена была Пифагором и Нумою Помпилием; **Петиметр**. . Петиметры, говорит Волтер, есть род людей самага большого посмеяния достойный. . ; **Комета**. . По мнению Невтона, Комета есть тело твердое. . При этом нередко словарные статьи перерастают в подробный рассказ о развитии той или иной отрасли науки в трудах известных ученых, в детальное изложение различных суждений и теорий относительно какого-либо явления (ср. статьи *Астрономия*, *Медицина*, *Химия*, *Флогистическая система*, *Фосфор* и т. п.). Иногда, после более или менее развернутого толкования слова, Яновский отсылает читателя к специальной литературе, где тот может найти дополнительные сведения научного или фактического характера. Так, в статье *Море*, коснувшись его свечения, Яновский пишет: «Изъяснение же причины светящихся сих явлений, охотники могут читать в сочинении под заглавием: собрание физикохимических новых опытов и наблюдений Профессора физики Василия Петрова, в статье IX-й о фосфорах животного царства и о причине их свечения, страницу 415 и следующую»; в статье *Телеграф*, описав его строение и действие, он добавляет: «Дальнейшее сведение о сей машине почерпнуть можно из подробного описания телеграфа, переведенного с Немецкого на Российский язык и 1795 года в Москве напечатанного. . »

В некоторых случаях автор НС просто цитирует (целиком или в извлечениях) подобную литературу; например, в статье *Логика*, после рассказа о зарождении и развитии логики в античном мире и в эпоху средневековья, он пишет: «Есть многия особия о сей науке сочинения на иностранных языках. . Следующая статья заключает мнение французских писателей об успехах логики», после чего приводится обширная цитата из этой работы. Определения многих терминов каббалистики, астрологии, черной и белой магии совершенно очевидно восходят к статье «Билфелдово рассуждение о тщетных науках и художествах».²⁰ Полное текстуальное совпадение с ней находим в заключении словарной статьи *Аэромантия*, в толкованиях слов *гороскопия* (где Яновский лишь добавляет первую, вводную фразу определения) и *хиромантия* (где им только исключены фамилии авторов, писавших об этом виде гадания); лишь несколько перефразировано, по сравнению с «Билфелдовым рассуждением», основное определение слова *некромантия*; на основе той же статьи (с частичными текстуальными совпадениями) построены толкования слов *кабала* и *астрология*.

Определяя слово *Бассейн*, НС дословно приводит его описание, данное в примечании Ф. Каржавина к тексту М. Витрувия об Архитектуре 1790 г. Сравни:

²⁰ См. «Зеркало света», 1786, ч. III.

Водопрियाтелище: сие Славенское слово тоже самое значит, что новопринятое из Французских книг слово *Бассейн*. Оно хотя и не модно, но Русское наше; а значит всякое то место, в которое стекается откуда ни есть вода; выкопано ли оно в земле и услао по том мрамором, как маленький прудок, или сделано наподобие сосуда или таза из камня, или из мрамора, и поставлено на пьедестале, то есть на стуле. (М. Витр. I 4)

Бассейн, Фр. Водоем, водопрियाлище; всякое то место в которое стекается откуда ни есть вода, выкопано ли оно в земле и услао потом мрамором, или простым камнем, как маленькой прудок, или сделано на подобие сосуда, или таза из камня или мрамора и поставлено на пьедестале или стуле. (НС I 348)

В словарной статье *Гармоника*, рассказывая об изобретении и усовершенствовании этого инструмента, описывая его устройство и способ игры на нем, Яновский не только берет все фактические данные, но и дословно цитирует то, что написано о гармонике в разделе «Музыкальные изобретения» «Карманной книги для любителей музыки на 1795 г.» (СПб.).

Словарная статья *Фортификация*, помимо общего толкования слова, приводит разделение этой части военной науки на виды и роды (с определением каждого из них) и дает краткую историю ее развития. В основе этой статьи НС лежат вводная часть и начало 1-й главы «Книги Морской инженер» Н. Курганова (Кург.); отличие заключается в том, что сведения, взятые из книги Курганова, изложены Яновским более стройно и лаконично, а определения сформулированы более просто, ясно и четко. Тем не менее текстуальное сходство НС и Кург. не подлежит сомнению. Сравни:

Наука укреплять выдумана для соблюдения права и спокойствия народного. Общее добро соблюдалось только незлобием человеческим: а как скоро пороки овладели их сердцами, то принуждено было чинить разделы, корыстолюбие и зловерная зависть родила несогласие и ненависть; сильной сделался жаден к чести; а скудные пришед во изнеможение стали себе делать убежища или огражденные места. Вот начало городов и укрепления оных. (Кург. с. X)

Искусство укреплять какия нибудь места, было изобретено для сохранения народного права. Общественность или нераздельность имений не могла иначе существовать, как с невинностью людей. Но пороки, овладев сердцами людей лишили их оной. Надлежало сделать разделы владений, принадлежавших каждому народу или семейству в особенности. Интерес возродил распри. Сильный соделался властолюбивым. Слабые начали строить для себя

Обороняющее укрепление есть искусство, каким образом и какими строениями, в разсуждении разных мест, малое число людей от нападения большого может в них с пользою защищаться. (Там же, с. 2)

Долговременное или прочное укрепление есть та часть обороняющей Фортификации, коей строение ни какой иной перемене не подвержено, разве оное неприятельским нападением разорено будет, как крепости городов, гаваней, границ и проч. (Там же, с. 3)

убежища. Вот начало городов и укреплений. (НС III 1038)

Первая (*оборонительная ф.* — Л. В.) научает, каким образом и какими строениями (укреплениями) в разсуждении различных мест и случаев малому числу людей против большого с пользою защищаться и обороняться. (НС III 1035—1036)

Долговременная фортификация есть та часть оборонительного укрепления, коего строение не подвергается никакой иной перемене, разве оное неприятельским нападением разорено будет, на прим.: крепость городов, границ и проч. (НС III 1036)

Все это позволяет предположить, что Яновский при работе над словарем очень широко использовал самую разнообразную литературу своего времени (по крайней мере последней трети XVIII в.). В связи с терминологическим характером НС, это была, очевидно, главным образом научная, научно-популярная и учебная литература. При этом, судя по приведенным нами примерам, он не только приводил в словарных статьях НС-извлечения из этой литературы сведения, но и включал в определения слов более или менее обширные и дословные выдержки из использованных им книг, журналов, сборников и т. п.

* * *

Особое место среди источников НС занимают словари. Выборочное сопоставление НС с отдельными лексикографическими трудами последней трети XVIII в. выявило интересные факты активного использования Яновским целого ряда словарей разных типов.

В период работы над НС уже вышло в свет первое издание Словаря Академии Российской 1789—1794 гг. (САР¹). Сравнение материалов того и другого по букве *а* показывает, что в той части иноязычной лексики, которая включена в словник САР¹, Яновский нередко в той или иной степени использует его определения.

1) Полное текстуальное совпадение определений САР¹ и НС отмечено в словах *алтабас*, *алый*, *антидор*, *апостол* (2-е значение), *апостроф* (2-е значение), *арестовать*, *арифметик*, *аркан*, *армяк*, *артель*, *артос*, *архистратиг*, *ассарий*. Совпадение с весьма

незначительными отклонениями (в основном стилистического характера) наблюдается в словах *аксамит* (в НС вместо «называется» — «именуется»), *алебарда* (НС добавляет вариант «или *Галлебарда*»), *аллилуия* (НС отбрасывает окончание «. . и во всех языках без перевода оставляется для означения боголепной хвалы или песни»), *антифон* (в НС вместо «стишки» — «стихи»), *аптека*, *арба*, *архитрав*. Ср. также:

Антал. Венг. Половина бочки, в каковых обыкновенно Венгерския вина привозят; и кроме сего вина ни с каким другим бочки анталами не называются. Из Антала выходит от 55 до 60 бутылок чистаго вина. (САР¹ I 36)

Антал, Венгер. Половина Венгерской бочки, в каковых обыкновенно Венгерския вина привозят. Из Антала выходит от 55 до 60 бутылок чистаго вина. (НС I 160)

2) В отдельных случаях НС повторяет определение САР¹, лишь несколько уточняя или дополняя его. Так, в сл. *азям* к определению САР¹ добавлено: «. . и бывают суконные, шелковые, бумажные и парчевые»; в сл. *актуарис* добавлено 2-е значение, а определение 1-го расширено: «. . в классах состоящий служитель», «. . запасах, каковы суть: бумага, сургучь, перья, чернилы и пр.»;²¹ в сл. *аренда* исключено из определения САР¹ локальное ограничение употребительности этого слова, но добавлено: «Сие слово употребляется и в правах Малороссийских и значит: откуп или взятъе на откуп чего либо»; ср. также определения слов *амбар*, *антиподы*, *апофөгма*, *аптекарский*, *архимандрит*, 1-го значения сл. *апостол*.

3) Чаще всего Яновский использует формулировки САР¹ лишь в качестве основного определения слова (иногда несколько видоизменяя их), но затем расширяет свои словарные статьи, порой весьма значительно, за счет подробностей энциклопедического характера. Так разработаны в НС слова *академия*, *акрифист*, *алебарщик*, *алембик*, *анатомия*, *антиминс*, *апрель*, *аристократия*, *арифметика*, *артиллерия*, *архипелаг*, *аршин* и некоторые другие. Типичным образцом такого использования в НС материалов САР¹ является словарная статья на сл. *академия*:

Акадѣмия. Гр. Гражданин города Афин, именем *Академ*, имея в близости сего города загородный дом, насадил окрест его различные деревья, и по местам между оных изображенія славных мужей поставил.

Акадѣмия, или *Академия*. Гр. Гражданин города Афин, именем *Академ*, честь названія Ироя заслужившій, имея в близости сего города загородной дом, насадил окрест его различные деревья, и по местам

²¹ Дополнения НС в данном случае выделены нами курсивом.

Любомудрец *Платон*, переселившись в него жить, основал там училище, которое, по имени сего места хозяина, названо Академиею. По смерти его несколько веков сряду назывались Академиею и Академиками те, кои последовали учению его, присовокупляя иногда к его мнению и свои. Ныне Академия, по большей части, означает общество людей, упражняющихся в распространении наук или художеств; да и самое то место, в котором они собираясь, сообщают друг другу свои мысли о изобретениях. (САР¹ I 14—15)

между оных статуи славных мужей поставил. Любомудрец Платон переселившись в оный жить, основал там училище, которое по имени сего места хозяина названо *Академиею*. По смерти его несколько веков сряду назывались Академиками те, кои последовали учению его, присовокупляя иногда к его мнению и свои. По том сие имя было забыто. .²²

Ныне Академия по большей части означает общество людей, упражняющихся в распространении наук, или художеств; да и самое то место, в котором они собираясь, сообщают друг другу мысли свои о изобретениях.²³ (НС I 53—56)

4) Большая группа слов разработана в САР¹ и НС совершенно по-разному, без каких-либо текстуальных соответствий, причем, как правило, словарные статьи НС гораздо подробнее и «энциклопедичнее». Это относится к сл. *адмирал* и *адмиралтейство*, *акустика*, *алгебра*, *алкали*, *алфавит*, *альт*, *амальгама*, *амбразура*, *анафема*, *ареонаг*, *арест*, *армия*, *арсенал*, *арфа*, *архив*, *архитектура* и некоторым другим.

Нетрудно заметить, что в 1-й и 2-й группах слов, обнаруживших полное или почти полное совпадение определений САР¹ и НС, преобладают старые восточные заимствования (в большинстве случаев бытового характера) и церковно-богословская терминология; в 3-й и 4-й группах, где определения САР¹ и НС полностью или почти полностью расходятся, преобладают слова терминологических систем науки, техники, военно-морского дела, искусства и т. п.

Из иноязычно-русских толковых словарей конца XVIII в. наиболее развернутыми определениями иностранных слов в русской, толкующей части отличались ФРЛ² и Ад. Выборочное сопоставление НС и Ад. показало, что Яновский несомненно использовал материалы Ад. при толковании некоторых слов немецкого происхождения. Насколько удалось проследить, это

²² Далее рассказывается о возрождении академии в XV в., о внутренней организации академии, об академических званиях и порядке их присвоения.

²³ Далее приводятся даты создания академий в разных странах и дается определение двух переносных значений слова *академия* (быт. 'игорный дом' и живоп. 'обнаженная натура').

В основном касается следующих групп лексики: обозначений мер веса и объема и названия денежных единиц, распространенные в Германских княжествах и российских областях с немецким населением (например, *лоф*, *лох*, *фудер*, *шеффель*, *албертс-талер*, *марка*, *пфеннинг*); частично терминология государственного устройства и управления, в том числе названия должностей, титулы, чины и ранги, принятые не только в Германских землях, но и в Прибалтике (например, *ландамт*, *ландгерихт*, *ландрехт*, *ландамтсманн*, *маркграф*, *шафнер*, *лейб-паж*, *лейб-компания*); отдельные термины горного дела, книгопечатания, живописи и гравирования (такие, как *бергмейстер*, *лотте*, *луппа*, *фаршахт*, *фарштейгер*, *фрактер*, *шмуц-титул*, *блик*, *бликзильбер*, *шатиловать*); отдельные слова, относящиеся к бытовой лексике (*блендетрит*, *лос*, *фехтарь*, *фехтбоден*).

Показательно, что большинство других слов этих лексических групп определяется в НС совершенно независимо от Ад. (ср., например, *бергамт*, *ландграф*, *ландмилиция*, *лейб-медик* и т. п.); это наблюдается, как правило, в тех случаях, когда Ад. не толкует слово, а просто дает его русский перевод. Кроме того, поскольку Ад. представляет весь семантический объем немецкого слова, а НС дает лишь ту часть этого объема, которая была заимствована русским языком, то естественно, что нередко Яновский берет из Ад. определение только одного из значений слова (ср., например, слово *лох*, включенное в НС лишь в значении меры сыпучих тел, со словом *Loch*, имеющим в Ад. два значения, из которых первое и основное — всякое отверстие, дыра; сл. *ландрехт* приводится в НС лишь в одном из трех значений его немецкого оригинала). Наконец, еще одна особенность соотношения этих словарей заключается в том, что Яновский пользуется определениями Ад. главным образом в тех случаях, когда в русской, толкующей части последнего немецкое слово воспроизводится в его русском написании, например:

<p><i>die Lurre</i> (на железных заводах) <i>луппа</i>,²⁴ крица, глыба сплавленного железа в несколько пудов весом. (Ад. I 1046)</p>	<p><i>Луппа</i>, Нем. В железных заводах: крица, глыба сплавленного железа в несколько пудов весом. (НС II 617)</p>
---	---

Принципы использования определений Ад. в НС те же, что и в отношении САР¹: в одних случаях толкования Ад. целиком переносятся в НС, лишь иногда с незначительными изменениями стилистического характера и небольшими дополнениями или сокращениями, — ср. пример, приведенный выше, а также сл. *блендетрит*, *ландгерихт*, *ландрат*, *ландтаг* (НС добавляет «. для советования о чем либо»), *лейб-компания* (НС добавляет

²⁴ Курсив наш, — Л. В.

«Первая в полку рота»), *лоф*, *пфеннинг*, *фаршахт*, *фехтбоден*, *фрактур*, *шатиловать*, *шеффель* (НС исключает указание на то, сколько шеффелей содержится в ласте) и некоторые другие. В других случаях НС берет определения Ад. за основу, используя его формулировки, но более или менее значительно расширяет словарную статью за счет дополнительных сведений и подробностей (ср. сл. *албертс-талер*, *ландамт*, *ландгофмейстер*, *ландмаршал*, *лотте*, *маркграф* и некоторые другие.). Например:

der Landmarschall, государственной предводитель, маршал, знатный земский чиновник в Германии; когда сие достоинство наследственно, то называется он *Erblandmarschall*. (Ад. I 970)

Ландмаршал, Нем. Государственный предводитель, знатный земский чиновник в Германии. На собрании Государственных или провинциальных чинов избирается от дворянства для председания, собирания голосов и представления постановления оных правительству. В Лифляндии называется сим именем Губернский предводитель дворянства. (НС II 507)

В тех случаях, когда Ад. приводит в тексте словарной статьи дериваты определяемого слова, Яновский часто переносит их в свой словарь вместе с этим словом, — как кажется, не очень заботясь о том, употребительны ли они в русском языке или являются принадлежностью только немецкого (например, *ландамтсманн*, *ландбеамте* при *ландамт*, *эрбландгофмейстер* при *ландгофмейстер*). При этом обычно он сохраняет ту форму производного слова, в которой оно существует в немецком языке и приведено у Ад.; лишь однажды в статье на слово *Шатиловать* НС заменил немецкое отглагольное существительное *Schattierung* соответствующим дериватом *шатировка*.²⁵ Сравни:

Schattieren (в рисовании) тени наводить, изображать, тушевать, шатировать, оттенивать; от того: *die Schattierung*, оттенивание, тушевание; также: *оттенка*. (Ад. II 364)

Шатиловать, Нем. В рисовании значит: тени наводить, изображать, тушевать, оттенивать; от того *Шатировка*, оттенивание, *оттенка*, тушевание. (НС III 1166)

Следует также отметить, что словарные статьи Ад., определяющие меры объема и веса (и порой весьма пространные, так

²⁵ Образование *шатировка* встречается в речи живописцев уже в 1765 г.; вместе с тем ЛВ¹ приводит слово *шатирунг*, сохраняющее форму немецкого оригинала.

как в них перечисляется содержание этих мер в разных Германских княжествах и областях), НС, как правило, повторяет без всяких изменений (ср. *лоф*, *фудер*, *шеффель*). При этом другие термины меры веса или объема, встречающиеся в тексте статьи, могут и не найти своего определения в НС (например, *кюльмитт* из статьи *Лоф*; *муйд* и *штибхен* из статьи *Фудер* и др.).

Сопоставление НС с предшествующими ему по времени словарями иностранных слов, такими, как словарик из журнала М. Чулкова «И то и сию» (1769 г.), Словарь разноязычный из «Российской универсальной грамматики» Н. Курганова (СПб., 1769), Речи иностранных языков из сборника М. Комарова «Разныя письменныя материи» (М., 1791), не обнаруживает между ними никакого сходства. Характерные для этих словарей неразграниченность значений и сфер употребления заимствованных слов, краткость и элементарность их определений, сводящихся обычно к простому переводу и подбору русских соответствий иностранного слова, — все это лишало Яновского возможности использовать их материалы в работе над НС. Точки соприкосновения НС со словарями иностранных слов последней трети XVIII в., как нам кажется, следует искать главным образом в тех русских соответствиях, переводах и кальках, которыми Яновский дополняет свои определения иностранных слов (ср. *погодомер*, *далезор* в Сл. Кург. и *погодомер*, *далекозор* в НС и т. п.).

Однако при составлении НС внимание Яновского не могли не привлечь терминологические словари из различных областей знаний, которые с 70-х годов XVIII в. начинают занимать все большее место в русской лексикографической практике. В конце XVIII в. в России уже существовал целый ряд таких словарей, которые были очень близки к НС как по подбору специальных терминов, так и по способу их толкования. Сравнение некоторых из них с НС позволяет утверждать, что именно они были одним из основных источников значительной части его словарных статей. Это относится, в частности, к Словарю фортификационных терминов, помещенному в книге Е. Войтяховского «Полная наука военного укрепления» 1790 г. (ФВ). Сопоставление НС и ФВ, проведенное по буквам *а—д*, выявило следующие факты.

1) Полностью совпадают определения НС и ФВ в словах *анвелоппы*, *анфилада* и *анфилировать* (в их фортификационном значении), *артифисы*, *атаковать с флангов* (в статье *Атаковать*), *бакуль*, *беттунги*, *блок-гаузы* (в 1-м значении), *блок-батарея*, *демилюн*, *дефензии*.

2) Незначительные отличия (обычно в сторону уточнений и дополнений в НС) отмечены в определениях слов *апроши*, *ариергардия*, *арсенал*, *атака* и *атака фальшивая*, *банк* (5-е значение), *баррикады*, *блинды*, *блокада*, *боннеты* (1-е значение), *бреш*, *гериссон*. Ср. характер отличий:

Блинды суть деревянные рамы, длиною до 6 а шириною до 3 футов, коими прикрываются траншеи от гранат; ими также поддерживается земля траншейных парапетов, положа за них фашины, или плетни. (ФВ 371).

Бреш есть пролом, сделанной в стене укрепления пушечными ядрами, или подкопом, дабы осаждающим, учиня приступ, можно было чрез оной ворваться внутрь крепости. (ФВ 372)

Блинды, Реч. Фортиф. Заслонки или деревянные рамы, длиною до 6, а шириною до 3 футов, коими прикрываются траншеи от гранат, и закрывается работа от неприятеля; ими поддерживается так же земля траншейных парапетов положа за них фашины или плетни. (НС I 385—386)

Бреш, Фр. Реч. воен. Пролом, сделанный в стене укрепления или вале, пушечными ядрами, бомбами, или подкопом, дабы осаждающим учиня приступ, можно было чрез оной ворваться внутрь крепости.

Бреш-батарея, та, которая сделана для произведения Бреша. (НС I 417—418).

3) По-разному определяются в НС и ФВ слова *амбразура*, *антестатюр*, *армия*, *артиллерия*, *бивуак*, *блокировать*, *бригада*, *гауптвахта*, *горж*, *деташемент*: определения НС гораздо более развернуты и подробны (хотя отдельные формулировки в них могут и совпадать). Показательно, что это наблюдается главным образом в отношении слов, которые не являются узко фортификационными терминами и имеют широкое родо-видовое значение. Кроме того, иначе определены в НС те слова, которые Войтяховский толкует (обычно очень лаконично) не в словаре, а в самом тексте своей книги, — ср. слова *аванфос*, *банкет*, *барбетта*, *барриеры*, *бастион*, *батарея*, *берма*, *бризура*, *вал*, *валганг*, *габион*, *галлерей*, *гарнизон*, *гласис*, *горнверк*, *дефензлия*; правда, и здесь в ряде определений НС встречаются формулировки Войтяховского. Например:

Банкет ир. есть приступок, приделывающийся на валу к брустверу, дабы гарнизон становясь на оной из мелкого ружья чрез бруствер в неприятеля стрелять мог. (ФВ 15)

Банкет, фр. 1) Реч. форт. Приступок; небольшое возвышение земли, приделываемое на валу к брустверу, дабы солдаты становясь на оное, могли стрелять из мелкого ружья на неприятеля чрез бруствер. Ежели бруствер высок, то делается двойной приступок. (НС I 332)

4) Очень близки друг к другу НС и ФВ по составу словника, который в проверенной нами части почти полностью совпадает.

Отличия заключаются в том, что НС не дает, в соответствии со своими задачами, русских слов (*вылазка, волчьи ямы, голова моста*), а также исключает термины *арро* 'укрепление наподобие флеша', *глоб-де компрессьо* или *стиснительный шар* 'большая мина' и *газон* 'дерн', которые приводятся в ФВ; в то же время он вводит такие термины, отсутствующие в ФВ (правда, частично встречающиеся в тексте книги Войтяховского), как *абишнит, аллинъементы, база* (4-е значение), *бафлок, бруствер, булевар, герзилионы*.

Отбор и толкование морской терминологии, очень широко представленной в НС, во многом восходят к Собранию морских слов Г. Кушелева (СМС), помещенному в переведенной им книге Н. П. Озанна «Военный мореплаватель» 1788 г. В обоих словарях совершенно идентичны определения слов *анкер-шток, балласт-порты, бомбрамсели, бомлисели, боргофтоу, босман, босман-мат, брашпиль, ватерлиния* (в НС вместо «погрязнуть в воде» «опуститься в воду»), *люверсы, ринсон, салютация* (НС добавляет русское соответствие «почтёние»), *трюм, фалконет* (с добавлением в НС сообщения об использовании его в сухопутных войсках) и др. Совпадение определений НС и СМС с отдельными перефразировками и незначительными сокращениями или дополнениями в НС находим в словах *аврал, ало, арматор, брасы, брасопить, булини, галеас, галион, линейный корабль, люк, тюрем* и т. п. Сравни:

Ало. Значит с л у ш а й на корабле. Сие слово кричат в рупор или переговорную трубу на корабль, с коим хотят переговаривать, дабы на нем внятно слушали. (СМС 133)

Ало. Речение морское употребляемое на корабле и значит: *слушай*. Сие слово кричат в Рупор на корабль, с коим хотят переговаривать, дабы на нем внятно слушали. (НС I 104—105)

В ряде случаев СМС дает более развернутые определения, чем НС (например, в словах *бом-крюсель, брамсели, бомы, док, рифы* и т. п.); в других случаях, наоборот, НС расширяет свои определения по сравнению с СМС — например, в словах *боннеты* (2-е значение), *брюки* (3-е значение), *бугель, рупор, риф* и т. п.; однако в обоих случаях построение словарных статей и сходство отдельных формулировок свидетельствуют о том, что в основе определений НС лежит материал СМС. Следует вместе с тем отметить, что далеко не вся морская терминология, собранная в НС, дана в нем «по Кушелеву», причем это касается не только слов, определяемых в СМС очень лаконично (например, *бот*), но и слов, разработанных в нем достаточно подробно (например, *румб*), — ср. полное расхождение определений СМС и НС в словах *болт, бот, корсер, рейда, румб, рупор* и др.

Многие определения музыкальных терминов, данные в НС, точно повторяют определения Музыкального словаря (МС), приведенного в «Карманной книге для любителей музыки на 1795 год», — ср. *водевиль*, *диминуэндо*, *дискант*, *аппликатура*, *клавиатура*, *ингано*, *эвфон*. В некоторых из них отличия весьма незначительны и состоят либо в дополнительных сведениях, сообщаемых НС (ср. *английский рожок*, *ариетта*, *ариозо*, *риторнелло*, *клависин*, *кларнет*, *интервалл*), либо в небольшом сокращении определений МС (ср. *интрада*, *англез*, *панталеон*). Например:

Англезе, *angloise*. Англинской танец, которой учат почти все дети, имеющие нарочитое воспитание. Сего рода музыка находится также во многих симфониях, сонатах, концертах и пр. (МС 24)

Риторнелло, *ritornello*. В концертах и ариях бывает иногда в середине, а иногда на конце, когда концертной игрок или певец молчит, или отдыхает. (МС 39)

Англез, *Angloïse*. Реч. муз. Английский танец, которой танцуют несколько пар. Сего рода музыка находится так же во многих Симфониях, Сонатах, Концертах и проч. (НС I 150)

Риторнелло, *Ritornello*, *Итал. Реч. Муз.* Предначатие музыки в арии, которое бывает в концертах и ариях иногда в середине, а иногда на конце, когда концертной игрок или певец молчит или отдыхает. (НС III 569)

Ряд толкований дается в НС гораздо подробнее, но на основе определений МС, с использованием отдельных формулировок последнего (например, *контрапункт*, *рецитатив*; ср. также описание гармоник, в котором использованы как определение МС, так и рассказ об этом инструменте в тексте книги). В то же время совершенно по-разному толкуются в НС и МС слова *альт*, *аморозо*, *ария*, *бас*, *бис*, *клавикорд*, *клавиш*. Учитывая небольшой объем МС и широту показа музыкальной терминологии в НС, можно предположить, что помимо «Карманной книги для любителей музыки» Яновский пользовался и другими источниками для толкования этой группы лексики.

Некоторые терминологические словари или по своему словнику, или по характеру определений не отвечали требованиям НС; тем не менее даже из них Яновский извлекал отдельные статьи или фрагменты для помещения в более или менее переработанном виде в свой словарь. Так, он использовал в НС для словарных статей *Весталка*, *Зефир*, *Систр*, *Фециалы* описания Иконологического лексикона 1763 г. (ИЛ), для статей *Строфа*, *Эпитафия* — определения Пиитико-Исторического Словаря из «Правил пиитических» А. Байбакова 1785 г. (ПСБ) и т. п. Особенности использования им такого материала видны из следующего сопоставления:

Весталы, жрицы или служительницы богини Весты. Оне должны были хранить всегда свое девство, и священный огонь в храме сея богини: чего ради и представляют их с покрывалом держащих в руках зажженную лампаду или с ручками сосуд наполненной огнем. Иногда представляют оных жриц стоящими пред старинным жертвенником, на котором поставлена с огнем жаровня. Одевание их не имело ничего в себе грубого, но было оно белое длинное с узкими рукавами, по плечам висела пурпуровая мантия, для того, чтоб руки были свободны; на голове хотя и есть покрывало, однако сквозь оное можно лицо видеть. Многие также статуи имеют оное покрывало спущенное назад и убранные волосы. Весталы при жертвовании были всегда босы. (ИЛ 48—49)

Эпитафия, или надгробная надпись, в которой коротко умершаго пороки, или добродетели изъясняются. Если важное описывается лице, то и содержание должно быть важное, представляющее краткость, или смертность жизни проч. (ПСБ 37)

Весталка или *Вестала*. Древние Римляне так называли жриц или служительниц богини Весты, которые должны были хранить всегда девство свое и священный огонь неугасаемым, в храме сея богини возженный. По сему-то и представляют их с покрывалом и с зажженной лампадою в руках, или с сосудом, огнем наполненным; иногда же изображаются оне стоящими пред жертвенником, на котором поставлена жаровня с огнем. Одевались оне в белое длинное с узкими рукавами платье, имея на плечах мантию, а на голове покрывало.— У нас под словом Весталки разумеют девицу скромную, целомудрую, почитающую непорочность первым и наилучшим украшением своего пола. (НС I 468)

Эпитафия. Сие Греческое слово означало прежде некоторые стихи, которые пели во время погребения в честь умершаго, и которые всякой год были повторяемы в память усопшаго, ныне же употребляется сие слово для означения надгробных надписей, в которых кратко изъясняются добродетели, а иногда и пороки умершаго. Если описывается важное лице, то и содержание должно быть так же важное, представляющее краткость или суетность жизни, и проч. (НС III 1290—1291).

* * *

Проведенные сопоставления, как нам кажется, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что НС построен на широком использовании, с одной стороны, различных лексикографических

трудов последней трети XVIII в., с другой — разнообразной научной, научно-популярной и учебной литературы того времени. Думается, что дальнейшие поиски могли бы еще больше расширить круг источников, которые в той или иной мере и форме легли в основу его словарных статей. Такой в известной степени компилятивный характер этого словаря позволяет рассматривать его как своеобразное, но достаточно яркое и точное отражение уровня знаний, круга представлений, образа суждений русского образованного общества конца XVIII в.

Вместе с тем, как мы попытались показать в начале работы, НС является выдающимся лексикографическим достижением той поры. Характер отбора и богатство словника, обилие лингвистических сведений о представленных словах, способ определения их значений и сфер употребления — все это вывело «Новый словотолкователь» Н. Яновского далеко вперед по сравнению с предшествующими терминологическими словарями и словарями иностранных слов и позволяет рассматривать его как словарь совершенно нового типа.

**ВОПРОСЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
В СЛОВАРЕ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ (1789—1794 гг.)**

Словари как лингвистический источник привлекают внимание языковедов в нескольких аспектах: 1) словари отражают реальную языковую действительность своего исторического времени и свидетельствуют об языке эпохи; 2) словари отражают лингвистические воззрения своих авторов, что выражается в лексикографической организации материала и выделении в плане описания слова различных сторон лексической семантики, грамматики, стилистики; 3) оба вышеназванных аспекта наблюдения, взятые во взаимном отношении, дают возможность представить субъективно-объективные характеристики языка, составить суждение о норме языка на данном историческом отрезке времени.

Словарь Академии Российской (САР) привлекал к себе внимание многих исследователей. Более всего работ посвящено составу словника этого словаря (лексике и фразеологии) и организации его в рамках определенных стилистических рубрикаций: вопрос о составе и стилистическом распределении лексики этого периода чрезвычайно важен для суждения о характере формирования национального литературного языка и его источниках.

Значительно меньше исследован вопрос о том, как этот словарь сделан: как описывается лексика, как решена в нем задача семантической и грамматической характеристики слова. Между тем именно в этих сферах словарного описания более всего проявляется новаторство словаря, его качественно более высокий уровень, делающий его первым звеном в цепи академических словарей нового времени.

Настоящая работа касается постановки и решения в САР некоторых проблем лексической семантики. Достижениями САР в этой области является решение вопроса о слове как совокупности значений (проблема полисемии), о связи и зависимости значений слова как результате процесса семантической производности, о границах слова и омонимии, о фразеологической и синтаксической обусловленности значений, о регулярной полисемии, об отношении слова и контекста. Сам перечень этих вопросов звучит очень современно: все они относятся к ядру современной теоретической семантики и далеко не всегда находят себе однозначное решение в современной лексикологии и лексико-

графии. В русском языкознании многие из них впервые выступили с очевидной определенностью именно при составлении САР.

Позиция составителей САР в описании семантики может быть прослежена при анализе словарных статей Словаря. Но авторы оставили и прямые свидетельства своих языковых воззрений. САР — первый в России словарь, для которого были сформулированы исходные позиции его составителей. Они изложены в проекте Словаря «Начертание для составления толкового словаря Словяно-Российского языка»,¹ где семантике посвящен особый раздел «О знаменовании слов и речений». Для составления «Начертания» был создан «отряд», в который вошли Д. Фонвизин, Н. Леонтьев, С. Румовский, И. Лепехин; возглавил его митрополит Гавриил. Можно думать, однако, что основным автором первоначального «Начертания» был Д. И. Фонвизин, читавший его уже через две недели после составления отряда в заседании от 11 ноября 1783 года.²

В процессе обсуждения «Начертания» и составления первых частей Словаря в первоначальный план были внесены некоторые изменения и дополнения; в области семантики наиболее существенные из них, определившие сам облик семантических разработок, связаны с именами И. Лепехина, С. Котельникова, м. Гавриила, кн. Дашковой и ряда других членов Академии. Словарь Академии Российской в высокой степени плод коллективных усилий. Историческая закономерность подобного хода вещей была подтверждена уже практикой двух европейских Академий. «S'il y a quelque ouvrage qui doit être exécuté par une Compagnie, c'est le Dictionnaire d'une Langue vivante», — писали составители Словаря Французской Академии (DAF).³

Главнейшей особенностью и великим достижением САР является то, что этот Словарь впервые представил развернутое описание содержательной стороны нашего языка: слов во всей совокупности их «знаменований». Эта совокупность, по мысли авторов (см. «Начертание»), — совокупность сложная. Она предполагает установление точного смысла слова (первичного, исходного) и распространенного,⁴ собственного и метафорического.

¹ В дальнейшем — «Начертание». Цит. по кн.: Полное собрание сочинений П. А. Вяземского. Т. V. СПб., 1880.

² Довольно распространенное мнение об авторстве И. Болтина — плод недоразумения. И. Болтин представил свое мнение на «Начертание», где касался в основном вопросов словника и структуры словаря (И. Болтин — сторонник азбучного «чина»). Склонившиеся сначала по ряду вопросов на сторону Болтина, члены Академии позднее опять вернулись к положениям «Начертания». Тревоги Фонвизина по этому поводу показывают его личную (возможно — авторскую) заинтересованность в положениях «Начертания». — См. переписку его с Козодавлевым, опубликованную у М. И. Сухомлинова (История Российской Академии. Т. I—VIII. СПб., 1874—1888).

³ Dictionnaire l'Academie Françoise. (DAF). Ed. 5. Paris, 1772. Préface, III.

⁴ Для обозначения понятия «лексическое значение» члены Академии Российской, составители САР употребляли сл. *смысл*. В соответствии с этим

Между точным и распространенным, собственным и метафорическим смыслами — отношения семантической производности. Вторые члены семантических противопоставлений связаны с первыми, зависят от них, являются их следствием.⁵

Сама возможность возникновения метафорических смыслов расценивается как величайшая возможность к обогащению языка: «Надлежит величайшее приложить старание к объяснению метафорического смысла, составляющего главное обилие языков, которое без размножения слов достигнуто» (Начертание, 309).

Программа семантического описания, в которую входит широкий спектр «дальнейших» («распространенных» — номинативно-производных и «метафорических») значений, русскими словарями еще не ставилась, хотя база для осуществления такого описания была в какой-то мере подготовлена лексикографическими трудами предшествующих времен.

Многозначность как лингвистическое явление была осмыслена очень рано; в античных теориях языка (школа Демокрита) многозначность (по античной терминологии «омонимия», «равноименство») — одно из доказательств отсутствия «природной» связи между именем и вещью.⁶

Словари как описания языка, где понятие полисемии должно было реализоваться прежде всего, строятся с несомненным учетом явления многозначности. Это относится и к нашей, русской и славянской традиции, с которой составители САР считали нужным специально ознакомиться. В библиотеке Академии Российской имелись «Лексис сиречь речи неведомыя» Максима Грека, Лексикон славеноросский Памвы Берынды (Киев, 1627), Лексикон треязычный Ф. Поликарпова (ЛП), Российский Целлариус (РЦ), лексикон А. Богданова-Тауберта, разнообразные иноязычно-русские лексиконы.

Принципиальная позиция филологов XVIII в. по вопросу многозначности с полной определенностью была сформулирована М. Ломоносовым в критическом разборе Русско-латино-французско-итальянского лексикона Г. Дандоло: «Во всех языках, так и в российском, многочисленныя слова имеют разные знаменования, которые в лексиконах назначены быть должны, но в сем

и в тексте автора данной статьи термин «смысл» употребляется как полный эквивалент «значения». «Надлежит принять за правило, чтоб объяснение слова упало во первых на точный его смысл, а не на распространенный. Слово *скорбь*, например, относится в нашем языке к болезненному телочувству и к душевному страданию, но точный смысл сего слова означает телесную болезнь, а отсюда распространен оный и до страдания души» (Начертание, 308).

⁵ «Что сказано о точном смысле, относительно до смысла распространенного, должно сказать и о смысле собственном относительно до смысла метафорического. Объяснения всегда должно упадать на один собственный смысл, а метафорический присовокупляется, яко следствие и зависимость от первого» (Там же, 308—309).

⁶ Античные теории языка и стиля. М.—Л., 1936.

лексиконе почти у всех многозначительных слов положено по одному знаменованию и часто отдаленному, как казнь *castigatio*, как *veluti*; касаюся *pertineo*, каюся *paenitet* и прочая».⁷ Мнение Ломоносова было подано от имени профессоров Академии секретарем «Исторического собрания» В. Тредиаковским (конец 40-х годов).

Однако, в том основном типе словаря, который культивировался в России XVII—XVIII вв., — дву- и многоязычный лексикон переводного (отчасти — толково-переводного) характера — описание явления многозначности осложнено по существу специфическими задачами перевода. При технике, принятой в наших двуязычных словарях, зачастую суммировались те части семантических систем слов языка-оригинала, которым соответствовал общий иноязычный эквивалент. Так, для многозначного глагола *ласкаю* (в Лексиконе славено-латинском Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского, XVII в. — Киев, 1973) латинский эквивалентный ряд включал глаголы *adulor*, *blandior*, *palpor*, каждый из которых имел в своей семантической структуре минимум два звена ('ласкать' и 'льстить'), свойственных и славянскому глаголу. Подобным же образом подан этот глагол и в Лексиконе треязычном с соответствующим греко-латинским эквивалентным рядом.

Допустимой представлялась (в словарях более архаического типа вплоть до Вейсманнова Лексикона) передача совокупности значений слова-оригинала совокупностью переводов. Ср. сл. *легкий* (в Лексиконе треязычном) и его эквиваленты *ἐλαφρός*, *levis*, *subtilis*, *aliecte*; или *Lust* (в Вейсманновом Лексиконе) с латинскими эквивалентами *cupido*, *cupiditas*, *disiderium*, *appetitus* и русскими *желание*, *возжелание*, *похоть*, *охота*.

Возможным было также использование в качестве перевода эквивалента лишь к первому, основному значению слова (как своего рода семантическому представителю слова). Ср. *согрис* (Латинский лексикон Еп. Славинецкого — Киев, 1973) с единственным эквивалентом *тело*; *рука* (в Лексиконе Треязычном) с эквивалентами *χῆρ*, *manus*; *рука* (в Словаре Нордстета) с эквивалентами *Hand*, *la main* и т. п.

Иначе говоря, в технике наших двуязычных словарей определенные звенья полисемии оказывались свернутыми.

С другой стороны, особый эквивалент в языке перевода мог соответствовать не одной лексеме в языке-оригинале, а сочетанию лексем. В этом случае в одной технике подавались: 1) различные значения многозначного слова, 2) лексические сочетания (свободные), имеющие иноязычный эквивалент-слово; 3) лексические сочетания (связанные фразеологически), в которых одна из лексем получала (в данном контексте) специфический перевод. Особенно отчетливо проявилось это в словарях,

⁷ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.—Л., 1955, т. IX, с. 622.

где многозначность обозначалась повторением вокабулы⁸ (с семантическими дифференциаторами при ней, составляющими минимальный контекст).

Так, в Лексиконе треязычном наряду с обозначением фактов многозначности:

*Бѣлю что на солнце
Бѣлю лице;*

*Запинаю кого ногою
Запинаю кому словом;*

*Вал около мѣста
Вал в колеси мелничном
Вал на водѣ;*

можно встретить:

*Запах добрый
Запах худый;*

*Орѣховая скорлупа
Орѣховый лист
Орѣховый сок;*

*Ловлю рыбу
Ловлю зебри
Ловлю птицы,*

где выделение вокабул связано не с многозначностью русского слова, а со спецификой его перевода в данном контексте (орѣховая скорлупа, το ἔλυτρον, culiola, putamen, inglandi; орѣховый лист καριοφύλλον, nucis folium, frutex; орѣховый сок, ὁ καρυόπος, сагуорис и т. п.).

Иногда в пределах одного слова отмечались одинаковым приемом явления того и другого рода.

Ср. [1] *Бию жезлом
Бию палицею
Бию ногою
Бию дланию
Бию рукою*

[2] *Бию кол в землю*
[3] *Бию скотину*
[4] *Бию в дверь
Бию кулаком*
[5] *Бьет зегар, или часы.*

Иначе говоря, в двуязычных словарях явление многозначности зачастую не отграничивалось от иных семантических явлений, связанных с проблемой междязыковых соответствий.

⁸ Техника повторения вокабулы принята во французской лексикографии и в словарях латинских.

САР — первый толковый словарь русского (славяно-русского) языка⁹ — снял все ограничения двуязычных словарей в отношении показа полисемии. Объем семантической информации в нем по сравнению со словарями предшествующей поры возрос чрезвычайно. Это касается в первую очередь регистрации «дальнейших» значений: номинативных (различных ступеней производности) и — в особенности — переносных («метафорических»). Следует иметь в виду, что САР в семантической оценке слова исходит из функционирования его в разных языковых сферах: в обиходном разговорном языке («просторечии») и в языке письменности (в поэзии, «слоге витийственном», в книгах церковных, в книгах старинных), в специальных подсистемах языка (в науке, технике, ремесле, искусстве и т. п.) и употреблении областном. Каждая из этих сфер дает свои семантические преломления и градации смысла. И составители САР эти градации отмечают, последовательно маркируя сферу, в которой они регистрируются.

Ср.: *Зима*. . 2. В смысле* употребляется в стихотворстве уподобительно вместо старость; *Герой*. . 3. В повествовательном стихотворстве называется то лице, которое составляет главный предмет поэмы; *Желѣзо*. . 2. В витийственном слоге, а наипаче у стихотворцев берется вместо меча, копья и вообще за всякое оружие; *Оглашаю*. 1. В церковных книгах значит: 1. Научаю, наставляю; *Дым*. . 2. В Св. писании значит иногда пар, бывающий от влажных тел; *Пробираю*. . 2. Относительно к земледельчеству: излишнюю траву выбираю, выдергиваю; *Зазор*. . 2. У артиллеристов называется зазором тот промежуток, который остается между ядром и стеною пушки. 3. У каменщиков: промежуток между стеною и причалкою; *Содержание*. . 4. В числословии сравнение двух чисел, чем или во сколько раз одного другого больше; *Жила*. 1. В телоразъятельной науке так называется всякий сосуд кровь и другие соки в себе содержащий. . 2. У рудокопов так называется вещество имеющее протяжение и содержащее в себе металлическую руду и т. п.

САР впервые представляет слово как некий семантический конгломерат, ориентированный на разные системы и подсистемы функционирующего языка. Здесь впервые в описании слова получена та лексико-семантическая абстракция, которую называют «словарным словом». Однако словарное слово в САР имеет существенные особенности: абстракция эта здесь расширена до охвата семантических единиц двух языков: русского и славянского. Как известно, члены Академии Российской исходили из той тео-

⁹ Словарь А. Богданова, известный в небольшом отрывке А — Армия (см.: Макаева В. Н. Неизвестный отрывок первого академического словаря русского языка. Лексикографический сборник, в. VI. М., 1963), был гнездовым толково-переводным словарем (краткие определения и французские, немецкие, латинские эквиваленты). Судить с определенностью о зависимости семантических разработок в нем от его типа вряд ли можно: в дошедшем тексте почти все слова однозначны.

рии, что славянский язык «корень языка российского»; русский язык — лишь изменившийся во времени язык славянский. Отсюда название «славяно-российский язык», которым они обозначают язык русской письменности. Но славянская лексика в Словаре представлена в таком объеме, который значительно превышал круг славянских слов (и значений), реально функционировавших в высоком и среднем слоге русской письменности.

Соответственно слово как словарная единица представляет здесь результат сложения двух семантических систем. Упомянутое выше слово *ззор*, 2-е и 3-е значение которого специальные («У артиллеристов», «У каменщиков»), первым значением имеет славянское 'стыд, посмеяние', проиллюстрированное цитатой из Библии. Из 10 значений, отмеченных для слова *глас* с его русским («современным») коррелятом *голос*, лишь в трех значениях возможно употребление полногласной формы (голос животного, птицы; голос человека; голос в собрании, при баллотировке — последнее только в полногласной форме); в трех семантических рубриках (глас лиры; глас веселия; глас природы, крови) фиксируются значения, равно используемые в русской письменности и книгах церковных; четыре значения (моление, прошение; шум; церковный напев; гром) принадлежат к собственно славянской семантической системе и проиллюстрированы примерами из книг церковных.

Установление круга значений в книжном языке строилось в САР на анализе текстового материала. Круг текстов (о их составе можно отчасти судить по спискам книг, поступавшим в распоряжение Академии Российской) был достаточно широк, чтобы зафиксировать эти значения с довольно большой (хотя и не исчерпывающей) полнотой. Первоначально текстовый материал относился почти исключительно к книгам церковным. Так, глагол *воздвигнуть* в I части Словаря, для которого отмечено здесь 9 значений и большой набор «вещаний»,¹⁰ получает свою разработку только на основе такого текстового материала. Между тем в светской письменности той поры можно обнаружить это слово во всех значениях, фиксированных в САР и проиллюстрированных текстами из Св. писания. Более того, диапазон семантических градаций этого слова в русской светской письменности даже шире, чем в книгах церковных.¹¹ Потребность в текстах светской пись-

¹⁰ *Воздвигаю.* *двигнути*. *Сл. в обыкновенном же языка употреблении. Воздвигаю. 1. Поднимаю, приподнимаю что кверху. 2. Возтавляю на ноги кого. 3. Возбуждаю кого от сна, разбужаю. 4. Сооружаю, создаю, строю. 5. Говоря о ветре, буре и проч. Привожу в движение, в стремление. 6*. Поощряю, возбуждаю, возмущаю. 7*. Врачую, исцеляю. 8*. Воскрешаю, оживляю кого. 9*. Прославляю, возвеличиваю, делаю славным, могущественным. — Воздвигнути брань. Воздвигнути душу. Воздвигнути вопль. Воздвигнути главу, рог. Воздвигнути глас. Воздвигнути гонение. Воздвигнути крамолу. Воздвигнути лик. Воздвигнути радостный клик. Воздвигнути распрю. САР¹ I.*

¹¹ Ср.: *Воздвигнуть*. Выдвинуть вперед, явить (кого-л. великого, сильного): *Едва бы кто возмог устоять пред лицом его [Карла XII] гнѣва; когда бы*

менности очень скоро стала остро ощущаться составителями. В одном из собраний Академии (23 августа 1785 г.) было принято предложение А. С. Строгонова к примерам из церковных книг прибавлять примеры из книг светских. И хотя Академия продолжала держаться мнения о «недовольном числе Российских писателей, на которых бы в таковых слов употреблении сослаться можно было» (ПЗ от 29 апреля 1788, л. 149),¹² выборки из светских писателей неуклонно расширялись.

То обстоятельство, что к анализу текстов в САР обращались не фронтально, не для всей массы слов, было одной из причин пропусков реально функционирующих значений. Другой причиной этого была известная регламентация, осуществляемая по отношению к определенным разрядам слов. В лингвистической литературе неоднократно обращались к вопросу о степени отраженности в САР слов и значений просторечных и простонародных. По отношению к ним несомненно действовал отбор, основанный в какой-то мере на мотивах классовых.

Как и при отборе слов, критерий «всеобщего употребления» применен составителями по отношению к многим специальным (научным, техническим и т. п.) значениям слов и к употреблению «местным» (областным). Но глубокий интерес членов САР к народному быту, собирание слов, относящихся к ремеслам и промыслам, были причиной включения в словарь многих народных слов и значений специального характера (народная терминология).

С этим же регулятором («всеобщее нынешнее употребление») подошли члены Академии к значениям метафорическим. Уже в «Начертании» была высказана мысль о том, что все обилие метафорических употреблений, появление которых связано с развитием идей и ростом литературы, словарь описать не может. «Как метафорическое знаменование слова не всегда столько определено и ограничено, чтобы не могло оно получить некоторого распространения по мере ума и воображения сочинительства, то из сего следует, что на Словарь строго взыскивать не можно всех знаменований и присвоений метафорических, довольно, если в нем больше употребительных» (309).

Помимо весьма справедливой оценки индивидуального языкового творчества и авторских фигуральных употреблений, члены Академии оценили и известную чужеродность метафорического

чудною божескою судьбою не был в Отецествѣ нашем против Его воздвигнут Петр-Великий. Лом. СС I 219; Восстановить: Многия княжения власти своей покорил [Иоанн I] и монархию паки воздвигнул. Тат. Ист. I 512; Поставить, возбудить (вопрос, проблему): Сей вопрос [о возникновении гор] нѣкоторые от философов воздвигли. Геогр. ген. 79; Основать, положить начало чему-л.: Его Величеством воздвигнуто так называемое Экономическое общество. Афн. 7 и некоторые другие.

¹² Протоколы Заседаний Академии Российской. Архив АН СССР. Ф. 8, оп. 1. В дальнейшем.— ПЗ, дата, лист.

строю старинных церковных книг. В протоколе заседания от 20 марта 1785 г. отмечено, что при чтении определений слов на букву А (составитель Сидоровский) «многие слова греческия в образном смысле в церковных книгах употребляемые отменены» (ПЗ, л. 67). Критерий отбора семантических единиц в САР (исключая, может быть, разряд значений просторечных) действует и поныне при составлении словарей литературного языка.

Уже проделав работу по составлению двух частей Словаря, члены Академии так определили во введении ко II части характер производимых ими над словом операций: «Определить первой и точной смысл слов, наблюдать различные тени их знаменования, выводить уклонения и прехождения в другой смысл, замечать их силу в знаменовании пословиц, поговорок и проч., сообразовать обозначения в науках, художествах, ремеслах, рукоделиях, промыслах и проч., с точным их употреблением» (САР¹ II).¹³

В этих формулировках обращает на себя внимание идея «выведения» смысловых различий слова из их «первого и точного смысла». Выше был процитирован текст из «Начертания», где о метафорических и распространенных значениях говорилось, что они относятся к прямому и собственному как «следствие и зависимость». Идея последовательного развертывания слова, когда каждое значение понимается как семантическая основа для последующих «уклонений» и «прехождений в другой смысл», а исходным пунктом всех последующих смысловых модификаций является «первый и точный смысл» слова, стоит в самой прямой зависимости от этимологического (словопроизводного) типа словаря, каким был САР¹. Она представляет преломление идеи производности в семантике. Здесь тоже речь идет о производстве, но не слов, а смыслов, «которое без размножения слов достигнуто».

Этимология была объектом самых сильных лингвистических увлечений века. И именно в этимологических штудиях зародилось внимание к семантическим «прехождениям» из смысла в смысл, которые, с одной стороны, могут совершенно затемнить первый «точный» смысл слова, но, с другой — если следовать по ним как по ступеням, позволяют обнаружить утраченный во времени, в истории первоначальный смысл, на котором только и должна строиться этимология.

В одной из известных лингвистических статей Энциклопедии Дидро—Д'Аламбера «Etymologie» было достаточно точно сформулировано отношение этимологии к семантике.¹⁴ Статья «Этимо-

¹³ Предисловие это написано секретарем Академии Российской И. Лепехиным.

¹⁴ «Все роды Тропов и Метафор превращают означение слов; фигуральный смысл мало по-малу приводит в забвение истинной смысл, и становится иногда основанием новой Фигуры, так что в продолжение слово то отнюд не отвечает первому своему знаменованию. Дабы найти следы сих перемен одних над другими, надлежит узнать обыкновенные основания всех Тропов и Метафор» (Перев. из Энцикл., 88).

логия» была замечена и переведена в России уже в 60-е годы XVIII в.

С точки зрения описания семантики система воззрений, сложившаяся в этимологических изысканиях, ценна несколькими важными методическими положениями: 1) учетом производимости одного значения из другого; 2) учетом связи между значениями одного слова как следствием такой производимости; 3) установлением того, что связи такой (при формальном подобии) не имеет и в одном «составе» не мыслится. Последнее предполагает решение вопроса о границах слова. В САР впервые возникает проблема омонимии в современном смысле этого слова.

Сама структура этимологического гнезда развела в разные «квартиры» слова, имеющие общий облик, но разное происхождение. Глаголы *Чту* 'числю' и *Чту* 'читаю' возглавили разные гнезда; глагол *чту* 'почитаю' введен в этимологическое гнездо слова *Честь* (сущ.). Одно имя действия *заплата* введено в гнездо, возглавляемое глаголом *Плачу́*, другое — введено в гнездо, возглавляемое словом *Плат*.

В САР за словарную форму глагола принято 1 л. ед. ч. наст. времени; один из основных резонансов выбора этой формы, на котором особенно настаивал И. Болтин, — частое омонимическое совпадение форм инфинитива.¹⁵

Направление словопроизводства было, как можно судить, постоянным ориентиром для составителей. Поэтому сл. *жила*, существительное общего рода, означающее 'тот, кто привык спорить в какой-либо игре', помещено вслед за глаголом *жилю* 'спорю в игре в свою пользу'; оба слова представлены как производные от первообразного существительного *Жила*, возглавляющего гнездо.¹⁶ В данном случае составителям пришлось решать вопрос о семантической структуре сл. *жила* и его границах. И он решен в пользу омонимии, а не многозначности.

То, что вопрос о границах слова вставал перед составителями, явствует не только из их словарных решений, но и из их высказываний. Так, на заседаниях неоднократно шли дебаты о народных «технических» значениях слов; их происхождение, а следовательно их семантическая связь с первичным значением слова и — более того — с самим этимологическим гнездом, далеко не всегда было ясно. Митрополит Гавриил высказал по поводу этих неясных случаев мнение, принятое членами Академии и вклю-

¹⁵ «По елику многие глаголы различной смысл в себе заключающие в настоящем времени неокончательного наклонения одинаково пишутся и произносятся; то положено, следуя мнению Ивана Никитича Болтина, ставить их в первом лице настоящего изъявительнаго». ПЗ от 30 января 1784, л. 34 об.

¹⁶ Сами члены Академии прекрасно осознавали, как много дает для решения вопросов, связанных с семантикой, этимологический тип словаря. В доводах сторонников этого типа говорилось, «что Словарь по коренным словам расположенный более объясняет свойства языка, 2) что все уклонения слов от коренного слова в другой смысл преходящие, их сила и знаменование удобнее изъяснены быть могут» (ПЗ от 30 января 1784, л. 35).

ченное затем в Предисловие к первой части: «Не меньшему затруднению в приведении под коренное слово подвержены названия, изображающие естественные или художественные произведения в России, которые даны простым народом, и суть неизвестного происхождения. По сему Академия за лучшее судила все таковыя слова оставить яко коренныя, и дать им место по порядку азбучному» (САР¹, I, предисл., XI).

Так, в качестве отдельных слов в гнезде *Баба* даны *Баба* 'птица' и *Баба* 'для битья свай'; как отдельные «коренные» слова даны *Жаба* 'лягушка' и *Жаба* 'Angina'. Слова *Рыболов* (птица), *Соня* (животное), *Масленик* (гриб), *Рыжик* (гриб) и многие другие, несмотря на прозрачность внутренней формы, вынесены за пределы не только равнозвучащих слов, но и соответствующих этимологических гнезд.

Идея генетической выводимости «уклонений» в смысле слова была причиной того, что в качестве отдельных слов (омонимов) представлены в САР¹ и такие значения, которые утратили свои семантические стыки в ходе истории, хотя этимологическая общность их несомненна. Так, в гнезде *Чиню* 'делаю, совершаю' в качестве отдельных слов даны: *Чиню* 'ветхое поправляю' и *Чиню* 'наполняю какую-нибудь пустоту'; здесь же два глагола *Чинюсь*.

В разбиении на два производных слова (в пределах одного гнезда) глаголов *Запомню* 'имею в памяти' и *Запомню* 'забуду, потеряю из памяти' помимо смысловой противоположности (энантиосемические смыслы) играли, видимо, роль и грамматические особенности глаголов. При первом дана ремарка: «в настоящем только времени употребительной». САР², который повторил почти все без изъятия омонимические разбиения САР¹, выставляет: *Запомнить*. См. *Запамятовать*; *Запомнить*. *Иметь, содержать в памяти*. Ср. также выделенное в качестве отдельного слова в гнезде на корневое слово *Несу* безличное употребление: *Несет, несло, гл. безл.*

Омонимических расчленений этимологически единого слова на основе семантической, а также грамматической или синтаксической специфики его значений в САР не так много; но сам тип омонимии такого рода присутствует здесь несомненно.

В решении вопроса об омонимии в САР основным был критерий производности. С этим связано много верных решений относящихся к омонимии производных слов и слов «коренных», этимологически гетерогенных (*Град* и *Град*, *Брак* и *Брак*, *Штоф* и *Штоф* и т. п.). Что же касается производности смыслов, то наряду с правильными решениями здесь немало допущений произвольных. На заседании от 8 мая 1787 г. обсуждалось, не следует ли «сделать различие между словами *цвѣт* (color) и *цвѣт* (flos). Такожде между словами *дерево* (lignum) и *дерево* (arbor)» (л. 119). Решен был этот вопрос на основании следующего рассуждения: в славянском языке было два слова: *шар* (color) и *цвѣт* (flos); но в русском языке *цвѣт* (color) возникло уподобительно от *цвѣт* (flos).

А поскольку семантические системы славянского и русского языка в САР принципиально совмещались, сл. *цвет* было дано в Словаре с двумя значениями. Не разделено на омонимы и сл. *древо* (*дерево*). Однако под фонетическим комплексом *пол* в САР выделено четыре слова. В критических замечаниях на Словарь известный славист И. Добровский писал об этом случае: «Слово *пол* встречается четыре раза как самостоятельное по своему значению, а именно 1) Помост, 2) Sexus, 3) Берег, сторона, 4) Половина (IV, 1461). Но только первое значение резко отличается от четвертого; второе же и третье относятся к четвертому, как иносказание к своему источнику».¹⁷

Четкого представления о границах слова требовала и принятая в словаре техника обозначения слов и значений. Первоначальным намерением составителей было по примеру Словаря Французской Академии и многих других словарей прибегнуть к технике повторения вокабулы при каждом значении многозначного слова.¹⁸ Но уже в 1786 г. секретарь Академии И. И. Лепехин предложил «слова одинакия в разных смыслах употребляемые, не в особливых ставить строках, но отличать их числами для сокращения в печати» (ПЗ от 27 января 1786, л. 83). После известного колебания члены Академии предложение приняли, и при утверждении порядка печатания 1 части было решено значения многозначных слов «не в разных писать строках, но в одном составе, разделяя разные их смыслы числами» (ПЗ от 18 сентября 1787, л. 127 об.). С тех пор вынесение вокабулы в ее словарной форме стало признаком особого, отдельного слова. Нумерация же как прием разграничения значений прочно укрепилась и в русской, и в западной лексикографии.

При новой технике факты омонимии и полисемии отграничились очень четко. Что же касается самой практики выделения омонимов, то САР (как и всякий словарь) не был строго последовательным: не хватало данных об этимологии, не были достаточно выясненными словопроизводственные отношения и направление словопроизводства, не хватало (при неполной текстовой базе) необходимых сведений обо всем наборе значений.¹⁹ Но то обстоятельство, что при составлении САР был поднят вопрос об отдель-

¹⁷ С у х о м л и н о в М. И. История Российской Академии, т. VIII, с. 192.

¹⁸ «Вслед за первообразным словом тожде самое слово, буде нужно, паки повторяется в новой строке, и распространенный смысл объясняется и примерами препровождается. . После сего то же самое слово повторяется в новой строке, и метафорический смысл его объясняется. . Буде то самое слово есть название техническое, то повторяется еще в новой строке. .» (Начертание, 311).

¹⁹ Ср. некоторые недопустимые с точки зрения принципов САР объединения значений: *Ерыга*. 1. В простонар. человек промотавшийся и в бедность пришедший. 2. Большая редкая сеть, каковыми ловят в реке Урале красную рыбу; *Гиль*. 1. Птица. *Motacilla erithacus*. 2.* и в простонародном знаменовании: вздор, пустошь, чепуха, нелепица и т. п.

ности слова и его границах и что был найден ряд очень важных и верных решений, не подлежит сомнению. САР² сохранил в основном при азбучном расположении то же выделение словарных единиц. Но при разгнездывании произошли и некоторые недопустимые с точки зрения этимологии слияния. Так, при сохранении омонимов *Заплата* и *Заплата*, в причастии *Заплаченный* были соединены значения двух разных слов: уплаченный и зачиненный. Словарь 1847 г. омонимов, как известно, не различает.

В своих наблюдениях над смысловыми «уклонениями» слова составители САР обратили внимание на ряд существенных языковых показателей полисемии и прежде всего на роль «сопряжения» слова с другими словами — на лексические и синтаксические связи слова. То, что многие современные лингвисты склонны считать одним из достижений теоретической семантики XX в., было уже предметом рассмотрения филологов XVIII в.

В заседании от 13 июня 1786 г. членами Академии было определено: «чтобы в объяснении глаголов ставить падежи лица и вещи, которыми оных управляют в разных смыслах; ибо из сего различие знаменования глаголов будет ощутительнее. Бьюся с кем, деруся, сражаюсь с кем. Бьюся обо что, на чем, ударяю сам себя обо что, повергаюсь на что и пр.» (ПЗ, л. 95 об.).

Вопрос о смысловоразличительной роли синтаксических конструкций и лексических связей поднимался не один раз. В протоколе заседания от 18 сентября 1787 г. мысль о связи смысловых различий с «сопряжением слов» высказана еще более определенно: «Как глаголы, так и имена и прочия части речи, заключающая в себе по разному их сопряжению с другими словами различный смысл, напр. возводить кого на что, вести вверх, возвышать; возводить на кого что, слагать на кого что, клеветать, не в различных писать строках, но в одном составе» (л. 127 об.).

В протоколе заседания от 16 января 1787 г. записано: «Наблюдать при существительных те глаголы, с которыми они соединяясь особой смысл составляют, и следовательно таковое существительных в другой смысл прехождение наипаче от этих глаголов зависит» (л. 113).

Исходя из этих положений, акад. С. Котельников — член объяснительного отряда, найдя неудовлетворительной статью *Играть*, перерабатывает ее, проводя, в частности, строгий учет синтаксических связей различных значений глагола: *Играю*. . 2. *Во что или чем. Играть в жмурки. Малые дети играют всем, что им в руки попадет.* 3. *На чем. Играть на скрипке.* 4. *Что. Сегодня играли комедию* и т. д.

Способы указания на синтаксические связи в САР различны; очень распространен современный способ указания на управление перед определением значения в виде падежного вопроса: *Курю*. 1. *Чем. Курить ладаном.* 2. *Что. Курить вино; Бдю*. . 3. *Над чем: храню, берегу что; Определяю*. . 3. *Кого к чему и на что, или Кому что* и т. п.

Указание на лексические связи слова реализуется в Словаре с помощью семантических уточнителей при определении. Эти уточнители ограничивают толкование сообразно объему значения и определяют ряд эквивалентов-сословов.

Ср. *Несу*. . 2.* Говоря о буре и воде: силою, движением своим влеку с собою. 3.* Относительно к должностям, обязанностям: отправляю, исполняю. 4.* В отношении к птицам: кладу яйца; *Легкий*. . 5.* Говоря о пище: удобоваряющийся, удобоваримый. 6.* В отношении к напиткам: некрепкий, нехмельный; *Волокита*. . 2. В отношении к любовным делам, имя сие есть рода мужескаго, и значит: старающийся обольстить; *Жестокий*. . 4.* Говоря о жизни: суровая, исполненная трудов; *Глохну*. . 2. В отношении к произрастениям: от тесноты, застены увядать, сохнуть начинаю; и в сем знаменовании глагол сей употребляется в третьем лице и в прошедшем совершенном имеет заглох; *Гладкий*. . 3.* Говоря о скотине: кормный, сытый, тучный. 4.* В отношении к лицу в простор. .: Дородный, казистый, полный. . 6. В отношении к слогу: ровный, плавный и т. п.

Как можно заметить, в некоторые определения (см. статьи *Волокита*, *Глохну*) введены и уточнения грамматического характера, подчеркивающие специфику реализации значения в системе языка. К уточнениям такого рода, используемым наиболее регулярно, относятся: указание на безличность значения глагола, ограничения в употреблении форм лица («только 3 л.») и времени («только в прош. и буд.»), недостаточность глагола, для имени — изменение формы рода, преимущественное использование мн. числа (в Словаре обнаруживается тенденция выносить подобные значения в отдельные статьи: *Бабки*, *Баранчики* и т. п.), указание на собирательность, переход в иную часть речи и др.

Ср. *Жаль*. 1. Жалость. 2. В виде наречия значит то же, что *Жалею*; *Блажь*. 1. Неделное дело, вздорные слова. 2. С. общ. Упрямец, своенравник, избалованное дитя; *Грызу*. . 2. Говоря особенно о раздраженных собаках и других животных глагол сей в третьем лице употребляется и значит: рву, кусаю, уязвляю кого зубами; *День*. . 4. Во множественном числе означает жизнь; течение, время жизни, век; *Кирпич*. . Иногда в виде имени собирательного единственного число означает множество кирпичей и т. п.

Внимание к фактам и условиям языковой объективации значений многозначных слов — одна из замечательных сторон Словаря Академии Российской.²⁰

²⁰ В предшествующих САР словарях указание на синтаксические связи имело место лишь в пределах минимального контекста, дифференцирующего смыслы. Ср. Лексикон треязычный: *Запинаю кого ногою*; *Запинаю кому словом* или у Нордстета: *Возбудить чей гнев*; *Возбудить кого к добродетели*. В САР эти указания обобщены до падежного вопроса. Что касается связей лексических, то минимальный контекст давал какую-либо единичную связь в качестве семантического ориентира. Семантические указания в САР обобщены и ориентированы на класс, разряд связей,

Наблюдения над структурами полисемантических слов не могли не натолкнуть составителей САР и на факты регулярной повторяемости некоторых семантических зависимостей в пределах определенных лексических групп. САР впервые в русской лексикографии отмечает факты регулярной полисемии, в основе которых лежит скрещение планов лексической и грамматической семантики. Это относится прежде всего к разработке в САР приставочных глаголов. Для их описания здесь приняты типовые словообразовательные определения, характеризующие особенности протекания глагольного действия.²¹ Типовые, обобщенно-грамматические определения получили в САР и другие разряды производных слов, характеризующиеся устойчивыми семантическими отношениями производящей основы и аффикса: имена действия (*Сжигание. Действие жнущаго и жнущих; Сжатие. Исполненное действие жавшаго или жавших; Выжимание. Действие того, кто выжимает; Выжатие. Исполненное действие выжавшаго*); имена на -ость, -ство, -ствие, -ота, -ина и др. со значением отвлеченного свойства, качества, состояния (*Жидкость. Свойство того, что жидко; Горделивость. Качество гордаго, надменнаго; Глухота. Состояние человека, лишеннаго слуха; Гнилость. Состояние вещи, посредством гниения испортившейся*); имена, обозначающие действующее лицо по действию или по качеству, свойству, состоянию (*Жатель. Тот, который жнет; Горделивец. Тот, кто гордится; Горбун. 1. Тот, кто имеет у себя горб. 2. Тот, кто иногда горбится*); имена прилагательные на -оват со значением небольшой степени свойства (*Глуповатый. Несколько глуп; Глуховатый. Несколько глух*) и др.

С большей или меньшей последовательностью выделены в САР, при разработке относительных прилагательных регулярно повторяющиеся оттенки относительности: принадлежащий кому-чему, сделанный, изготовленный из чего, состоящий из . . ., содержащий в себе . . ., свойственный кому-чему (*Железный . . . 2. Из железа сделанный; Гвоздичный . . . 2. Из гвоздики приутовленный; Глазетовый. Из газета зделанный; Голубиный. 1. Принадлежащий голубю. 2. Свойственный, приличный голубям; Глазный. Глазу принадлежащий; Гвоздичный. Гвоздике принадлежащий; Малиновый. Малине свойственный; и под.*).

Другой, обратной стороной проведенных в САР семантических обобщений на основе лексико-грамматических отношений в определенных разрядах слов было объединение однокоренных слов с разными аффиксами, но единым лексическим и типовым словообразовательным значением в одну словарную статью с общим определением (*Задвигание и Задвигивание; Удачливо и Удачно; Дѣдовство и Дѣдство; Маковица и Маковка; Переметчик и Переметник; Метелица и Метель; Маковый и Маковый*).

²¹ Об определении приставочных глаголов в САР см. ниже, с. 118—142.

В этом же плане стоит решение САР давать уменьшительные имена при положительных, имена женские при мужских, глаголы «учащательные» при простых «без всякого объяснения и примеров, исключая те случаи, когда они особое какое значение, или переносной смысл в себе заключают» (ПЗ от 18 сентября 1787, л. 127 об.).

Выделение типовых словообразовательных значений, объединение в пределах одной словарной статьи словообразовательных синонимов, разработки типовых определений для слов, объединяемых отношениями регулярной полисемии, прочно вошли в практику русской лексикографии.

Следует однако иметь в виду, что найденные решения при просмотре текста Словаря оказываются проведенными не вполне последовательно; они существуют как основная, ведущая тенденция в разработке со многими отклонениями.

Это относится и к постулируемому в «Начертании» требованию различать значения точное и распространенное, собственное и метафорическое. В САР не проведено сколько-нибудь отчетливой грани между смыслами распространенными и метафорическими. Усвоенная для указания на метафорическое значение звезда (*) часто вводит и другие виды «дальнейших» значений; типичные метафорические значения иногда не снабжаются этим знаком.

Не всегда удастся выдвинуть с достаточным основанием точный и собственный смысл слова. Это связано с отсутствием необходимых сведений по истории слова, не только далекой, но и достаточно близкой. Ср., к примеру, разработку сл. *наглый* в САР, которая показывает произошедшее к половине века перераспределение смыслов этого слова: *Наглый. 1. Нахальный, дерзкий. Наглой человек. 2.* Относительно к ветрам: сильный, бурный, стремительный.* Между тем словари и тексты (особенно первой половины века) широко отмечают истинный точный смысл прилагательного. Ср. эквиваленты к нему в Лексиконе Трезязычном: *ἀφνίδιος*, *repentinus*, *repens*, *subitus*, т. е. внезапный, неожиданный, нечаянный. С этим значением связана вся дальнейшая семантическая филиация слова.

Однако эти отклонения и частные просчеты ни в коей мере не делают менее ценными выдвинутые авторами САР семантические категории и противопоставления, получившие дальнейшее развитие в лексикографии XIX—XX вв. (проблема номинативно-производных значений и переносности).

Представление о разработке семантики многозначных слов было бы неполным без учета той особой рубрики Словаря, которую составляют так называемые «речи» или «вещания». Состав этой рубрики был неоднороден. Е. Э. Биржакова («Описание фразеологического состава русского литературного языка XVIII в. в Словаре Академии Российской 1789—1794 гг.»), анализируя виды входящих в нее выражений, наметила группы: 1) пословицы,

поговорки, присловицы, 2) терминологические сочетания, 3) фразеологические выражения, идиоматика.²²

Нам представляется, что среди «вещаний» следует выделить еще одну группу, которая отличается от вышеназванных и своими специфическими особенностями, и своей лексикографической судьбой. Среди «уклонений» смысла многозначного слова составители САР выделяли такие, которые слово получало в единичном или очень ограниченном числе контекстов. Значения слов, реализуемые в таких уникальных или жестко ограниченных контекстах (в современной лексикологии называемые обычно фразеологически связанными), демонстрировались в САР, как правило, за пределами основного корпуса значений. Описываемое слово при этом давалось вместе с контекстом, т. е. в пределах словосочетания. Толкование при подобного рода «вещаниях» падало лишь на одно слово (под которым и выделялось вещание), а не на все выражение в целом, ибо обобщенного смысла в таких сочетаниях не возникало, по своему характеру они аналитичны. Второе слово сочетания (подобные словосочетания большей частью двучленны) входило в определение в собственном виде (или — передавалось ближайшим синонимом), а иногда опускалось вообще.

Ср. Л е г к и й с о н. Сон некрепкий, неглубокий; Л е г к и й с л о г. Слог плавный, естественный; Л е г к и й в о з д у х. Чистой, хороший.

Б ь ю м а с л о. Выжимаю масло в станке; Б ь ю с в а и. Вколачиваю, колочу сваи; Б ь ю м е т а л л. Расколачиваю в листы.

Г л у х а я н о ч ь. Поздние часы ночи; Г л у х о й п е р е у л о к. Переулок из которого нет выхода; Г л у х о е о к н о. Которое не открывается или токмо для виду, для соразмерности сделано.

В о з д в и г н у т и к р а м о л у. Зделать заговор, произвести бунт; В о з д в и г н у т и р а с п р ю. Произвести несогласие, вражду; В о з д в и г н у т ь г о н е н и е. Начать притеснять, угнетать.

М е т а т ь и к р у. Говорится о рыбах. Изпускать, извергать из себя икру.

О т ь я т и б р а н ь. Прекратить войну.

Г о в о р и т ь д ѣ л о. Говорить полезное, пристойное, разумное, и т. п.

Смыслы слов, определяемые в таких контекстах, представляют собою дальнейшее развитие смыслов, фиксируемых в статьях в рубриках значений.

Выделение подобного рода «вещаний» в САР следует, видимо, ставить в связь с практикой Словаря Французской Академии (DAF). Характерная для французского языка широта значений

²² См.: Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII в. М.—Л., 1965, с. 251—271.

многих слов предполагала возможность специфической семантизации их в некоторых контекстах и построения дополнительных, особых определений, более узких по отношению к сформулированному для значения. Эти более узкие осмысления слова показывались там путем введения ряда контекстов с толкованием-переводом. Обычной формулой введения таких контекстов в рубрику значения было: *On dit (on appelle) que [контекст], pour dire [толкование-перевод]*.²³

Первоначальным намерением авторов САР было размещение подобных толкуемых словосочетаний по образцу DAF в пределах значения, с которым они семантически связаны. Именно этим аргументировали некоторые члены Академии неудобство нумерации при значениях, предложенной И. Лепехиным. Но затем, когда идея нумерации значений была принята, все подобные контексты оказались вынесенными за пределы собственно семантической разработки. Этим идея смысловой структуры слова была несколько сбита, ибо связь значений слов в уникальных контекстах с определенными филиациями семантической системы слова исчезла.

Следует заметить далее, что идея внутреннего перевода (очень сильная в САР — недаром главным средством определения здесь признаны сословы-синонимы) вызывала при подобном выделении контекстов стремление к толкованию словосочетания в целом, к установлению обобщенного смысла его. Это удавалось сделать для многих словосочетаний, так как появление обобщенного смысла даже у аналитических сочетаний — явление далеко не редкое. У определенных разрядов слов, в частности у глаголов с ослабленным лексическим значением, любое их сочетание с именем создавало перифрастическое выражение с легко формулируемым обобщенным смыслом. Значение распадалось. Единого решения для подобных случаев в САР не найдено. Так, при глаголе *Делаю* выставлено 7-е значение с формулировкой: «Впрочем глагол сей, сочиняясь с другими речениями, имеет различныя знаменования, например . .». И далее идут словосочетания с *делать*, оформленные и расположенные по типу «вещаний» и сопровождаемые толкованиями.

²³ Ср. статью из DAF (изд. 5-е) на прил. *Lâche* (знач. 1-е и 2-е). В первых двух значениях выделено 4 специфических контекста с переводом (статья дана в сокращениях).

Lâche, adj. Qui n'est pas tendu, qui n'est pas ferré comme il pourroit être. Cette corde est trop lâche. . On dit aussi, que *De la toil, du drap, ou quelque autre étoffe est lâche*, quand la trame n'est pas bien battue ae ferrée. (Ce drap est lâche. Cette toile est trop lâche). On dit, *Avoir le ventre lâche*, pour dir, *Avoir le ventre trop libre. Cela rend, cela tient le ventre lâche*.

Lâche, signifie figurément, Qui manque de vigueur ae d'activité. (Cet ouvrier est lâche au travail. Les grands chevaux sont ordinairement plus lâches que les petits.) On dit, que *Le temps est lâche*, pour dire, qu'il est vain ae mou. (Il fait un temps lâche.) On appelle figurément *Un style lâche*, un style qui n'est point ferré, qui n'a rien de nerveux, qui est languissant.

Делать кому подарок: дарить кого; Делать угрозы: грозить; Делать честь, отличие, разбор: честествовать, отличать, разбирать, давать преимущество; Делать нападение: нападать; Делать уверения: уверять кого в чем; Делать описание: описывать и т. д.

При глаголе *Принимаю* вслед за семантической разработкой помещена ремарка: «Сверх сего глагол сей сочиняется с разными существительными, разные имеет знаменования». Далее идут вещания:

Принять намерение, совет: Вознамериться, посоветовать. Принять участие: Сделаться участником; Принять в подданство, в опеку, в покровительство: Сделаться правителем, опекуном, покровителем; Принять кого в дружество: Подружиться с кем и т. п.

Среди вещаний, для которых в САР даются толкования подобного обобщенного смысла, скрываются многие типичные смысловые «уклонения» главного слова словосочетания, имеющие право на помещение их среди значений слова, тем более что связаны они зачастую и не с уникальным контекстом.

Ср.: *Делить скуку, несчастье, печаль с кем. Значит: брать участие, участвовать в несчастье, в печали.*

Поднялся, поднимается ветер, вьюга, непогодь. Начинает дуть ветер; востает буря, вьюга, непогодь; Поднимается шум, крик, вопль. Начинается, слышим бывает шум, крик, вопль.

*Отъяти понос, уничижение, укоризну, поношение. *Загладить, уничтожить, истребить.*

Выйти из употребления, из обыкновения, из обычая. Не быть уже в употреблении; Выйти из доверенности, из милости. Потерять, лишиться чьей доверенности, милости и т. п.

Среди вещаний иногда можно встретить даже изолированное слово с обобщенным синтаксическим выражением его связей. Так, среди вещаний на сл. *Умираю: Умирать за кого или за что. По прилепленности, приверженности защищать кого не щадя своей жизни.*

В последующих лексикографических трудах число «вещаний» подобного рода, выделенных в САР за пределами семантической разработки и не являющихся ни фразеологизмами в собственном смысле слова, ни сложными терминами, неуклонно сокращается. В нашем веке сформулировано положение о фразеологически связанных значениях слова, давшее теоретическое обоснование для подключения к системе слова единиц уникального контекста и отграничения их от собственно фразеологизмов.

И тем не менее, заслуга САР, в котором впервые выделены, собраны и описаны подобные языковые единицы, чрезвычайно велика. Учет пословного ограничения связей вплоть до их еди-

ничности, фиксация формирования обобщенных смыслов (элемента синтетичности) в пределах аналитических словосочетаний, развитие переносных смыслов на базе первично-обобщенных (ср. в САР два значения сочетаний *Воздвигнути глас*, *Сомкнуть глаза* и под.) и многое другое принадлежит к ценнейшим лексикологическим наблюдениям и выводам авторов САР, незаслуженно забытым.

Мы остановились в настоящей статье лишь на части вопросов, касающихся семантики и семантической разработки слова в САР. Но и эта часть позволяет, как кажется, судить о глубоком проникновении авторов этого словаря в вопросы, относящиеся к семантической структуре слова. Обилие новаторских решений, подхваченных последующей лексикографической традицией, связано прежде всего с этимологическим характером словаря. Эта форма более, чем какая-либо другая, ставила во главу угла идею развития и взаимосвязанности вытекающих друг из друга и объясняемых друг из друга языковых явлений. Она открыла перед составителями много таких сторон слова, которые в азбучном словаре могли остаться незамеченными. Сама идея рассмотрения слова на фоне всего словарного состава, единицы на фоне целого принадлежит к ценнейшим достижениям САР. «Разбирать слова вне их союза поставленные, — писали его авторы, — есть дело не токмо скучное, но и малоуспешное» (САР¹ II, предисловие). Рассмотрение явления в совокупности его связей с другими явлениями является одной из важнейших сторон истинно научного подхода к объекту изучения. Таким истинно научным подходом отличается Словарь Академии Российской — первый в цепи лексикографических трудов, имеющих право называть себя академическими.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВАРЕ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ
(ЛЕКСИКА РЕМЕСЕЛ)

Как и во всяком толковом словаре, отражающем богатство и разнообразие словарного состава, в Словаре Академии Российской (САР) зафиксировано значительное количество специальной лексики. По нашим подсчетам специальная лексика в САР составляет около семи с половиной процентов всей его лексики (примерно 3030 отдельных слов). Большая часть — это научная терминология и номенклатура — около 60% (1876 слов), лексика ремесел — около 6% (204 слова), лексика промыслов — около 9% (264 слова), остальные 25% специальной лексики в САР падают на долю промышленно-хозяйственной (торговой, финансовой, военной, морской и пр.), бытовой (кулинарной, спортивной, картежной и пр.), культовой специальной лексики.

По вопросу о том, какая специальная лексика включается в словарь, на собрании Академии были высказаны различные мнения, из которых выделяются два диаметрально противоположных суждения Фонвизина и Болтина. Фонвизин настаивал на ограничении специальной лексики в словаре, предлагал не включать в него узкоспециальные слова, не вошедшие в общее употребление и известные лишь специалистам в данной области. Болтин же, напротив, доказывал, что именно такие слова необходимо иметь в словаре, так как он является справочником, в котором отыскивается то, что неизвестно всем. Академическое собрание, обсудив этот вопрос на заседании 30 января 1784 г., встало на точку зрения Болтина и приняло решение: «Названия в науках, художествах и ремеслах употребительные, принять все без изъятия, каковыя токмо сыскаться могут. Но сии названия стараться изображать или принятыми уже российскими словами, или вновь, по правилам произведения слов сделанными, которые собирать мало по малу, ибо многие уже слова в рукоделиях, ремеслах и промыслах употребляемая, сделались известными через путешественников, от академии наук посланных. Что же касается до наук, то пригласить упражняющихся в оных членов, чтобы они всяк со своей стороны, в той науке, в которой кто упражняется, составили слова по корню российскому».¹

¹ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. VIII. СПб., 1888, с. 111—112.

Однако вскоре, поняв практическую невозможность исчерпывающего введения в словарь всей терминологии, на заседании 12 марта 1784 г. академическое собрание изменило свое решение: «Чтоб без нужды не увеличивать словарь помещением названий большей частью иностранных, внести в словарь только такие названия, учеными, художниками и ремесленниками употребляемые, которые суть прямо русские или вновь по российскому корню составленные и ясно вещи выражающие».²

В результате в САР специальная терминология ограничена в своем составе. В предисловии к первой части сказано: из словаря «исключить . . . 2) слова и речения Наук и Художеств, которые не входят в общее употребление, но единственно ученым и художникам известны, изъемя из сего однако же естественныя в России произведения, имеющие особливныя названия, которые большею частию суть народныя» (САР¹ I IX).

Следовательно, при включении в САР специального слова составители руководствовались двумя основными принципами: 1) известностью специального слова достаточно широкому кругу образованных людей, 2) русским, или «природным», его происхождением. Хотя составители САР установили общие принципы для включения всей специальной лексики в словарь, наблюдается, однако, различие в широте показа отдельных групп специальной лексики. Включение научной и технической лексики в САР производится ограниченно, особенно той терминологии, которая широким потоком притекает в русский язык из западноевропейских языков, начиная с Петровской эпохи. На этом основании не включены в САР уже известные и достаточно широко распространенные в специальной литературе термины иноязычного происхождения, в большинстве своем интернациональные. Так, например, на букву А не включены в САР вошедшие в первой трети XVIII в. специальные слова: *абордаж* (морское) — первая фиксация 1709 г., *авангард* (военное и морское) — первая фиксация 1705 г., *авиз* (финансовое и коммерческое) — первая фиксация 1729 г., *азимут* (астрономическое, геодезическое) — первая фиксация 1739 г. В середине XVIII в. вошли в русский язык следующие слова: *абсцесс* (медицинское) — первая фиксация 1761 г., *абштрих* (металлургическое) — первая фиксация 1764 г., *аврал* (морское) — первая фиксация 1767 г., в конце века — *абerrация* (астрономическое) — первая фиксация 1784 г., *аблакатировать* (садоводческое) — первая фиксация 1779 г., *азот* (химическое) — первая фиксация 1786 г. и пр.³

В ряде случаев составители САР предлагают иноязычный термин и его русский эквивалент как равноценные, так, например,

² Там же, с. 112.

³ Первую фиксацию слова берем из кн.: Б и р ж а к о в а Е. Э., В о й н о в а Л. А., К у т и н а Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Л., 1972, или из материалов КС XVIII.

в названиях наук словарь от иноязычного наименования отсылает к его русской кальке: *Аэрометрия*. См. *Воздухомерие*; *Аэрология*. Зри *Воздухословие*. Определение науки может даваться при обоих названиях: *Травоведство*. Наука располагать и распознавать произрастения по отличительным их знакам и свойствам, иначе Греческим словом называется ботаника; *Ботаника*. Травоведство. Наука предлагающая о растениях, их разделении, отличительных знаках и свойствах; *Арифметика*. Наука о числах и употреблении их в общежитии; *Числословие*. Наука о числах. Следует заметить, что все эти иноязычные названия наук в русской специальной литературе XVIII в. широко распространены как термины.

Что же касается лексики ремесел и промыслов, то с ней в САР дело обстояло несколько иначе. Так как в подавляющем большинстве это исконно русские слова, составители САР стремились как можно полнее представить их в словаре, в особенности народные названия. Терминология ремесел хотя и составляет сравнительно небольшую часть специальной лексики (264 отдельные лексемы и 206 специальных значений общелитературных слов), однако является для него весьма существенной в этом плане. Необходимо заметить, что этот разряд лексики в процессе составления словаря и его переиздания (САР²) пополнялся. При сравнении состава ремесленной лексики САР¹, САР² с Аналогическими таблицами, представляющими собой предварительный словник САР¹ на буквы А—Д, мы не нашли ни одной лексемы, зафиксированной в Аналогических таблицах, которая не была бы включена в САР. Но в САР добавлены термины ремесла, отсутствующие в Аналогических таблицах, например сл. *воронь* (при наличии в обоих словниках *воронить* и *воронило*), *ворсильня*, *ворсовальня*, а в САР² еще *ворсочник* (при наличии *ворса* и *ворсить*), добавлены *варовина* (сапожное) и в САР² *жучки* (типографское) и др.

Добавлены в САР некоторые специальные значения общелитературных слов. Обычно в Аналогических таблицах в том случае, когда общелитературное слово имеет специальное значение, этот факт отмечается кратким указанием, например:

<i>Бель</i> . . пряжа.	<i>Вар</i> . . кипяток.	<i>Подбор</i> .
<i>Бель</i> . . болезнь.	<i>Вар</i> . . смола.	<i>Подбор</i> . . У каблучков.
	<i>Вар</i> . . зной.	

Следовательно, в тех случаях, когда таких указаний нет, можно считать, что специальное значение слова в Аналогических таблицах не учтено, как например: *Гусак*. . у скотов внутренности горло с печенью и с легким. *Гусак*. Самец у гусей. В САР¹ прибавлено специальное значение: У каменщиков. . Прибавлены также специальные строительные значения у таких слов, как *замок*, *ключ*, *коза*, *квасы*, *обрез*, *пята*, *подливка*, *сок*,

специальное значение, принятое у сапожников, у слова *нога* и др.

Рассмотрим более подробно ремесленную лексику, входящую в состав САР. В большинстве своем это терминология старых кустарных ремесел, базирующаяся на исконно русских лексических единицах, оформленных по моделям литературного языка или диалектов.

Материалами для САР послужили слова, извлеченные не только из предшествующих словарей, но и из книг, содержащих специальную лексику: Крашенинникова «Описание земли Камчатки»,⁴ Путешествий Палласа,⁵ Гмелина,⁶ «Совершенного егеря»,⁷ а также лексика, собранная во время экспедиций Лепехина, Озерецковского, Соколова и др.

Среди лексики, отмеченной в САР как специальная, представлена терминология кожевенная, ткацкая, кузнечная, портняжная, сапожная, канатного, бондарного, токарного дела, винокуренения, пивоварения, металлообработки, строительного дела, в которую включаем как собственно строительную, так и плотничью, столярную, каменщиков, печников, кровельщиков, штукатуров, стекольщиков. Всем этим кустарным промыслам была свойственна примитивная ручная техника, отсюда и небогатый выбор слов, называющих:

I. Основные орудия труда

Кузнечные: *Балда*. Большой кузнечный молот; *Жегало* или *жегло*. Орудие железное, коим кузнецы прожигают дыры на дереве; *Зубило*. Род долота, коим рассекают железо и другие металлы и вырубает.

Портняжные: *Болвашек*. Колодка, на которой расколачивают и утюжат швы.

Сапожные: *Набойное шило*. То, коим набивают дыры на каблуках сапог и башмаков; *Нога*. Древко на подобие человеческой ноги вытесанное, на котором расправляют и чистят сапоги.

В канатном деле: *Спускальный станок*. Столбы, на которых спускают канаты.

Металлообработывающие: *Воронило*. Орудие, которым воронят железо.

Книгопечатные: *Верстат*. Орудие медное или железное, в книгопечатнях употребляемое, делаемое полуящич-

⁴ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. I—III, СПб., 1755.

⁵ Паллас П. С. Описание растений Российского государства. Ч. I. СПб., 1786.

⁶ Гмелин К. Ф. Путешествие по России. Т. I—II. СПб., 1771—1772.

⁷ Левшин В. А. Совершенный егерь. СПб., 1779.

ком, у коего с одного конца находится припаянная бляшка, а с другого бляшка же подвижная на пятке с винтом; в сей полуящичек набирают буквы, и помощью винта определяют длину строк; *Вешалка*. Деревянное орудие в виде рогатого костыля, которым вешают отпечатанные листы на веревки для просушки.

Ткацкие: *Кросны*. Станы, на которых ткут холсты и ткани; *Ворсильня*. Орудие наподобие скребницы, которым поднимают ворс у тканей; *Веретено*. Орудие, на которое пряжи навивают пряжу; *Гребенка*. Деревянное орудие с длинными и острыми зубьями, так же с рукояткою, которым расчесывают лен или мычки для пряжи; *Вьюрок*. Небольшое орудие деревянное, имеющее с обоих концов дыры в бок входящие, в которые вдевается нитка, служит к наматыванию ниток на вьюшку и к расправлению закрутин.

Плотницкие: *Пазник*. Род плоского, закривленного долота с обухом, насаженного на рукоятку, и употребляемый для пажения, делания пазов.

Столярные: *Драчь*. Струг с двумя ручками; *Ерунок*. Орудие у столярей, показывающее половину прямого угла; *Зубарь*. Род струга.

Каменщиков и печников: *Кирка*. Орудие железное наподобие молотка, с обоих концов заостренного, которым тешут кирпичи и камень; *Ворба*. Орудие для очерчивания круга; *Правило*. Брусок, при помощи которого ведут стены прямо; *Коза*. У каменщиков так называется род носилок, на которых они носят кирпич на плечах.

Штукатуров: *Мастерская лопатка*. Железная треугольная лопатка с выгнутою рукою, которою каменщики и штукатуры работают.

Стекольщиков: *Крензель*. Алмаз для резки стекол.

II. Материалы, применяемые при обработке

Укожевников: *Какша*. Раствор воды с собачьим пометом, употребляемый на кожевнях для согнания шерсти с выделяемых кож; *Квасы*. Квас, сделанный из пшеничных отрубей или овсяной муки и овчины для смягчения мяздры.

Всапожном деле: *Воровина*. Тонкая смоляная веревка, дратва, конец; *Вар*. Смола с воском для натирания верви или концов; *Подбор*. Каблук, составленный из кожных обрезков.

В книгопечатании: *Гарт*. Состав из свинца, железа и сурьмы, из которого лют буквы.

В строительном деле: *Сок*. Известка разведенная на стене для буту; *Подливка*. Жидко разведенная известь.

III. Процессы и действия

У кожевников: *Дубить*. Выделывать посредством дубовой или ивовой коры. *Выделывать кожи*. Сырые кожи путем обработки делать годными для употребления; *Выцветать*. Изменить цвет (особенно собольих шкур).

В ткацком деле: *Ворсить*. Поднимать ворс, чтобы закрыть ряды утка и основы; *Сновать*. Делать основу ткани.

В кузнечном деле: *Наваривать*. Железному попортившемуся орудию посредствомковки прибавлять железа, чтобы онопрежний вид получило; *Приваривать*. Прибавлять к чему посредствомковки кусок железа; *Переваривать*. Железную какую вещь снова сваривать, соединять посредствомковки; *Заклепывать*. Сплющивать просунутый, пробитый сквозь что конец металлического прута или гвоздя, делая как бы другую с противной стороны шляпку.

Портняжные: *Сажать* или *Насаживать*. Пришивать пуговицы на платье; *Подметывать*. Подстегивать, подшивать что на живую нитку; *Каймить*. Подшив верх подкладки, прошивать кайму несколько отступя от края, дабы подкладка лежала плотнее у платья; *Метать петли*. Обшивать гарусом, шелком и проч. края у прорезов, в которые продеваются пуговицы.

У сапожников: *Расколачивать*. Обувь узко сшитую направля на колодку или на деревянное правило чрез заколачивание клиньев просторнее делать; *Подметывать*. Подшивать к старым передам обуви новые подошвы.

У мясников: *Обряжать*. Очищать тушу убитого животного.

У бондарей: *Нагонять*. Обруч или кольцо натягивать, наколачивать на что.

В винокурении: *Выгонять*. Добывать вино посредствомгонки через куб; *Двоить*. Посредством вторичнойгонки очищать вино, водку, делать крепче; *Сидеть вино*. Курить вино. *Запускать*. Класть закваску, дрожжи.

Токарные: *Перетачивать*. Сызнова в станке или все что было вытачивать.

Металлообработывающие: *Волочить*. Вытягивать в нить, в проволоку.

В книгопечатании: *Верстать*. Раскладывать набор букв так, чтобы на каждой странице вышло равное количество строк; *Выбирать*. Исправлять в наборе замеченные ошибки; *Вытиснять*. Изображать посредством тиснения; *Вытисняться*. Тиснением изображаться; *Выпечатываться*. Стираться, портиться от многократного печатания. *Набирать*. В надлежащий порядок приводить буквы к тиснению; *Тередорить*. Печатать, тиснить.

У ш т у к а т у р о в: *Подмазывать*. Прилеплять известкой или алебастром раствор к чему либо; *Решетить*. Прибивать дранички на потолок, на деревянную стену вдоль и поперек для подмазки.

У п е ч н и к о в: *Разделявать*. Делать окладку около трубы в том месте, где она сквозь потолок проходит.

У к а м е н щ и к о в: *Обрезать стену*. Вывести стену верхнего жилья тонее нижней, сделав на кирпич или на полкирипча уступ; *Отчаливать*. Отвязывать, отнимать причал, веревку, показывающую прямую строящейся стены черту; *Воробить*. Посредством воробы очерчивать, измерять круг.

В с т о л я р н о м и т о к а р н о м д е л е: *Оболванить*. Обделывать, обтесывать начерно.

У п л о т н и к о в: *Пригонять*. Прилаживать так, чтобы приходилось плотно; *Перебирать*. Перегораживать, делать перегородку; *Прирубать*. Посредством рубки одно бревно к другому прилаживать.

Наиболее богато представлена в САР лексика с т р о и т е л ь н о г о д е л а, которую часто трудно отграничить от терминологии а р х и т е к т у р ы. Нет четкости в их разграничении и в САР. Например, термин *крестовый свод* имеет помету: «Речение зодческое», а *котельный свод* и *коробовый свод* — «речение каменщиков». Или: *сводить*: «в строении», а *палубить*: «в зодчестве». Особенно часто смешиваются строительное и архитектурное при названиях частей строения. Условно можно принять как относящиеся к строительному делу только части сооружений, являющиеся конструктивными, элементы же декоративные, украшения отнести к архитектуре (например: *балкон, валик, выкрутны, дуга, гирлянд, капельки, репей* и пр.). Итак, в САР находим:

IV. Названия частей строений

Бут. Подошва делаемая из булыжника, плиты, щебня и заливаемая растворенной известью для утверждения на оной основания какого-нибудь здания; *Цоколь*. Основание здания каменного, выведенное из земли и состоящее из твердого и обтесанного камня; *Пята*. Испод основания или первые ряды камня на своде; *Венец*. В деревянном строении: каждый ряд бревен, составляющих высоту стен или сруба.

Архитрав. Брус, положенный сверх столбов, соединяющих оные; *Переволочина*. Называется переклад или брус под потолком; *Пролежень*. Толстые бревна или брусья, одно с другим концами в зубец или шипец сплачиваемые, полагаемые по внешним стенам каменного или деревянного строения для утверждения на них стропил и связываемые поперек брусьями, легелями; *Легель*. Бревно или брус, положенные на строениях под стропилом поперек для связывания замком продольных

пролежней, дабы оных стропилами не расширило; **Шелом**. Верхний кровельный брус на двускатной кровле с низу желобом, к верху острым ребром, к которому прикрепляются верхние концы досок или драниц; **Нижник**. В плотничьей работе называется нижний брус под какую-нибудь обвязку в строении положенный; **Балка**. В плотничьей работе называется брус, укрепленный концами в две стороны внутрь строения, на который настилается пол или потолок; **Матица**. Деревянный брус или переклад, положенный в строении для поддержания потолочной настилки; **Спонка**. Планка поперек скрепа сплоченных досок на двери или на что другое приготовленных; **Подборка**. Короткие доски в пазы балок половых или потолочных вводимые; **Лежень**. Брус деревянный, каковые кладутся лежа под основание стен в каменном строении; **Окатник**. У плотников называется столбик с округленною головкою; **Обрез**. У каменщиков называется уступ на стене, после которого она кладется в верх тонее; **Щипец**. У каменщиков треугольником выведенная стенка с боков кровли на верху; **Шельга**. У каменщиков так называется плоскость верхнего свода; **Переборка**. У плотников: перегородка или стенка внутри здания делаемая из досок.

V. Виды строительных работ

Штукатура и **штукатурка**. Вид работы, состоящей в обмазывании у каменных зданий стен раствором из извести или жженого алебаstra и части песку составленным, и в глажении оных; **Брызг**. Когда штукатуры прежде подмазки известью стены, набрызгивают оную с кисти водою.

VI. Названия строительных процессов

Выводить. Строить, возвышать здание; **Замыкать**. Свод закреплять; **Сводить**. В строении смыкать, совокуплять одну вещь с другой, чтобы вышел из сего покров; **Связывать**. О строении: посредством железа или замка скреплять, соединять; **Палубить**. Делать настилку на кружалах для сведения свода.

VII. Некоторые другие термины строительного дела

Крестовый свод. Потолок, основанный или утвержденный на углах, иначе называемый стрельчатый свод; **Корововый свод**. Потолок каменный, утвержденный на двух противулежащих стенах; **Котельный свод**. Свод во всех стенах сведенный; **Перемычка**. Свод дугою делаемый в каменных строениях; **Ключ свода**. Так называется камень в самой середине или верху свода; **Замок**. Кирпич или камень клином обтесанный, коим в середине скрепляется свод или дуга; **Связь**. Железная

или деревянная скрепка, полагаемая в строении для твердого соединения; **Зазор**. Промежуток между стеною и причалкою. **Просвет**. Полость, пространство, где оконница занимает место; **Понос**. Некоторое искривление в строении, кривизна; **Шов**. У столярей: место, где вещи склеены. У каменщиков: подлив, который кладется между кирпичами для скрепления оных; **Закрый**. . выемка, каковыя на ребрах у досок и пластин делаются или выпаживаются для лучшего сплачивания их ребро на ребро; **Калёвка**. Так называется разными стругами продороженная тяга; **Отмет**. У кровельщиков называется отворотное колено, делаемое внизу водотечных труб для отведения воды от стен; **Разделка**. У печников так называется около трубы окладенный слой кирпича для предосторожности, чтобы деревянный потолок не мог от трубы загореться; **Гусак**. У каменщиков: от подобия называется кирпич излучисто вытесанный; **В лапу**. Говорится о деревянном строении, которого углы скреплены не полукругом, но плоскими шипами с вырубками.

Как уже отмечалось, по своему происхождению термины ремесла, помещенные в САР, в подавляющем большинстве являются словами исконно русскими. Лишь в некоторых ремеслах находим небольшое количество заимствованных терминов. В САР помещены несколько иноязычных терминов строительного дела, что объясняется социально-историческими причинами. Строительное дело, являющееся областью техники, тесно связано с архитектурой, которая будучи областью искусства, имеет отношение и к технике. Часто одни и те же термины обслуживают как ту, так и другую область. В связи с бурным расцветом итальянского искусства эпохи Возрождения, итальянский язык становится источником, из которого другие языки черпали термины искусства, в том числе и архитектуры. Русский язык также не остался чужд этому явлению. В XVIII в. в русском языке появились из итальянского языка такие термины, как *штукатурка*, *штукатурить*, *цоколь*, *архитрав*, *бут*. Из немецкого языка — *балка*, *легель*. В книгопечатном деле имеются термины немецкого происхождения: *корректор*, *корректурa*, *формат*, *верстат*, *гарт*, из итальянского — *тередорить*, *тередорищик*.

По своему морфологическому составу основная масса ремесленной лексики представляет собой производные образования от русских (или шире — славянских) основ. В названиях орудий, сырья, деталей преобладают суффиксальные образования: а) от именных основ — *зубило*, *зубарь*, *железко*, *болвашек*, *варовик*, *другак*, *нижник* и пр., б) от глагольных основ — *жегало*, *резник*, *лежень*, *правилье*, *тесла* и пр. Очень распространены в ремесленной терминологии отглагольные существительные не только со значением процесса или действия, но и со значением результата действия. Это могут быть бессуффиксальные существительные,

например: **Обрез.** У каменщиков: уступ на стене, после которого она кладется в верх тонее; **Закрой.** Плотничье: выемка, каковые на ребрах досок и пластин делаются; **Завод.** В книгопечатне: известное количество книг, печатаемых одним набором, также сгиб; **Спуск.** В канатном деле.; **Отмет.** — у кровельщиков; **Просвет.** строительное; **Зазор.** у каменщиков. Встречаются отглагольные существительные с суффиксом -к-: переборка, перегородка, подборка, подливка, выгонка, калевка, разделка, закладка, перемычка и др.

Некоторое количество ремесленной терминологии представляет собой названия, перенесенные из общенародного языка по смежности или по сходству, например такие, как: **Коза.** У каменщиков: так называется род носилок, на которых они носят кирпичи на плечах; **Гусак.** У каменщиков: от подобия называется кирпич излучисто вытесанный; **Замок.** У каменщиков: кирпич или камень клином обтесанный, коим в середине скрепляется свод или дуга; **Пальцы.** У каменщиков: перекладина в подмостках, коих один конец в стену вкладывается, а другой остается в лесах; а также пята, сок, кулак (у каменщиков), венец (строительное), гребенка (прядельное), нога (сапожное), жучки (в книгопечатании).

Из глагольной специальной лексики в ремесленной терминологии преобладают префиксально-суффиксальные образования, например: **Выбирать.** В книгопечатании: замеченные погрешности, ошибки в наборе исправлять; **Запускать.** В пивоварении: класть закваску, дрожжи в пивной затор; **Прирубать.** У плотников: посредством рубки одно бревно к другому прилаживать. См. также вытеснять (у печатников), набирать, выпечатываться (в книгопечатании), перетачивать (токарное), выгонять, выдвигать, затирать (винокурное), наганивать (бондарное), подметывать (сапожное, портняжное), проваривать, расколачивать (сапожное), выбирать, насаживать (портняжное), выделять, выцветить (кожевенное), разделявать (у печников), пригонять (столярное), отбивать (плотницкое, малярное), подмазывать (штукатурное), отчаливать (у каменщиков), оболванивать (токарное), перебирать (плотничье), выводить, замыкать, связывать, сводить (строительное).

В некоторых специальных областях используется одна и та же основа с различными аффиксами, как например: в кузнечном деле **Наваривать.** Посредствомковки приковывать к поврежденному железному орудию потребную часть; **Переваривать:** Железную какую-либо вещь снова сварить; **Приваривать.** Ковкой прибавлять к чему-либо кусок железа.

Иногда специальные глаголы образуются от именных основ тех существительных, которые являются или средством, при помощи которого производится обработка (**Дубить.** Выделять посредством дубовой коры), или орудием, посредством которого что-либо обрабатывается (**Воробить.** Очерчивать,

измерять воробой), или признаком, который служит образцом при обработке (*Воронить*. Делать вороним; *Сновать*. Делать основу ткани).

В ряде случаев в качестве терминологии выступают общенародные значения слов, которые несколько специализировались, например: *Двоить*. В винокурении: вторично перегонять; *Волочить*. В металлообработке: тянуть в нить, в проволоку; *Каймить*. У портных: подшивши верх подкладкою, прошивать кайму; *Пускать*. У портных: кроить, отмерять.

Иногда такие специализированные значения реализуются только в определенных словосочетаниях, например *сидеть* (вино), *ковырять* (лапти), *метать* (петли), *сажать* (пуговицы).

Наряду с лексемами, которые используются только в одном каком-нибудь ремесле (*кросны*, *потяг*, *воронь*, *ошкур*, *мостовье*), в САР встречаются случаи, когда одна и та же лексема используется в различных специальных сферах, например, сл. *правило* имеет четыре значения, которые относятся к разным специальным областям: 1) в математике — *орудие математическое*, 2) в строительном деле — *брусек, при помощи которого ведут стены прямо*, 3) в судоходстве — *руль, кормило у некоторых судов*, 4) охотничье — *хвост собаки*.

В ряде случаев слово литературного языка приобретает несколько специальных значений, в основе которых лежит один из основных признаков общенародного слова, получивший специальную конкретизацию. Например, у слова *сок*, имеющего в литературном языке значение 'жидкость, содержащаяся в чем-либо', имеем два специальных значения, относящиеся к науке (ботанике и зоологии), одно — к области металлургии: *окалина, огарки, части, в стекло превратившиеся при плавлении руд иковки металла*, и одно — к области строительного дела: *известка, разведенная на стене для буту*. Во всех специальных значениях реализована идея жидкого состояния. У слова *косяк* имеется два комплекса специальных значений, в основу первого положен признак покоса, косины чего-либо. Этот признак реализуется в следующих специальных значениях: 1) строительное — *брус, столб деревянный у окна или у дверей, у коих верх и низ наискось стесаны*, 2) строительное — *кирпич, наискось срубленный*, 3) судоходное — *доска или сходня сверху вниз положенная*. В основе второго комплекса специальных значений содержится идея части чего-либо: 4) в колесном деле — *часть составного обода колесного*, 5) торговое — *кусок какой-либо шелковой ткани*, 6) коневодческое — *известное число лошадей*, 7) у мясников — *часть мяса*.

Рассмотрев ремесленную лексику, зафиксированную в Словаре Академии Российской, можно заметить, что она охватывает множество различных ремесел (мы насчитали их более 20). Специальную сферу употребления этих лексем САР отмечает или соответствующей пометой (например: *плотничье, речение зодческое*,

у мясников и др.), или способом толкования (например: *Шелыга*. У каменщиков так называется плоскость верхнего свода, и др.).

Хотя лексика каждого из ремесел не исчерпывающе представлена в САР, все же она дает возможность судить о ее характере. Основная особенность этой лексики выражается в том, что она тесно связана с лексикой общенародного языка, так как сами ремесла обслуживали повседневные, бытовые нужды. Это еще не терминология в строгом смысле слова (исключение составляет терминология строительная и книгопечатная), так как ни внутри каждой отдельной отрасли ремесла, ни в своей совокупности эта лексика не представляет терминологическую систему.

ЛОКАЛИЗМЫ В СЛОВАРЕ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ

XVIII в. представляет собой один из существенных этапов в формировании русского литературного языка. В этот период происходит окончательное исчезновение литературного двуязычия, существовавшего с момента возникновения русской письменности. Уже к концу первой трети века книжно-славянский язык перестает функционировать как письменный литературный язык широкого назначения и остается в употреблении лишь в узкой сфере церковного богослужения. Единственным литературным письменным языком становится восточно-славянский в своей основе русский язык, который претерпевает в этот период значительные изменения. С конца XVII—начала XVIII в. существенно активизируется его использование во всех сферах общественной, государственной, научной и культурной жизни, в связи с чем происходит дальнейшее формирование существовавших ранее и развитие новых функциональных стилей языка — делового, дипломатического, газетно- и философско-публицистического, языка литературы с его жанрово-стилистическими различиями и др. Ведущим процессом внутреннего развития литературного языка остается основная тенденция, характерная для него на всех этапах исторического развития — адаптация письменным литературным языком особенностей разговорного языка, приводящая к взаимному обогащению и сближению письменной и устной форм речи.¹

Влияние устной речи на письменную прежде всего проявляется в лексике: в литературный письменный язык (в разной степени в зависимости от сферы его функционирования) вовлекаются слова, бытовавшие преимущественно в устной речи — нейтральные разговорные (в том числе большое количество обозна-

¹ По вопросу об истоках и характере развития русского литературного языка в научной литературе существует ряд точек зрения (А. А. Шахматова, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова, Ф. П. Филина и др.). Автору статьи наиболее близка концепция Ф. П. Филина, в частности положение о том, что «определяющей основой современного русского литературного языка является русская народная речь» («Об истоках русского литературного языка». — ВЯ 1974, № 3, с. 13). См. также: Ф и л и н Ф. П. 1) О языке деловой письменности в Древней Руси. — В кн.: Вопросы филологии. М., 1974; 2) О свойствах и границах литературного языка. — ВЯ, 1975, № 6.

чающих предметы и явления быта), слова городского просторечия, социальных низов города и деревни, сохраняющие в письменном литературном языке стилистически сниженную окраску, слова, территориально ограниченные по распространению, не имеющие эквивалентов в общем литературном употреблении, и под.

Результаты этого процесса, особенно активно протекавшего в XVIII в., получили отражение в замечательной сокровищнице русского языка XVIII в. Словаре Академии Российской (САР¹ — 1789—1794 гг.) и его втором издании (САР² — 1806—1822 гг.).

Из указанного круга лексики предметом рассмотрения в данной статье являются *локализмы* — слова территориально ограниченные по распространению, вошедшие в литературный язык в результате его взаимодействия с диалектами, народно-разговорной речью и местной специальной терминологией. Большая часть этих слов сопровождается в САР указаниями на место употребления — «На Волге», «На Урале», «На волжских учугах», «В Поморье», «На Белом море», «Около Пензы», «В Сибири» и под.²

Как свидетельствуют материалы Картотеки Словаря русского языка XVIII в. (КС XVIII), эти слова особенно широко представлены в записках путешествий второй половины XVIII в., а для большей части локализмов записки явились теми литературными источниками, в которых они получили первую фиксацию в письменной речи. И это не случайно, так как изучение этой лексики в основном осуществлялось во время многочисленных путешествий, как называли тогда научные экспедиции, совершавшиеся в разные районы России Академией наук и частными лицами.

В век просвещения и расцвета естественных наук эти экспедиции предпринимались с широкими научными целями — для изучения животного и растительного мира, полезных ископаемых, различных промыслов, материальной, духовной и культурной жизни народов, населяющих Россию, для проведения астрологических, географических, геодезических и подобных наблюдений. Проведение таких экспедиций составляло одну из основных задач Академии. В них принимали участие специалисты по естественным наукам, в соответствии с духом времени энциклопедически образованные ученые, не только хорошо знавшие классические и европейские языки, русский язык и литературу, но и проявлявшие живой интерес к вопросам развития отечественного языка, его диалектов.³

² В составе этой лексической группы в статье рассматриваются также слова, аналогичные данным, не имеющие в толкованиях таких указаний (как правило, если источником их включения в САР послужили записки путешествий).

³ Одна из записей диалектных слов была сделана участником экспедиции Иоганна-Георга Гмелина студентом Академии наук Ильей Яхонтовым.

Наряду с академиками в экспедициях участвовали будущие ученые — студенты Академии и Академической гимназии. В дальнейшем многие из участников экспедиций вошли в состав созданной в 1783 г. Российской Академии и участвовали в создании САР.

Материалы научных экспедиций публиковались в виде путевых записок, а также множества разного рода научных и научно-популярных статей в специальных журналах Академии наук и журналах, имевших более широкое назначение — «Ежемесячных научных сочинениях», «Трудах Вольного экономического общества», в «Технологическом журнале», исторических и географических месяцесловах и др. В этих трудах впервые получила отражение мало известная до тех пор часть лексики русского языка — номенклатура местных промыслов, предметов обихода, названий местных реалий и под.

Одним из самых значительных произведений в ряду записок путешествий XVIII в. и по научным достоинствам, и по языку является двухтомный труд Степана Крашенинникова, участника Северной экспедиции 1733—1743 гг.,⁴ в то время студента, а затем профессора ботаники Академии наук, «Описание земли Камчатки» (СПб., 1755).

Обширный научный материал по географии, ботанике, зоологии, этнографии содержится в сочинении академика Петра-Симона Палласа «Reise durch verschiedene Provinzen des Rußischen Reichs» (Th. I—III. SPb., 1771—1776), русский перевод — «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (СПб., 1773—1778). Он был собран во время Физической экспедиции, предпринятой Палласом в 1768—1774 гг. в районы Нижнего Поволжья, Прикаспийской низменности, Среднего и Южного Урала, Южной Сибири (Алтай, Байкал, Забайкалье). Значительный вклад в создание русского варианта капитального труда П.-С. Палласа вложили известные ученые и переводчики. Многие его страницы были написаны академиками, членами Российской Академии Н. П. Соколовым⁵ и В. Ф. Зуевым,⁶ участвовавшими в этой экспедиции в бытность свою студентами. В переводе «Путешествия» приняли участие опытный перевод-

(См. об этой записи в работе: Панов В. М. Сборник областных слов И. Яхонтова и И. Г. Гмелина. — Труды научн. конф. Кемеровск. пед. ин-та, 1956, в. 1). П.⁴ Б. Иноходцев сообщил Российской Академии «областные слова, собранные им во время его путешествия» (Сухомлинов М. И. История Российской Академии. В. 3. — Сб. ОРЯС, т. XVI. СПб., 1877, с. 243). Записи диалектных слов содержатся также в материалах путешествий И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецковского и др.

⁴ В состав этой экспедиции входили академики Иоганн-Георг Гмелин, Миллер и Делиль де ля Кройер.

⁵ Сухомлинов М. И. История Российской Академии, в. 3, с. 357.

⁶ В. Ф. Зуеву принадлежит описание поездки к берегам Северного Ледовитого океана, включенное в III часть «Путешествия». См.: Сводный каталог русской книги XVIII века. 1725—1800. Т. II. М., 1964, с. 387.

чик С. И. Волков, блестящие знатоки русского языка Ф. О. Туманский и В. Ф. Зуев, считавшийся также, по общему мнению академиков, «первейшим в российском штиле», и др.⁷ Поэтому написанный первоначально по-немецки этот труд в переводе представляет собой ценнейший источник для изучения русского языка.

Позднее В. Ф. Зуев после годового путешествия по России опубликовал «Путешественные записки Василья Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году» (СПб., 1787).

Видное место не только в ряду произведений этого жанра, но и в истории науки и литературы XVIII в., занимают «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства» (4 части, СПб., 1771, 1772, 1780, 1805). В них содержатся обширные сведения о животном и растительном мире, многие представители которого были открыты ученым во время этого путешествия, о минеральных богатствах России, ее хозяйстве, промышленности, промыслах и т. д., собранные автором во время экспедиции, в ходе которой он посетил «множество городов, сел и деревень на пространстве между Белым и Каспийским морями, между Уралом и Волгою по всему ее течению, от Сибири до Белоруссии и от Астрахани до Архангельска».⁸

В этой экспедиции И. И. Лепехина сопровождали студенты Академической гимназии будущие члены Академии наук и Российской Академии Т. С. Мальгин и Н. Я. Озерецковский, совершивший впоследствии еще две научные экспедиции — в 1785 г. по озерам Ладожскому и Онежскому, а в 1805 г. — к верховьям Волги и на озеро Селигер. Его путевые записки «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому» (СПб., 1792) и «Путешествие на озеро Селигер» (СПб., 1817), содержат наряду с другими сведениями и ряд замечаний об особенностях местной лексики.

Длительное время в поездках по России провел будущий член Российской Академии, один из самых активных составителей САР обоих изданий, профессор математики, академик П. Б. Иноходцев.⁹

В книге «Путешествие по России для исследования трех царств естества» (перевод с немецкого, т. I—III. СПб., 1771, 1777, 1785) представлены материалы Прикаспийской экспедиции 1768—1774 гг. члена Академии Самуила-Готлиба Гмелина.

⁷ О переводчиках «Путешествия» Палласа см.: Сводный каталог русской книги XVIII века, т. II, с. 386—387.

⁸ Сухомлинов М. И. История Российской Академии, в. 2. — Сб. ОРЯС, т. XIV, СПб., 1875, с. 249.

⁹ С 1769 по 1771 г. он проводил астрономические наблюдения в г. Гурьеве и районах Нижней Волги. С 1771 г. занимался геодезическими работами в районе Волго-Донского канала. С 1781 по 1785 г. находился в составе географической экспедиции Академии наук, определявшей широту ряда городов центральной, южной и северо-западной России (см.: Сухомлинов М. И. История Российской Академии, в. 3, с. 191—201).

Ценным источником изучения лексики русского языка XVIII в. явились труды первого члена-корреспондента Академии наук П. И. Рычкова, в частности, его «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии» (2 тома, СПб., 1762), а также работы его сына, адъюнкта Академии наук, Н. П. Рычкова «Журнал или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году» (СПб., 1770—1772) и «Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргис-Кайсацкой степе в 1771 г.» (СПб., 1772).

К 1783 г., когда Российская Академия приступила к созданию словаря, большое количество записок путешествий и других материалов экспедиции было уже опубликовано и получило известность. Круг произведений этого нового для русской литературы жанра и представленная в нем лексика были хорошо известны составителям САР, многие из которых являлись участниками экспедиций и авторами путевых записок, их издателями или переводчиками.¹⁰ Эти труды привлекали их внимание как источник живого народного языка, изучение которого составляло одну из основных задач Академии. Особый интерес к этому жанру, возможно, отчасти был обусловлен и теоретической позицией членов Российской Академии, разделявших взгляды пуристически настроенной части общества.¹¹ Выступая против новых заимствований и за их исключение из употребления, они стремились противопоставить потоку иностранных слов, хлынувших в язык в XVIII в., лексическое богатство живого русского языка, широко представленного в записках путешествий. И хотя указанная лексика в соответствии с общими правилами отбора слов и включалась в словарь с большими ограничениями, она заняла в общем составе словника значительное место.¹²

¹⁰ Так, член Российской Академии А. П. Протасов после смерти И. И. Лепехина издал III и IV тома его «Путешествия»; как отмечалось выше, В. Ф. Зуев перевел на русский язык III часть «Путешествия» П.-С. Палласа. Не вызывает сомнения осведомленность в этой части лексики и некоторых других членов Российской Академии, занимавшихся составлением словаря, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что рассмотрение списка областных слов, представленного в Академию П. И. Челищевым, было поручено математику С. Я. Румовскому (см. об этом: С у х о м л и н о в М. И. История Российской Академии, в. 2, с. 138).

¹¹ Эта позиция получила свое отражение в САР, прежде всего в том, что в него почти не вошли новые заимствования, а те, которые даны, определяются через русские эквиваленты.

¹² О группе диалектных слов, встречающихся в записках путешествий и не вошедших в САР, см. в статье Г. П. Князьковой «О диалектной лексике в русском языке XVIII в.». — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка. М.—Л., 1966.

Сравнение рассматриваемого круга слов в САР¹ и САР² показало, что в САР² он пополнен лишь небольшим количеством слов: *Аланера*. Так называется перепонка, покрывающая моржей поверх толстой их кожи и от оной легко отделяющаяся (I 24); *Балбирка*. То же, что бабашка [‘поплавок

Из большого количества записок путешествий, использованных при составлении САР, в нем встречаются ссылки лишь на «Описание земли Камчатки» С. Крашенинникова (см. при словах: *Беляк, Ерник, Застой, Иннях, Клы, Кот морской, Коча, Кошлак, Куклянка, Кулема, Лахтак, Маниха, Медведок, Мотырь, Накочетник, Нарты, Отстой, Оттуги, Падласы, Хахалча, Чуница, Шафра и нек. др.*), «Путешествие по России для исследования трех царств естества» С.-Г. Гмелина (см.: *Икряник, Кармак, Ложевое, Мтина, Пазланка, Пласт, Режа, Резальщик, Сандов, Свинчатка, Стокныя сети, Счал, Чалбыш, Чечень и нек. др.*) и значительно реже — на «Путешествие по разным провинциям Российского государства» П.-С. Палласа (см.: *Галиан, Саксурки, Слопец*).

Об источниках ряда других слов, из которых локализмы были включены в САР, можно судить по указаниям, содержащимся в их определениях: см., например:

Бродовщик (*В Камчатке называются так проводники, которые зимою на лыжах бегают перед ездоками на собаках и тем прокладывают и показывают им дорогу. САР² I 315*).¹³ Ср.: «Когда выпадает глубокой снег, то не проложат дороги на сабаках ехать не можно, прокладывают дорогу подводчики, а по тамошнему каюры на лапках, которые бродовщиками называются. . Бродовщик должен иметь на обеих ногах по объявленной лапке, и оставя сабак на месте итти вперед на некоторое разстояние, а потом воротиться тоюже дорогою к сабакам и вестъ их по проложенной дороге» (Краш. ОЗК III 59).

Балаган (*Летнее жилище камчадалов, состоящее из шалаша на столбах, в которой лезят по стремянке. САР² I 88*). Ср.: «Над устьем Озерной реки с западную сторону есть несколько балаганов и барабар, где казаки летом живут для промыслу рыбы» (Краш. ОЗК I 28).

Толкуша (*Главная на пиршествах Камчатских яства, приготавливаемая из разных кореньев и всяких ягод с икрою. САР² VI 728*). Ср.: «Главное и богатое кушанье, которое готовится на пирах или в праздники, называется Селáга, а показачьи толкуша. Делается из различных кореньев и всяких ягод толченых с икрою, с неръпичьим и китовым жиром, а иногда и с вареною рыбою» (Краш. ОЗК III 53) и др.

на некоторых рыболовных снастях'] (I 90); *Белестъ*. Так около Пензы называется *Язь* (I 360); *Кача*. То же, что *коча* ['большое судно в Сибири и на Северном океане'] (III 94); *Наглазник*. У соболиных промышленников в Камчатке называется род сетки, которая надевается на глаза для защищения от снегу, метели или вьюги (III 1012); *Неводъба*. Речение, употребляемое в Сибири и значит ловление рыбы неводом (III 1286). См. также *Грядка, Толкуша* и некоторые другие.

¹³ Хотя при переиздании САР определения этого круга слов подверглись лишь незначительной редакторской правке, толкования приводятся по САР² (за исключением случаев, имеющих принципиальное значение).

Употребление многих локализмов, представленных в САР, КС XVIII в. фиксирует лишь в материалах путешествий И. И. Лепехина, П. И. и Н. П. Рычковых, Г. Д. Миллера, П. Б. Иноходцева, П. А. Соймонова и др., что указывает на источники, из которых они были заимствованы. См. например:

Бережник [‘род рыболовной снасти, употребляемой на Оби’]. Ср. в статье В. Ф. Зуева «Описание остяков и самоедцев»: «Летние бережники делаются обыкновенно запором; когда рыба вверх идет, от берегу сажени на три и более, у коего на стороне в глубь привязана морда, отверстием своим вниз реки стоящая, от оной морды вниз по реке делаются небольшие прясла, коих при конце стоит другая морда, и так, естли рыба, идучи вверх, в запор упрется, то по степени сходит на глубь реки и ежели не попадет в первую морду, то обошед, в другую неотменно попасть должна» (Зуев Сиб. 71—72).

Слово *Ванда* [‘на Волге верша для ловли рыбы в половодье’] отмечено в «Дневных записках путешествий» И. И. Лепехина: «Ванды делаются на подобие мериож из прутья, но только полы у них не так далекое имеют разстояние» (I 306). Ср. также в «Месяцеслове историческом и географическом на 1790 г.» (СПб., 1789): «Для лову же употребляют на больших реках неводы, бредни, ванды и мережи, а на малых бредники и верши» (80).

Багор (. . 2. *У Козаков Уральских и на Волжских учугах, железный крюк с зазубриною, прикрепленной к длинному шесту, употребляемой для вытаскивания осетров и белуг.* САР¹ I 75). Ср. у П. И. Рычкова в «Топографии Оренбургской»: «А ловят их [белуг и осетров] Яицкие козаки. . летом неводами, что называется по их Плавленье, а зимою баграми, отчего сию ловлю и имянуют они багреньем» (I 306).

Крестоватик (*В Сибири так называются молодые песцы четырехмесячные, у коих на спине и поперег между крыльцами бывают черноватые полосы.* САР² III 398). Ср. в статье Г. Миллера «О Сибирских торгах»: «Крестоватики называются те недопески, которые серые прежних, а особливо вдоль по хребту и поперег по плечам имеют на крестце бурые черточки» (ЕС 1756 225).

Грядка (*Плот или шалаш, где из соленой икры тузлук выжимают. Употребляется у рыбных промышленников в Астрахани.* САР² I 1287). Ср. в «Путешествии» С.-Г. Гмелина: «К приуготовлению икры на Волге требуются следующие обстоятельства. Или в особливом шелаше, или на способном тому плоту ставят к той или другой стене на полу два не очень толстые накось вколоченные столба, в разстоянии один от другаго около двух сажень. По том прикрепляются к ним два поперег лежащие шеста в разстоянии один от другаго на полторы пядени. Весь стан называется грядками» (II 325). В том же источнике отмечено слово *Маниста* [‘у волжских рыбаков нижняя челюсть у белуги’]: «[Белуги] пластаются, начиная от нижней челюсти, которая называется манистой» (II 323).

Передовщик (У соболиных промышленников старший ловец или пайщик. САР² IV 891). Ср. в «Описании земли Камчатки» С. Крашенинникова: «Между тем выбирают они из всей артели одного в передовщики, которой больше бывал на промысле, и обещают ему во всем быть послушными. Передовщик разделяет артель на чуницы, то есть на части, и выбирает к каждой чунице по передовщику» (II 241) и многие другие.

Основная масса локализмов, включенных в САР, отмечена (по данным КС XVIII) лишь в записках путешествий или получила дальнейшее распространение, начиная с записок. Это, например, такие слова, как *Ахан* 'род рыболовной снасти', *Балбирка* 'поплавок на некоторых рыболовных снастях', *Беляк* 'излишний сверх ясака побор', *Ерник* 'мелкий лес', *Кармак* 'род рыболовной снасти', *Оттуги*, *Падласы* 'части лыжных креплений', *Пазланка* 'небольшая куча белуг', *Свинчатка* 'род сети', *Слопец* 'род ловушки', *Таежные* 'скрывающиеся от уплаты ясака', *Чалбыш* 'осетр трех пяденей', *Щерба* 'вода, в которой сварена рыба'. См. также *Аранцы*, *Багор*, *Балаган*, *Бережник*, *Бершовик*, *Важенка*, *Длинник*, *Икряник*, *Маньщик*, *Мотырь*, *Мтина*, *Наглазник*, *Накочетник*, *Режа*, *Резальщик*, *Счал*, *Умет*, *Чечень*, *Чуница*, *Шип* и др.

Записки и материалы путешествий служили составителям САР не только источниками локализмов для Словаря, но и их определений. Ср., например, некоторые толкования слов в САР² и в трудах Крашенинникова:

САР²

Крашенинников

Гусь Островской. Гусь на островах около Камчатки водящейся, величиною с Казарку; спина, шея и брюхо у него белая, крылья черные, затылок синеватой, щеки белая с прозеленью; глаза черные с желтоватым кругом, около носа черные полосы; нос красноватой с шишкою, как у Китайских гусей; шишка голая, желтоватая, чрез средину которой лежит полоска с перьями черносизыми до самого носу (II 1308).

Осьмой род гусей примечен. . на Беринговом острове: величиною они с Казарку, спина, шея и брюхо у них белая, крылья черные, затылок синеватой, щеки белая с прозеленью, глаза черные с желтоватым кругом, около носу черные полосы, нос красноватой с шишкою как у Китайских гусей: шишка без перья, желтоватая, чрез которой средину лежит полоска с перьями черносизыми до самого носу (ОЗК II 337—338).

Накочетник. У соболиных промышленников в Сибири называются овчинные опушки, надеваемые вверх шерстью на ру-

Накочетники называются овчинные опушки, шерстью вверх, которые на рукава надеваются, чтоб за рукавицы снег не за-

кава, чтобы за рукавицы снег не сыпался (III 1102).

Лахтак. Род тюленя, который величиною бывает больше быка. Водится в Пенженском и Восточном морях (III 528).

Инняха *Varietas salmonis eperlani*. Рыбка, на обыкновенную корюху много похожая, водящаяся в Нерпичьем озере в Камчатке (II 1149)

сыпался (ОЗК¹ 676).

Самой большей [тюлень] называется там Лахтаками, и промышляется. . . как в Пенжинском, так и в Восточном море (ОЗК II 262).

Хагач есть здешняя настоящая Корюха: Инняха имеет от ней некоторую отмену, и водится в озере Нерпичьем в превеликом множестве (ОЗК II 325).

Представленные в САР локализмы неоднородны по своему составу. В кругу этой лексики можно выделить следующие разряды слов:

I. Слова, преимущественно этнографического характера, обозначающие предметы быта, хозяйства, средства передвижения (их части), бытовые постройки и т. п.: **Саксурки**. Овчины долгошерстныя цветом черныя и пестрыя (САР² VI 11); **Торбасы**. Лучшая на Камчатке обувь, похожая на упоки, и также подвязывается ремнями, в которой козаки и камчадалы щеголяют (САР² VI 742); **Кережа**. Пвозка на подобие лодочки, употребляемая ездоками на оленях (САР² III 115); **Побежник**. Долгой ремень, укрепляемой по середине головашек тесанных, в некоторых местах Сибири, в Камчатке, где ездят на собаках, служащий в место дышла (САР² IV 1160); **Шитик**. Водоходное судно плоскодонное с палубою, длиною в пять, а шириною в две сажени; доски у него сшиваются ремнями, от чего и название произошло; вместо конопати употребляют мох; парусы на них равдужные, вместо канатов ремни лосиные; якоря деревянные с навязанным камнем. Ходят на них по рекам и от реки до реки морем подле берега (САР² VI 1363). См. также Балаган, Куклянка, Оттуги, Падласы, Толкуша и др.

II. Наиболее многочисленная группа — промысловая лексика, в частности, лексика рыбного промысла, который был в то время в России одним из ведущих. Здесь представлены, например:

а) названия рыболовных снастей, орудий лова и их частей: **Багор яровой**. У Уральских же козаков называется рыболовной багор, насаживаемой на древко длиною от 7 до 10 сажень, коим багрят рыбу в ярах, т. е. глубоких местах (САР² I 77); **Багровище**. Запасной шест у козаков Уральских, навязываемой на багор яровой для багрения на самых глубоких местах (САР² I 78); **Кармак**. Род уды самоловной, употребляемой на Волге зимою для ловления белой только рыбы, которая состоит из оцера,

укрепляемого в проруби и настораживаемого лучком, посредством которого рыба, касающаяся наживы, вытаскивается на лед (САР² III 75); **Перебойка**. Род закола, делаемого на Волге для ловления коренной рыбы, который во всем подобен забойке, кроме того, что перебойку в прямой, а забойку в излучистой строят черте (САР² IV 843); **Стокные сети**. Реч. рыб. о л. Сети, коими ловят северяг в Каспийском море (САР² VI 515) и под. См. также: Ахан, Бабашка, Багор саромный, Балбирка, Бережник, Двор, Ванда, Длинник, Килидан, Котзи, Погоняй, Подбагреник, Режа, Сандов, Свинчатка, Счал и др.

б) названия мест для ловли рыбы, ее помещения и нахождения в естественных условиях, хранения, обработки: **Ватага**. По Волге и Каспийскому морю называются рыбацьи места, где рыбу ловят (САР² I 391); **Ложевье**. Рыболовами на Волге называется то место, которое рыба избирает себе в зиму на лежанку (САР² III 594); **Сорма**. Речение рыбных промышленников на Урале: ровное и неглубокое в реке дно, где коротким багром можно ловить рыбу (САР² VI 388—89). См. также: Грядка, Застой, Сажалка, Чечень, Щерба и др.

в) названия рыб (в зависимости от их меры, особенностей, места нахождения, характера передвижения), названия частей рыб, рыбных продуктов и т. п.: **Беляк**. На Волге сим именем называется ход рыб рунами в разныя времена года (САР² I 368); **Боконья**. В низовых местах Днепра называется куча чешуйчатой рыбы, состоящая из 500 рыб, которая в доль и поперек надрезываются, дабы лучше провялились. Название сие дано по тому, что рыбы складываются боками (САР² I 275); **Мтина**. Речение у Волжских промышленников употребляемое, означает связку, состоящую из 12 судаков (САР² III 882); **Покатная рыба**. Астраханские рыболовы так называют осетров и северяг, когда оные обратно из Волги идут в море (САР² IV 1393); **Юра**. Речение известное на Белом море, в сельдяном промысле и означающее стадо сельдей (САР² VI 1427). См. также: Балык, Бершовик, Карлук, Костера, Маниста, Пазланка, Пласт, Чалбыш, Шип и др.

В основном названиями работников рыбного промысла представлена номенклатура лиц по выполняемой профессиональной деятельности: **Клейщик**. На Волге называется приготовляющий клей рыбий (САР² III 159); **Багрильщик** и **Багрячей**. На Волжских учугах называется рыбный промышленник, которой осматривает по два раза в сутки в забойках избы, и зашедшую в оныя рыбу длинным багром вытаскивает (САР¹ I 76); **Подбагорщик**. Помощник багрячего на учугах Волжских, которой коротким багром притянутую к поверхности воды рыбу втаскивает в лодку, оглуша ее чекушкою, или сажает на кукал (САР² IV 1225); **Покручник**. Наемник на соболиных или рыбных промыслах, кого хозяин снабжает на дорогу или на известное время запасом, платьем и всем потребным к житью и промыслу, по возвращении

их берут у них треть добычи, а остальные две трети им оставляются; при чем покрученики должны возвратить хозяевам все к промыслу надлежащие припасы, кроме съестного (САР² IV 1411).

Менее многочисленны слова, относящиеся к другим промыслам (включая названия промысловых зверей): **Колодица**. Пасть или ловушка в Сибири для ловления соболей употребляемая (САР² III 139); **Залезка**. У промышленников морских зверей называется стадо или руно тюленей, на льду лежащих (САР² II 632); **Медведок**. Так называют молодых бобров в Камчатке (САР² III 727); **Норник**. Песец молодой, которой из норы еще не выходит (САР² III 1421). См. также: Маньщик, Мотырь, Слопец, Шадра, Чуница и др.

III. С указанием на конкретное место распространения даны в САР некоторые слова, обозначающие различные природные образования, явления природы: **Аранцы**. В Сибири называются высокие каменные горы (САР² I 47); **Маниха**. В некоторых приморских местах так называется малый предварительный прилив воды, зависящий от положения берегов и мысов, который бывает незадолго до настоящего прилива (САР² III 695); **Сопка**. В Сибири так называются огнедышащие горы по той причине, что огонь из оных с шумом как бы с сопением извергается (САР² V 383); **Ерик**. На Низовой Волге и по берегам Каспийского моря так называются небольшие ручьи (САР² II 371); **Ерник**. Мелкой лес. Камч. ист. I с. 106 (САР² II 371); **Побережник**. Слово Архангелогородскими мореходцами употребляемое к означению восточного ветра, от берега дующего (САР² IV 1152); **Култук**. Глухой рукав или залив в реке или море (САР² III 479) и др.

IV. В словаре приводятся также названия растений, животных, птиц, рыб, водящихся в различных районах России, многие из которых были впервые обнаружены участниками экспедиций. Ср., например: **Галиан**. *Cyprinus rivularis*. Палл. пут. часть 2. Маленькая рыбка в быстрых Сибирских ручьях обильно водящаяся, величиною около двух вершков; голова у нея тупая, почти четвероугольная. . (САР² I 1078—79); **Кот морской**. *Phoca ursina*. Зверь морской. . принадлежащий к роду тюленей. . Водятся в северной части Тихого Моря, также и в Южном Океане (САР² III 355—56); **Зерлик**. *Polidium traganus*. Порода папоротника. . Растет по горам около Ангары и Селенги (САР² II 862); **Качарка**. *Sterna*. Морская птичка. . Водится на Курильском острове Усасыре или Ушиишере (САР² III 94); **Ленок**. *Salmo Lenos*. Pall. Род форели. . Водится в Енисее и впадающих в оную реках (САР² III 546); **Хахалча**. *Gasterosteus*. Рыбка на нашу рогатку или корюшку похожая. . Водится в Пенжинском море (САР² VI 1129) и др.

В большом количестве приводятся в САР местные или народные названия растений и животных, изучение которых входило в одну из задач ученых-путешественников: **Белая рыбка**. Бельчуг; в Камчатке так называют обыкновенную сельдь (САР² I 359). **Ботун**. *Allium Altaicum* Pall. Весьма вкусный на высочайших Ал-

тайских горах растущий лук. . В прочем в Сибири и Уфимской губернии всякой дикорастущей лук или чеснок ботуном называют (САР² I 295); **Греча, Гречиха, Гречуха.** *Polygonum jagorugum*. В низовых областях называется дикуша. . (САР² I 1251); **Курлук.** Дикая, растущая в Сибири греча (САР² III 492); **Водяница.** *Empetrum nigrum*. Кустик на подобие вереска в самых холодных местах растущий. . В Камчатке называют его шикшею. . (САР² I 578); **Коровьяк.** Трава однолетняя в Екатеринославской губернии так называемая, в здешних же местах называется царский скипетр. (САР² III 318) и др.¹⁴

Как показывают рассмотренные материалы, включенные в словарь локализмы, за исключением народных названий растений и животных, не имели в литературном языке того времени однословных эквивалентов, что соответствовало принятому при составлении словаря условию — включать в него слова «к обогащению языка служащие» (Предисловие к САР¹, с. 9).

Одним из главных критериев отнесения слова к лексике литературного языка для составителей САР являлась его употребительность в письменных источниках XVIII в. Свидетельством того, что указанный критерий был основным в разграничении слов литературного языка и нелитературной речи, может служить, например, использование в этом словаре пометы «областное», которой сопровождались диалектные слова, не имевшие распространения в письменной речи второй половины XVIII в. С этой пометой в САР насчитывается около двадцати слов: *Блинцы.* о б л а с т н. (*Блины с тварогом или яйцами; сырники* САР¹ I 228); *Левашник.* о б л а с т н о е (*Пирог ягодами приправленный, пряженный в масле.* САР¹ III 1151); *Окручать.* о б л а с т н. (*Снабдевать кого для пути одеждою и нужными приписами от чего получившие такое снабдение называются покрученики.* САР² IV 292); *Опруживаться.* О б л а с т н. (*Опровергаться, в верх дном становиться.* САР² IV 360); *Пайва.* С л о в о о б л а с т н о е. (*Кузов, кошель из лыка сплетенный.* САР² IV 769); *Паорок.* С л о в о о б л а с т н о е. (*Крестьянский сын подросток, могущий боро-*

¹⁴ Иногда при словах, обозначающих названия растительного и животного мира в САР даются сведения этнографического характера, источником которых послужили записки и материалы путешествий: *Старик.* *Procellaria aurita.* Птица. . Водится около малых островов в Камчатке; ловят их удобно камчадалы надев на себя куклянки, в рукава коих старики во множестве вместо нор набираются (САР² VI 490); *Сивуч.* *Foca jubata.* Порода тюленя. Водится в Тихом море и около восточных берегов Камчатки. Камчадалы едят его мясо (САР² VI 138); *Кандык.* *Erithronium dens canis.* Татары так называют траву, имеющую корень продолговатой, тельной, . . растет в Сибири около Томска и Красноярска. . Корень сея травы татары выкапывают и сушат в прок, и изтолокши употребляют в пищу с молоком, или мясною похлебкою, варят также кашу, которая вкусна и приятна. (САР² III 50—51); *Багульник.* *Ledum palustre.* Кусты по болотинам в северных странах растущие. . Употребляется в лекарства и для изстребления клопов; по чему в Сибири его клоповником, а в других местах багуном называют (САР² I 80).

паша землю, водить лошадь с бороною. САР² IV 790); *Пашенник*. слов. о б л а с т н. (Содержатель пашни, пахарь, пахотной крестьянин. САР² IV 817) и др.¹⁵

При анализе диалектной лексики в САР необходимо принимать во внимание, что ее выделение было ориентировано на литературную норму языка XVIII в. Так, многие слова, сохранившиеся впоследствии лишь в диалектах, в то время считались словами литературного языка и соответственно представлены в САР без ограничительных помет. См., например: *Лыва* (*Густый и частый на болоте выросший лес*. САР² III 627). Ср. у Ломоносова: «Из лыв густых выходит волк» (СС I 145); у Боброва: «Коликократно он смирял сих хищных и продерзких тигров, которые из мрачных лыв В стада суровые исторгаясь Ристали по градам» (Херс. 184). *Слота* (*Слякоть или мокрой снег*. САР² VI 234). Ср.: «Ночевали без воды; зело был великой ветер и слота» (Унк. 151). «. Куды повелит, съходи без замедления; а еще грязь, или слота, ничем не отговаривайся» (Псш. Завещ. 150). «Берег прости, на котором терпел я столь многократно дождь, и слоту, и град, и ветер, и непогоду всяку» (Трд. Тилем II 55). «Вязанку дров Старик тащил. . А как была тогда осеняя слота, Несноснее ему была тем тягота» (Држ. III 427). *Карша* (*Дерево водою подмытое с своего места на другое с корнем перенесенное, составляющее на мелях речных запруды*. САР² III 83). См.: «А велети проводить те хлебные запасы на судех в Тобольск сибирским служилым и всяким людям бережно, чтоб ниже по реке об камень и о карше тем запасом какой порухи не учинилось» (ПСЗ III 382). «Между тем может посадить плоты на каржу, или на камень» (Краш. ОЗК IV 282). Ср. также *Луда* 'камень, выступающий из воды', *Сумет* 'сугроб' и др.

Как литературная норма рассматриваются в САР многие слова, обозначающие предметы крестьянского быта и хозяйства, широко употреблявшиеся в памятниках XVIII в., такие, например, как *Подволока* 'помещение в доме между крышей и потолком', *Подизбица* 'жилое или нежилое помещение под полом', *Одонье* 'кладь снопов менее скирды', *Пожня* 'сенной покос, луг', *Ставец* 'род деревянной чаши', *Сорока* 'род женского головного убора', *Сабан* 'пахотное орудие на двух колесах' и др.¹⁶

¹⁵ В материалах КС XVIII эти слова почти не встречаются. Отмечены лишь единичные случаи их употребления в памятниках первой половины века либо в литературных произведениях «низкого» жанра второй половины XVIII в. как средства стилизации: «И пока старый лес были б подбирать, а тот бы молодежник подрос» (Пос. КСБ 249). «[Хавронья:] В горшечке да в муравленом, . левашник с сушеною малиной» (Сум. Рог. 11).

¹⁶ См. примеры употребления этих слов в источниках XVIII в.: «На подволоке или под кровлю окошка иметь, которое железными дверцами вплоть запирает надлежит» (ДАЭ 78). «Бедная крестьянка и дети ея вскарабкались кое-как на верх строения, что называется подволокою, поднимали руки к небу, и просили помощи» (Члкв Пересм. I 17). «А у оных Огарковских заведено после пожару у каждого свое жилище, построены подъизбицы с земли ход»

О подвижности и неопределенности границ областной лексики в словарном составе русского языка XVIII в. свидетельствуют также различия, наблюдающиеся в ее подаче в САР¹ и САР². Сопоставление показало, что почти половина слов представлена в этих словарях по-разному. Так, пометой «областное» сопровождаются в САР² следующие слова, ранее не имевшие этой пометы: *Баркан. Реч. о б л а с т н о е.* (*Морковь. I 105*); *Копани. о б л а с т н.* (*Полозья санные, имеющие головяшки вместо гнутых корневыя. III 289*); *Корец. реч. о б л а с т н.* (*1. Ковш, выдолбленный из корневины. 2. Ящик на мельнице, в которой мука молотая из жерновов сыплется. III 304*); *Корневатик и Корневатка. о б л а с т н.* (*Короб, сплетенный из древесных корней. III, 313*); *Молодежник. о б л а с т н.* (*Молодой лес. III 832*). С пометой «областное» дано также в САР² единственное слово из круга локализмов — *Куклянка. о б л а с т н.* (*Верхняя одежда или шуба, сшитая из кож оленьих в длину пониже несколько колен, с широкими рукавами и назади с кулем. III 475*).¹⁷

С пометой «областное» включены в САР² отсутствовавшие в САР¹ слова *Кружня. Областн.* (*Связка чего-нибудь свернутого вокруг, напр., льну, пеньки, веревок. III 439*). *Намой. Областное.* (*Временная мель, бывающая от наносного песку в реках, озерах и морях. III 1127*). Снята помета у слов *Зимовище* и *Зимовник* (*Изба или хижина, построенная для зимнего приюту. II 866*)¹⁸; *Прогон* (. . . 3. *Дорога ведущая к выгону между двумя изгородами. V 515*). А диалектное значение слова *плахта* 'юбка' исключено вообще.

В отличие от диалектных слов, которые находились за границами литературного употребления, локализмы, как было показано выше, довольно широко использовались в литературном языке XVIII в., особенно в языке таких жанров, как записки путешествий. Поэтому и в нормативно-стилистических словарях XVIII в. — САР¹ и САР² — этот разряд слов лексикографически представлен иначе, чем диалектные слова.

В связи с тем что употребление локализмов регламентировалось общей языковой нормой, они могут быть выделены в особый раз-

(Псм помещ. 91). «И с пожнями и с лесными всякими угодыями, и с новыми починками с пахотными землями и с мельницею» (ДПС VI 1 144). «А потом возят [рожь] в гумны и складывают в скирды и одонья» (ТВЭО II 159). «Во всех сих местах видно много одоньев хлеба» (Рдщв ПСС III 289). «Кормят тех болящих всегда с серебра; тарелки и ложки, и блюда, и чаши, и ставцы, и солонки — все серебрянные» (Пут. Тлст. I 123).

¹⁷ Впервые (по данным КС XVIII) оно отмечено в «Описании земли Камчатки»: «Верхнее платье по казачьи называется куклянка» (Краш. ОЗК III 43). См. также: «Платье носят из звериных кож, а больше из собачьих сделанное, по их куклянками называемое» (Краш. ОЗК¹ 692).

¹⁸ См. употребление этого слова в памятнике деловой письменности XVIII в.: «Чтоб Слободскому полку, где зимовники Запорожские находятся, больше вселяться и туда мешаться» (ПСЗ XIV 575). Употребительность этих слов в литературном языке как стилистически нейтральных, вероятно, и послужила основанием для снятия в САР² пометы «областное».

ряд слов, которые входили в словарный состав литературного языка XVIII в. Вместе с тем, говоря о локализмах как словах литературного языка, надо отметить их неоднородность по степени семантической значимости и употребительности: одни из них были в меньшей мере освоены языком, другие, издавна употреблявшиеся в письменной речи, в большинстве своем органически входили в состав лексики литературного языка. Неоднородны были локализмы и по их месту в словарном составе языка. Последнее в значительной мере определялось неустойчивостью языковой нормы XVIII в., что проявлялось, в частности, в подвижности и неопределенности границ различных лексических слоев словарного состава языка — общеупотребительного и диалектного, диалектного и профессионального, профессионального и общего.

Однако к концу века, когда составлялся САР, многие локализмы из числа издавна известных в литературном употреблении, уже вошли в состав стилистически нейтрального слоя литературной лексики. Речь идет о таких словах, как *Арба* 'телега на двух высоких колесах', *Байдара* 'алеутское судно, обтянутое кожей морских зверей', *Ватага* 'место для рыбной ловли', *Завозня* 'судно для перевозки экипажей и лошадей через реки', *Карлук* 'рыбий клей', *Кача* 'большое водоходное судно на севере и Тихом океане', *Кошлак* 'молодой камчатский бобр', *Кулема* 'западня для ловления соболей', *Нарты* 'род саней в Сибири', *Недособоль* 'молодой соболь, еще не имеющий полноценного меха', *Отстой* 'место на морском побережье, где можно укрыться от бури', *Сак* 'мешок на сети', *Сойма* 'род судна на Ладожском и Онежском морях', *Сопка* 'вулканическая гора', *Учуг* 'перегородка через реку с ловушками для рыбы' и др.¹⁹

Для этих слов записки путешествий второй половины XVIII в. и материалы научных экспедиций послужили теми источниками, которые подтвердили их принадлежность к общеупотребительной лексике литературного языка.

Что касается той части локализмов, которая вошла в язык позднее, из материалов научных экспедиций Академии наук, то место многих из них в словарном составе языка определилось позднее, в процессе дальнейшего развития языка. Одни из них

¹⁹ См. некоторые примеры употребления этих слов в источниках первой половины XVIII в.: «Был де он посылан с государева рыбного двора на Переломовскую ватагу к рыбным ловцам, и было их на той ватаге 10 человек» (БВ 443). «И был бой с конницею, а также и под городками зажгли камыш, которые стоят по ерику» (ЖКФ 1695 30). «В данном указе губернатору Астраханскому. . написано. . , чтоб сделал 3 или 4 прама и послал весною в Дербень да к Астрахани послал 10-ть завозен» (ЖКФ 1722 186). «Да столяром Гаврилку Вавилову с товарищи на клеенья всякого столярного дела дано на 2 фунта клею карлуку» (ДМТ 51). «А бобры к бобрам, черные к черным, а рыжие к рыжим, а ярце к ярцем, а кошлоки к кошлокам» (ПСЗ III 400). «Соболей промышляют кулемами у рек, где работы бывает много». (Откр. Камч. 15). «И било нас на отстое трое сутки, и якорь оторвало» (ПСИ II 505). «Равдуги оленье, шири кожаные» (СПб. в. 1735_51) и др.

вошли в круг общеупотребительной лексики, включающей слова этнографического характера и профессионализмы, другие отошли на периферию литературного употребления, заняв места в ряду слов с пометой «областное» (Следует заметить, что эти изменения коснулись также и тех локализмов XVIII в., которые имели более давнюю употребительность в языке). Существенные коррективы в характеристику этой лексики были внесены уже в Словаре 1847 г.

Большая ее часть дается, как и в САР, с указанием на место распространения: *Алапера, Аранцы, Балаган, Беляк, Бережник, Бершовик, Боковня, Бродильщик, Ботун, Бродовщик, Важенка, Грядка, Длинник, Казачок, Кармак, Кача, Каумбак, Кережа, Килидан, Котзи, Коча, Кошлак, Крестоватик, Курлук, Маниста, Маниха, Медведок, Пласт, Побежник, Сорма, Толкуша, Торбасы, Шитик* и др.

Многие слова, судя по определениям, стали рассматриваться как общеупотребительные: *Багрильщик, Багровище, Балык, Белая рыбка 'обыкновенная сельдь', Ванда, Гутей, Ипатка, Клейщик, Костера, Кулема, Лахтак, Ложевое, Мотырь, Пазланка, Пеструшка, Форель, Погоняй, Подбагреник, Умет, Халча, Чуница, Шикша* и др.

Ряд слов пополнил разряд профессионализмов: *Багрячей, Бурундук, Залезка, Икряник, Маньщик, Накочетник, Передовщик, Подбагорщик, Покрученик, Резальщик, Стокныя сети, Юра* и др.

Значительная часть лексики получила помету «областное»: *Бабашка, Балбирка, Балка, Белесть 'рыба язь', Бирюк 'волк', Голомя 'далекое расстояние от берега', Ерик, Ерник, Карша, Колодица, Кружня, Култук, Мтина, Намой, Неводьба, Отстой, Плутиза 'деревянный поплавок, привешиваемый к неводу', Побережник, Саксурки, Сандов, Таежные*.

На примере локализмов в САР мы рассмотрели один из путей формирования словарного состава русского языка в XVIII в. — его пополнение за счет лексики народно-разговорной речи.

ОТРАЖЕНИЕ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И КАТЕГОРИИ ВИДА В СЛОВАРЕ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ

В толковых словарях, как известно, фиксируется не только лексическое богатство языка, но получают определенное отражение и особенности грамматического строя его. По словам Я. К. Грота, «вполне исключить грамматику из словаря так же невозможно, как совершенно отделить форму языка от материи».¹ Объективно существующие отношения взаимообусловленности лексических и грамматических явлений не могут не проявиться при лексикографическом упорядочении и описании лексики.

В этой связи представляет интерес подача глаголов в Словаре Академии Российской (САР) с точки зрения того, какое отражение получили в нем грамматическая категория вида и связанные с ней лексико-грамматические разряды глаголов — способы глагольного действия (СД), составляющие переходную зону, где осуществляются процессы взаимодействия лексических и грамматических значений.²

Лексикографическая интерпретация вида и СД в любом словаре характеризуется значительной специфичностью, так как определяется не только состоянием аспектологической теории своего времени, но и воздействием тех лексикографических приемов подачи материала, которые приняты в каждом словаре.

Что касается САР, то особое своеобразие отражения в нем данных явлений вызвано еще и отсутствием в науке того времени видовой теории и самого понятия вид глагола. Указания на видовые различия глаголов содержатся в грамматиках М. Смотрицкого, В. Ададунова, М. Ломоносова, но они носят характер лишь косвенных намеков, связанных с описанием временных форм и парадигмы спряжения глагола.³

¹ Г р о т Я. К. Замечания касательно нового издания русского словаря. — Известия II Отд. Импер. Академии Наук, 1853, л. 13.

² Вопрос о лексико-грамматической природе СД освещается в ряде работ. См., например: П о л ь д а у ф И. Место грамматики и лексикологии в изучении вопросов глагольного вида. — В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 77—79; М а с л о в Ю. С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. Там же, с. 3—10; Б о н д а р к о А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971, с. 32—35, 49—54.

³ Начало разработки видовой теории относится к XIX в.; взгляд на вид как особую и основную категорию русского глагола изложен впервые в статьях

Особенности оформления в САР видовых пар. В русской грамматике XVIII в. было принято учение о 10 временах глагола по образцу античных и западноевропейских грамматик, что не соответствовало реальным отношениям в системе русского глагола.⁴ В целях построения полной парадигмы для каждого глагола (а по свидетельству М. Ломоносова, «в российском языке глаголы почти все неполные»⁵) в одно спряжение включались многие словообразовательные разновидности основы, которые давали различные формы «совершенных» и «несовершенных» времен. Например, в рамках одной парадигмы рассматривались глаголы: *Дуть, дунуть, дувать, сдуть; Воевать, завоевать; Толковать, истолковать*; и под.⁶ Структура словарных статей на глаголы в САР, очевидно, свидетельствует об учете составителями грамматической теории М. Ломоносова. В «Предисловии» к I изданию САР говорится: «Академия для большего разумления старалась при всех глаголах ставить все виды неокончательного наклонения, тем паче, что от одного разные в глаголах времена производятся».⁷ Для II издания САР предписывается то же правило: «...чтобы к неопределенному наклонению были присоединяемы наст. вр., прошед. сов. и повел. сов., например: *Колоть, кольнуть, уколоть, калывать; колю, колешь, уколол, уколешь, укололи*».⁸ Данный способ оформления глаголов, ориентированный на построение временной парадигмы для каждого глагола, вместе с тем отразил и видовое противопоставление, объективно характеризующее систему русского глагола, так как в основе большей части процессов внутриглагольного формо- и словообразования лежит категория вида. В САР оказались зафиксированными все типы видовых корреляций, представленные в системе глагола.

1. Приставочный глагол совершенного вида (с/в) в соотношении с приставочным глаголом несовершенного вида (нс/в): *Сгу-щаю, сгустить. Привожу в густоту, делаю густым. — То дождь прольешь нам плодоносный, подняв, сгустив во облак пар. М. Л.*

2. Пару составляют бесприставочные глаголы: глагол с/в и производное от него образование нс/в: *Бросаю, бросить, что в что, куда и во что. Вергаю, мечу, кидаю. — Металл и пламень в дол бросает. М. Л.*

3. Бесприставочный глагол нс/в в соотношении с приставочным глаголом с/в: *Меняюсь, поменяться. Отдав кому вещь какую,*

А. В. Болдырева. См.: Труды Общества любителей российской словесности. Ч. II и III. М., 1812; Ч. VI. М., 1816.

⁴ История развития теории вида и критика временной теории содержится в кн.: В и н о г р а д о в В. В. Русский язык. М.—Л., 1947.

⁵ Л о м о н о с о в М. В. Российская грамматика. СПб., 1755, с. 90.

⁶ Там же, с. 82—85.

⁷ САР¹, I, л. XII.

⁸ Записки Российской Академии. Собр. 21 июля 1802, ст. V, л. 169. — В кн.: С у х о м л и н о в М. И. История Российской Академии. Вып. 8. СПб., 1887, с. 181.

беру за нее такую же или иную. — Я Россю счастьем услаждаюсь, Я их спокойствием не меняю. На целый Запад и Восток, М. Л.

4. Супплетивные видовые пары: **Беру**, прош. и буд. *займствует от гл. возьму, взял, возьму; брать, взять*. 1) *Емлю или взимаю что руками или в руки*. — *Беру книгу, меч*; 2) *Об огнестрельном оружии: достаю, достая*. — *Ружье берет далеко*.

5. Двувидовые глаголы: **Арестую**, арестовать. *Задерживаю кого под стражею; под смотрение, под присмотр отдаю*. — *Сего человека за худой поступок арестовали. Имя его арестовано*.

Члены видовых пар всех типов оказались оформленными в одной словарной статье, что обусловлено общетеоретической установкой САР рассматривать и суффиксальные и приставочные разновидности глагольной основы в качестве ее видо-временных форм. Однако данный способ подачи глаголов выдержан в САР последовательно и единообразно лишь применительно к первому типу корреляций, являющихся результатом имперфективации (*Подписать—подписывать, Сгустить—сгущать; Бросить—бросать и под*).⁹ Что касается видовых пар, получившихся в результате перфективаций при помощи приставок, то САР дает несколько вариантов их оформления.

1. Часть словарных статей по своему построению совершенно идентичны тем, которые включают видовые пары первого типа. *Алеть, поалеть. Алый цвет принимать, алым делаться*. — *От примеса червеца краска алеет, поалела*.¹⁰

2. В других случаях приставочный коррелят с/в не только помещен вместе с исходным глаголом, но имеет и отдельную словарную статью; а) отсылочного характера, б) с грамматическим определением. а) **Брататься**, побрататься, гл. *взаимн. По добровольному согласию называться братьями; и Побрататься*. См. *Брататься*. б) **Портить**, испортить. *Делать что негодным, из хорошего в плохое*. — *Оспа испортила лицо. Дожди испортили дорогу; и Испортить*. Глагол, означающий совершенные деяния глагола *портить*; или **Писать**, написать (следует толкование) и **Написать**. *Имеет все знаменования глагола писать и служит дополнением совершенных его времен*. — *Написать букву, строку, кому письмо*.

3. В случаях, когда приставочный коррелят с/в имеет вторичный имперфектив, самостоятельное толкование дается в обеих словарных статьях — на исходный глагол и на приставочное образование. Например: **Берегу**, сберечь. *Стерегу, храню, блюду*. — *Науки... в счастливой жизни украшают, в несчастный случай берегут*. М. Л. и **Сберегаю**, сберечь. *Предохраняю,*

⁹ Видовые пары этого типа поданы так же в современных словарях — в Семнадцатитомном словаре (ССРЛЯ), а также в Словаре Ожегова (СО); правда, в СО лексическое толкование дается к формам с/в.

¹⁰ Ср.: подобным же образом оформлены эти видовые пары в СО.

соблюдаю, сохраняю что в целости. — *Сберегать от стужи кого, от моли платье. Сберег это через целый год.*

Следует отметить, что приведенные варианты разработки видовых пар выдержаны в САР далеко не последовательно. В ряде случаев префиксальные корреляты с/в, не образующие вторичных имперфективов, тоже получают отдельную статью и самостоятельную разработку значений. Например: *Благодарить, возблагодарить* (следует толкование), и *Возблагодарить, гл. нед.* (следует толкование); или *Сватать, сосватать* (следует толкование); и *Сосватать* (следует толкование). Наблюдается много случаев, когда члены видовых пар этого типа, будучи помещенными в отдельных статьях, совсем не соотнесены между собой. Например: *Дарить* (следует толкование); и *Подарить, гл. нед.* (следует толкование); *Радовать* (следует толкование); и *Обрадовать, гл. нед.* (следует толкование); и под.¹¹

Таким образом, в САР оказывается неодинаковой оценка видовых корреляций типа *сберечь—сберегать* и типа *писать—написать*, наблюдается варьирование приемов оформления видовых пар, являющихся результатом префиксальной перфективации. Безусловно, это не есть лишь следствие несовершенства лексикографической техники первого академического словаря. Данные лексикографические факты обусловлены природой самих языковых явлений, как нам представляется, они отражают существование объективных различий между имперфективацией как явлением формообразования и перфективацией, относящейся к области словообразования.¹² Грамматическая регулярность образования видовых пар, являющихся результатом имперфективации (*сберечь—сберегать; подписать—подписывать*, и под.), обеспечила последовательную и единообразную их подачу уже в САР. При оформлении же видовых корреляций типа *писать—написать; колоть—заколоть, уколоть, расколоть* от составителей требовалось в каждом конкретном случае подбирать наиболее близкий по значению глагол с той или иной приставкой, т. е. решать вопросы структурно-семантической соотносительности коррелятов, что не нашло еще к тому времени теоретического решения и приводило к варьированию способов оформления. Именно эти факты, думается, имелись в виду составителями САР, когда они отмечали трудности при создании словаря: «Особенные, часто непреодолимые затруднения представляло словопроизводство. При тогдашнем состоянии сравнительной филологии в Европе вообще нельзя было

¹¹ Соотносительность видовых коррелятов данного типа не фиксируется и в некоторых современных словарях, например в СРЯ и в ССРЛЯ.

¹² Впервые мысль о разграничении имперфективации и перфективации высказана С. О. Карцевским. (См. «Из книги „Система русского глагола“». — В кн.: Вопросы глагольного вида. Под ред. Ю. С. Маслова. М., 1962). В русистике этот взгляд развивается в работах Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко.

и ожидать от нашего словаря строго выдержанной методы и безусловно верных выводов».¹³

Видовые различия в системе глагола отражены в САР и через содержание словарных статей на производные отглагольные образования. Так, в определениях имен существительных от основ нс/в причастие ставится в форме настоящего времени, в определениях же существительных от основ с/в — в прошедшем, например: **Вырубание**, с. ср. Действие вырубаящего; **Върубление**, с. ср. Действие вырубившего. Тот же принцип сохраняется и в определениях, включающих не причастия, а глаголы, например: **Разыгрывание**, с. ср. Действие тех, которые разыгрывают что-нибудь; **Разыграние**, с. ср. Исполненное действие тех, которые разыгрывали что-нибудь. В тех случаях, когда существительное соотносится с основами обоих видов глагола, в определениях фиксируется двойная соотнесенность. Ср., например: **Отрубание**, с. ср. Действие отрубаящего; **Отрубление**, с. ср. Исполненное действие отрубавшего, отсечение; **Отрубка**, с. ж. Продолжаемое и исполненное действие отрубавшего.

Что касается специальных видовых помет, то их и не могло быть в САР, в силу того что в грамматической теории XVIII в. отсутствовало само понятие вид.

Правда, пометы «нед.» (недостаточный), «неполн.» (неполный), используемые в САР для обозначения глаголов «дефективных», с неполной парадигмой временных форм, по сути дела отражают явление видовой несоотнесенности. Пометой снабжены непарные глаголы как с/в, так и нс/в. **Повянуть**, гл. нед. Лишаясь питательных соков, потерять свою живость, крепость. — Все цветы твои повяли, и приятности пропали; **Таяю**, таять, гл. нед. От теплоты или влажности распускаюсь, жидким становлюсь. — Лед тает. Явление «дефективности» фиксируется достаточно регулярно и в тех случаях, когда оно оказывается характерным не для всех значений глагола, а для части, например: **Протеребливаю**, протеребить. 1) Густо растущее посредством тербления разреживаю. — Протеребить петрушку, морковь; 2. В виде нед. Употребить некоторое время на тербление чего. — Весь день протеребили лен.

Таким образом, в результате лексикографической систематизации глагольной лексики, благодаря разработке приемов определений глаголов и отглагольных образований, использованию грамматической пометы «нед.» в словаре XVIII в. отразились видовое противопоставление, присущее системе глагола, видовые пары всех типов, неоднородность соотношения между членами видовых пар, явление одновидовости, характеризующее глаголы в целом или отдельные значения глагола.

¹³ Речь в день открытия Академии 21 окт. 1782 г. — В кн.: С у х о м л и н о в М. И. История Российской Академии, с. 141.

Опыт разработки глаголов в САР способствовал более глубокому теоретическому осмыслению данных явлений, послужил основой при создании последующих словарей и в первую очередь при работе над «Словарем церковнославянского и русского языка» (1847 г.).¹⁴

Некоторые средства отражения СД в САР. К XVIII в. видовая система глагола является сложившейся в основных своих чертах. Однако в отношении выражения видовой соотносительности система глагола характеризовалась, как свидетельствуют специальные исследования,¹⁵ некоторыми особенностями, в частности наличием параллельных образований нс/в с суффиксами *-а*, *-ва* и *-ыва/-ива*. В изучаемый период заметно отчетливее проявляются остатки тех лексико-грамматических значений, на базе которых развилась и оформилась современная система видов. В частности, к XVIII в. еще живыми были оттенки количественных различий действия, отношения кратности, передаваемые различными группами глаголов.¹⁶

Группы глаголов, передающие количественные различия в характере протекания действия, тесно связанные с выражением видовых отношений, получили в САР особое оформление. Наряду с отражением в словарном толковании признака кратности действия, данные глаголы отмечены специальной пометой «учащательный». В словаре приводится толкование грамматического термина: «Учащательный глагол. Реч. грамм. Глагол, означающий действие с учащением, часто производимое. Слова: похаживаю, постукиваю, покрикиваю суть глаголы учащательные» (САР¹ VI 667; САР² VI 1081).¹⁷

Пометой «учащательный» снабжены глаголы нескольких групп.

а) Последовательно снабжены этой пометой глаголы нс/в, образованные от приставочных глаголов с/в. Как отмечается в исследованиях по истории развития вида, в системе глагольного видообразования XVIII в. очень активным был процесс вторичной имперфективации; причем наряду с более ранними образованиями нс/в с суффиксом *-а* широко развивались глаголы

¹⁴ См. об этом: Розанова В. В. Словарь церковнославянского и русского языка. Автореф. канд. дисс. Л., 1952.

¹⁵ Обзор работ, посвященных вопросам развития и особенностей видовой системы русского глагола, содержится в кн.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Глагол, наречие, предлоги, союзы. М., 1964, с. 8 и сл.

¹⁶ См. об этом, например: Барановская В. Г. Из истории многократных глагольных форм в русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1952; Лопушанская С. П. Суффиксальный способ выражения видовой соотносительности русского глагола (по материалам памятника XVII в. «Слово и дело государевы»). — Учен. зап. Казанск. гос. ун-та. Памяти В. А. Богородицкого, 1961 и др.

¹⁷ Ср., в грамматиках того времени М. Смотрицкого, В. Ададурова, Барсова выделяется учащательный вид (производные глаголов с суффиксами итеративности *-а*, *-ва*). См. об этом, например, в кн.: Булич С. К. Очерки истории языкознания. Ч. I. СПб., 1904.

с суффиксом *-ыва/-ива*.¹⁸ Основным значением суффикса *-ыва/-ива* в префиксальных глаголах XVIII в. является обозначение нс/в (*переписать—переписывать*), однако этот суффикс издавна служил и для выражения кратности действия. Образования нс/в с имперфективными суффиксами *-ыва/-ива*, обладая ярко выраженным количественным значением, выходили за пределы чисто видовых отношений и создавали параллелизм образований нс/в. В САР фиксируется большое количество таких двойных соотношений: *вдвигаю—вдвигиваю, отправлять—отправляивать, заставлять—заставливать, вычищать—вычищивать* и т. д.

Отличие образований с кратными значениями от чисто видовых форм выражено пометой «учащательный», например: *Додвигать и учащ. Додвигивать; Додвинуть, додвигаю и учащ. Додвигиваю. Двигая что, доводит что до надлежащего места. — Ящик неплотно вдвинут, довинь его. Нагоняю, нагнать и учащ. Нагнаиваю. Настигаю бегущего или ушедшего. — Пусти зайца в таком расстоянии, чтобы собаки нагнать его могли.* Пометой снабжены в словаре и глаголы на *-ыва/-ива* со значением кратности, не имеющие параллелей на *-а/-я*, например: *Взглядываю, -вать. В знаменовании учащат. поглядываю, часто возвожу, устремляю взор. — Часто на него взглядывает.*

В процессе уточнения и упорядочения видовых корреляций многие образования на *-ыва/-ива* со значением кратности были утрачены языком (*познакомливать, выпадывать, сыгрывать* и под.); в других же глаголах на *-ыва/-ива* ослабли или совсем исчезли оттенки кратности, и они стали служить чистыми коррелятами нс/в, сохранив в отдельных случаях употребления характер оттенков «интенсивной длительности» и «потенциальной повторяемости» действия.¹⁹

б) Широко приводится в словаре помета «учащательный» для бесприставочных глаголов нс/в с суффиксом *-а/-я*, сохранивших в своей семантике количественные оттенки действия. *Видаю, видать, гл. учащат. Часто кого или что вижу, бываю с кем где. — Когда ни бываю в сем доме, всегда множество людей видаю.*

При подаче эти глаголы обычно соотнесены с соответствующими непроеизводными глаголами. Они могут быть помещены в одной словарной статье с общим лексическим толкованием, например: *Боду, бости. Бодаю, забодать, учащат.: 1. Употребл. в 3 л. и значит: бью, ударяю рогами. — Бык, корова бодает;*

¹⁸ См. об этом: Н и к и ф о р о в С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952; П р о к о п о в и ч Е. М. Категория вида глагола в языке памятников русской письменности второй половины XVII в. (Видовая соотносительность). Автореф. канд. дисс. М., 1953; Ф е д о т о в а Н. А. Категория вида в русском литературном языке (глагольные суффиксальные образования с *ыва/-ива* в языке памятников XVII—XVIII вв.). Автореф. канд. дисс. Харьков, 1954.

¹⁹ См. об этом: Ш а х м а т о в А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, с. 158—160; В и н о г р а д о в В. В. Русский язык, с. 501, 508—510.

2. *Подстрекаю, понуждаю к бегу чем острым лошадь.* — *Всадник бодает коня бодцами.* Другие образования на *-а/-я* получили отдельные словарные статьи либо отсылочного характера, либо с определением через исходный глагол. Например: *Гневлю, гневить. Сержу, подвигаю на гнев.* — *Не гневи своих родителей. Гневаю, учащают. То же, что гневлю; Брячу, брячать. Ударяя в какое тело, произвожу пронзительный звук, но без звону.* — *Брячит кольцо. Узник брячит оковами; Брякаю, брякнуть, гл. учащают. Часто брячу.* — *Бряк, бряк во колечко.*

Подобным же образом разработаны словарные статьи на глаголы: *верзить—вергать, дать—давать, кропить—красить, кривить—кривлять, ломить—ломать, мигу—мигаю, мечу—метаю, мурлычу—мурлыкаю, пасть—падать, плещу—плескаю, роню—роняю, садить—сажать, стучу—стукаю, тисню—тискаю, толку—толкая, тычу—тыкая, щеплю—щепая* и некоторые другие. Глаголы с основой на *-а/-я* являются старейшим типом кратных глаголов в русском языке. Со временем этот древний тип кратных глаголов, изживая себя, сменился новым типом образований с суффиксом итеративности *-ыва/-ива*.²⁰

Оттенки количественных различий действия, выражаемого парными глаголами типа *стучу—стукаю*, постепенно стирались. Одни из этих корреляций были осмыслены как видовое противопоставление, ср., например: *пасть—падать, дать—давать, стрелить—стрелять, ронить—ронять* и др., так что глаголы *пасть, стрелить* и т. д. в значении нс/в вышли из употребления.²¹ Многие пары разрушились в результате утраты языком образований с чередованием согласных в основе как наиболее старых (*брячу, вержу, мигу* и под.).

Между членами сохранившихся пар сложились иные отношения. Эти глаголы в современном языке принадлежат к так называемым избыточным глаголам, имеющим двойные формы настоящего времени (*мурлычет—мурлыкает* и под.). Различия между формами чаще стилистические; в ряде случаев смысловые: глаголы с чередованием согласных в основе воспринимаются как устаревшие и отличаются от параллельных форм на *-а* более абстрактным значением и ограниченной сочетаемостью. Ср., например: *Двигать, двигает. Перемещать, толкая или таща что-нибудь.* — *Двигать ящики, вещи мебель; Двигать, движет. Побуждать, руководить.* — *Им движет какое-то чувство, воля.* Такого же типа соотношенность глаголов в парах: *тиснить—тискать, ронить—ронять, пасть* (устар. в знач. нс/в) — *падать* и др. Хотя изменилось прежнее соотношение между членами пар, у части глаголов на *-а/-я* и в современном языке сохранился

²⁰ См. об этом: О б н о р с к и й С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, с. 8—13, 51—55.

²¹ Ср.: глагол *пасть* в значении нс/в в ССРЛЯ дан с пометой «устар.» (IX 13); глагол *ронить* — с пометой «обл.» (XII 1457).

оттенки кратности действия. Эти действия могут быть представлены состоящими из отдельных актов; соответствующие глаголы получили в современной литературе название многофазисных или многоактных глаголов.²² Современные словари при подаче многоактных глаголов не отражают, как правило, характер протекания действия. Ср., например: *Колоть*, несов., перех. и неперех. *Касаться чем-нибудь острым, причиняя боль* (ССРЛЯ V 1194). Исключение составляет подача глагола *видать*: в СУ кратность действия отмечается в словарном толковании, в ССРЛЯ — и в толковании, и через специальную помету, ср.: *Видать*, несов. разг. *Видеть много раз, неоднократно. То же, что видеть в 1 знач.* (СУ I 288); *Видать*, несов. многокр. *Неоднократно, много раз видеть, встречать кого, что-либо* (ССРЛЯ II 353).

в) Пометой «учащательный» последовательно снабжены в САР глаголы, получившие в современной лингвистике название глаголов ненаправленного движения. Они определяются как образования, обозначающие разные способы движения субъекта и перемещения объекта в пространстве без указания на направленность (*бегать, летать, плавать, ходить; возить, водить, носить, таскать*). Каждый из них морфологически и семантически соотносится с соответствующим глаголом однонаправленного движения (*бегать—бежать; водить—вести* и т. д.).

Регулярная парность глаголов движения (в рамках нс/в) делает данную группу достаточно определенной по составу. Первичными (исторически) являются глаголы однонаправленного движения; образования со значением ненаправленного движения производные, более поздние по времени возникновения.²³ Семантические отношения между этими рядами глаголов основываются не только на признаке определенности/неопределенности движения в пространстве, но и на различиях в кратности/некратности действия: ²⁴ движение в разных направлениях уже не единичное действие.

²² См.: Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. — В кн.: Вопросы общего языкознания. Л., 1965, с. 78. В последующем изложении при обозначении СД нами используется терминология, которая приводится в указанной работе Ю. С. Маслова, а также в кн.: Бондарко А. В., Буланян Л. Л. Русский глагол. Л., 1967; и в докторской диссертации М. А. Шелякина «Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке» (Автореф. докт. дисс. Л., 1972).

²³ См. об этом: Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола, с. 8—55.

²⁴ А. А. Шахматов сопоставлял анализируемые глаголы движения именно на основе признака кратности/некратности действия, выделяя их в моторнократный и моторно-некратный подвиды нс/в. — См. в кн.: Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. М., 1952, с. 88—89. С. П. Обнорский, прослеживая историю развития кратных образований в русском языке, в числе древних кратных основ рассматривает и глаголы ненаправленного движения (См. Очерки по морфологии русского глагола).

Признак кратности действия присущ глаголам ненаправленного движения при употреблении их в любом конкретном значении: они могут обозначать движение в разных направлениях, выполнение действия не в один прием, действие длительное и повторяющееся (однонаправленное), действие как характерный признак субъекта или способность его к действию (результат переосмысления повторяющегося, ставшего обычным действия). В САР в лексических толкованиях глаголов ненаправленного движения отмечаются многие из этих оттенков кратности. Ср., например, следующие словарные статьи: *Бегают*, гл. недост., учащат. *Делать скорое движение от одного места к другому.* — *Олени бегают быстро; Бродить*, гл. нед., учащат. *Ходить туда и сюда.* — *Скот по полям бродит.*

Глаголы ненаправленного движения могут передавать движение в определенном направлении, осуществляемое не в один прием, например: *Таскаю*, гл. д., учащат. *Во множестве и в разные приемы волочу по земле или ношу на себе что куда.* — *Таскаю баграми из воды бревна. Таскать камень в грудь.* Отмечается также значение постоянного признака или способности субъекта к действию. *Летать*, гл. ср., учащат. *Иметь способность двигаться, носиться по воздуху посредством крыльев.* — *Птицам свойственно летать. Некоторые из рыб летают.*

У значительной части глаголов ненаправленного движения отмечается значение кратности и подчеркнутой длительности процесса. Характерной особенностью словарных статей на эти глаголы является то, что они содержат указание на смысловую соотнесенность данных образований с соответствующими парными глаголами однонаправленного движения как исходными. *Лазить*, гл. ср., учащат. *Означающий продолжаемое, повторяемое действие того, кто лезет куда.* — *Лазить по деревьям, лазить по вершинам гор. Лазить в воду.*²⁵ Для глаголов ненаправленного движения в САР разработаны также отсылочные статьи. Например: *Гонять*, гл. д., учащат. *То же, что гнать.* — *Гонять всякий день лошадей поить на реку; Катать*, гл. д., учащат. *То же, что катить в первых двух значениях.* — *Баснословие говорит, что Сизиф непрестанно катает на гору камень. Катать дитя по двору; Ездить.* *Означающий учащенные действия глагола ехать.* — *Ездить по морям, по чужим странам.*

Способ подачи глаголов движения представляется значительным достижением САР, и опыт подобной разработки глаголов этой

²⁵ Ср.: в ССРЛЯ в определениях для ряда глаголов ненаправленного движения отмечаются те же признаки. *Носить.* *То же, что нести (в 1-м зн.), но обозначает движение повторяющееся, неопределенно длительное, совершающееся в разное время.* — *Носить на руках ребенка.* — ССРЛЯ VII 1412. Статьи отсылочного характера тоже построены с учетом признака кратности у глаголов ненаправленного движения. *Плавать* (кратно к плыть в 1-м знач.). — См. ССРЛЯ IX 12181; *Таскать* (кратно к тащить в 1-м знач.) — См. ССРЛЯ XV 131; и др.

группы был использован последующими словарями русского языка.²⁶

г) Пометой «учащательный» снабжена значительная часть глаголов ис/в с приставкой *по-* и суффиксом *-ыва/-ива*. Эти глаголы выражают расчлененность действия (время от времени, иногда), совершающегося с неполной интенсивностью. Например: **Побранивать**, гл. д., учащат. *Слегка, изредка кого бранить, журить. — Он его часто побранивает, но его ничего не берет; Побрызгиваю, побрызгивать, гл. учащат. Часто или понемногу брызжу. — Дождь побрызгивает.* Образования именно этого типа приведены в качестве примеров в словарной статье, дающей толкование термина «учащательный» в САР (см. с. 123). Прерывисто-смягчительный характер протекания действия обозначен пометой «учащательный» у глаголов: *побаиваюсь, побалтываю, побеливаю, подбираю, поблаживаю, пображиваю, побрасываю, побренчиваю, побрызгиваю, побрякиваю, поваживаю, подвигиваю, поделываю, подергиваю, поискиваю, попрашиваю* и некоторых других.

Отдельные глаголы этой группы наряду с пометой «учащат.» имеют еще вторую — «умалительный», отражающую смягчительный оттенок действия. Ср., например: **Побаиваюсь**, гл. учащат. и умалит. *Трушу кого, страшусь кого; Подбираю, гл. учащат. и умалит. Беру часто и понемногу; Побрякиваю, и учащат. и умалит. Почасту брякаю, понемногу брякаю. — Деньги побрякивают. Побрякивает деньгами;* и некоторые другие.

Таким образом, в САР к учащательным глаголам отнесены четыре группы глаголов, неоднородных по значению и словообразовательной природе. Общим смысловым признаком, в соответствии с которым глаголы получили помету «учащательный», является выражение этими глаголами различных оттенков кратности: связанной с составным характером действия, с выполнением действия не в один прием, с движением в разных направлениях, с обозначением прерывистой, нерегулярной повторяемости действия.

Вторая грамматическая помета, использованная в САР для обозначения способа протекания действия, — «начинательный глагол». В словаре приводится толкование термина: «Начина-

²⁶ В современных словарях статьи на глаголы движения строятся по тому же принципу смыслового соотнесения парных глаголов. Наиболее последовательна и для всех глаголов единообразна подача этих слов в СУ, например: **Катить**, качу, катишь, несов. (ср. *катать*); **Катать**. То же, что *катить* в 1 и 2 знач., с той разницей, что *катить* обозначает действие в один прием и в одном направлении, а *катать* — движение повторяющееся и совершающееся в разное время, в разных направлениях. В ССРЛЯ при подаче глаголов движения принцип соотнесения основ проводится непоследовательно и не для всех глаголов. Так, глаголы *носить—нести, плавать—плыть, таскать—тащить, ходить—идти* и некоторые другие даны парными, а *гонять—гнать, ездить—ехать, лазить—лезть, возить—везти, водить—вести* не соотнесены между собой.

тельный, -ая, -ое. Прилагательное сие употребляется в грамматике к означению глаголов, которые показывают начинание перемены в действии или в состоянии чего, каковы, например, глаголы *запеть, заиграть, заговорить* и проч.» (САР² III 1265—1266).

а) В соответствии с примерами приведенной статьи пометой «начинательный» снабжены многие глаголы с приставкой *за-*, указывающие на приступ к действию: *завздорить, задичиться, замычать, заползать, заполоть, запрясть, зарезвиться, засиять, заспешить, затрубить, зафыркать, захвастать, захопотать, зашалить, защеголять* и др. Например: *Засверкать*, гл. ср., *начинат. Начать сверкать. — Молния засверкала, мечи засверкали.*

В тех случаях, когда словарная статья на глагол с приставкой *за-* объединяет омонимичные образования, помета «начинат.» приводится к соответствующему значению глагола. *Засудить*. 1) *В виде гл. начинат.: начать судить по какому делу. — Или губной староста в городах засудя суд. . 2) Строго судить или по суду приговорить к строгому наказанию. — Тебя за это засудят.*

б) Пометой «начинательный» отмечены также некоторые инхоативные глаголы, обозначающие постепенный переход в новое состояние (ср. толкование в САР этого термина: «начинание перемены в действии или состоянии»). Например: *Белею, побелеть. Глагол начинат. Бел становлюсь, делаюсь белым. — Там влажный флота путь белеет. М. Л.; Богатею, разбогатеть, гл. начинат. Становлюсь, делаюсь богатым, разживаюсь, начинаю быть богатым. — Богатеть день ото дня.* Тот же способ подачи в САР для глаголов *бледнеть, ботеть* ('становится тучным'), *брюхатеть, грязнеть* и некоторых других.²⁷

в) Помета «начинательный» встречается при нескольких образованиях с приставкой *раз-* и суффиксом *-ся*, которые обозначают действие, достигшее особой интенсивности проявления в результате постепенного развития, нарастания. Например: *Разбалливаюсь, разболеться, гл. начинат. Разнемогаюсь, начинаю чувствовать болезнь. — Голова разбалливается; от ушибу рука разбалливается.*

Таким образом, с помощью специальных грамматических помет в САР выделены группы глаголов, выражающих различные оттенки длительности и кратности действия, а также глаголы, обозначающие начало действия.

Две другие группы глаголов, выражающих отношения кратности действия, а также общерезультативные образования в САР оформлены иначе.

²⁷ Ср.: в грамматике М. Смотрицкого инхоативные глаголы составляют начинательный вид производных глаголов (*каменею, твердею*).

а) Первую группу составляют многократные глаголы, образующиеся с помощью суффиксов итеративности *-ыва/-ива, -ва* от бесприставочных основ, главным образом со значением наглядного, конкретного действия: *говаривал, хаживал, бывал*. В семантике этих образований обычно отмечаются признаки неправильной кратности или нерегулярной повторяемости действия в прошедшем, отделенном от настоящего.²⁸

В современном употреблении категория многократных глаголов угасающая, но в XVIII в. была очень продуктивной и употребительной, особенно в языке художественной литературы и в разговорной речи.²⁹

В ломоносовской системе 10 времен многократные образования составляют давнопрошедшее время, которому отводится центральное место в группе прошедших времен. Способ подачи многократных глаголов в САР соответствует их оценке в «Российской грамматике» как временных форм исходных глаголов: они не получили самостоятельного лексического толкования, но регулярно включены в словарные статьи соответствующих исходных глаголов. Например: *Вакситъ, вакишивать, навакситъ. Намазывать, натирать ваксою обувь. — Вакситъ, навакситъ сапоги*. Таким же способом оформлены все зафиксированные в САР многократные глаголы: *бить, бивать; быть, бывать; валять, валивать* и т. д.

б) Вторая группа — это одноактные глаголы с суффиксом *-ну*, обозначающие действие, выполненное однократно, в один прием и, как правило, мгновенно: *блеснуть, прыгнуть*. В «Российской грамматике» М. Ломоносова они рассматриваются как формы прошедшего однократного (*тряхнул, глонул, бросил, плеснул*) и будущего однократного (*тряхну, глону, брошу, плесну*) времени.³⁰ Соответственно оформлены данные образования и в САР: в качестве грамматических форм исходных глаголов они вписаны в соответствующие словарные статьи. Например: *Блистать, блеснуть. Сиять, издавать блеск. — Блеснула молния*. Оценка глаголов на *-ну* как видо-временных форм особенно отчетливо выражена в словарных статьях на многозначные глаголы с частичной видовой соотносительностью, например: *Зевать, зевнуть. 1) От склонности ко сну, от усталости или от скуки растворять принужденно рот. — Зевать от скуки, от побуждения ко сну; 2) Верхоглядничать, смотреть с глупым любопытством в разные стороны. В сим смысле однократные времена неупотребительны. — Зевает, ходя по улицам; Гремлю, греметь: 1) Стучу во что, звуки произвожу; 2) В отношении к грому, глагол сей употребляется в 3 л. и говорится в прошедшем*

²⁸ Грамматика русского языка АН СССР. М., 1952, т. I, § 758.

²⁹ В указанных работах Барановской В. Г., Федотовой Н. А. на материале памятников русской письменности XVII—XVIII вв. показана широкая употребительность многократных глаголов в исследуемый период.

³⁰ См.: Ломоносов М. В. Российская грамматика, § 263, с. 76—77.

однократном грянул, в буд. грянет, в неокончат. грянуть. — Гром гремит, грянул. Как грянет гром ужасный.

Следует отметить ряд словарных статей на одноактные глаголы, в которых отражена количественно-кратная сторона действия через толкование или отсылочное определение. *Мазнуть*, гл. недост. *Изъявляющий однократное действие глагола мажу. — Мазнуть плетью; Взглянуть*, недост. В знаменовании однократном употребляемый: единожды воззреть, устремить взор или открыть глаза; *Глонуть*, нед. Единожды пропустить что через горло. — Глони воды, так перестанет тошниться. Однако это лишь отдельные случаи использования определений; основным же способом подачи одноактных образований в САР является оформление их в одной словарной статье с исходным глаголом без толкования и помет. *Ахать, ажнуть; Бодать, боднуть; Брякать, брякнуть* и др. Традиция оценивать глаголы на -нуть как грамматические формы сохранилась в науке до последнего времени. В качестве чисто видовых коррелятов они рассматриваются в Академической грамматике,³¹ в некоторых учебных пособиях³² и в специальных исследованиях.³³ Отнесение одноактных образований к формам с/в в значительной мере объясняется близостью их значения к общему семантическому признаку с/в и возможностью поглощения значения одноактности общим значением с/в.³⁴

В этом отношении показательно, что в САР признак однократности отмечается наряду с образованиями на -ну и у некоторых других глаголов с/в — с частым конкретно-фактическим значением (действие мыслится как конкретный, единичный или повторенный ограниченное количество раз факт). Ср., например: *Сыграть*, сыграть. . 3. Иногда сей глагол употребляется только для означения какого-нибудь однократного действия, в таком случае в наст. и прош. несоверш. временах не употребляется: а) Сыграть несколько игр в карты, в шашки; б) Сыграть песню; в) Комедианты намерены сего дня сыграть комедию, оперу; или: *Класть*, гл. д. Полагать, помещать какую вещь, чтоб лежала. . Для изображения однократного действия заимствует прош. сов., буд. и неоконч. положил, положу, положить от глагола полагать.

Этим обстоятельством (близость значения одноактности к общему признаку с/в) определяется и тот разноречивый в лексикографической подаче образований на -ну, который наблюдается во всех

³¹ Грамматика русского языка. Т. I. М., Изд-во АН СССР, 1960, с. 431.

³² См., например, Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык. М., 1958, с. 330—331.

³³ Морозова М. И. 1) К вопросу о видовой соотносительности глаголов типа качать—качнуть. — Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, 1952, т. 73, вып. 6; 2) О видовой соотносительности глаголов в русском языке. — Учен. зап. Вологодск. пед. ин-та, 1961, т. 26.

³⁴ См. об этом: Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. М.—Л., 1941, с. 89; Виноградов В. В. Русский язык, с. 526.

последующих за САР словарях начиная со «Словаря церковно-славянского и русского языка» 1847 г. (Сл. 1847). Часть одноактных глаголов снабжены пометой «однокр.», отражающей значения одноактного СД, наряду с этим многие глаголы даются с пометой «сов.» Для примера приведем несколько статей из Сл. 1847 и из ССРЛЯ. Сл. 1847: *Брызнуть*, сов. гл. брызгать; *Вскрикнуть*, однокр. гл. вскрикивать. ССРЛЯ: *Скакнуть*, однокр. к скакать (1—6 зн.); *Скрипнуть*, сов. гл. скрипеть. Некоторые статьи на одноактные глаголы в анализируемых словарях содержат обе пометы. Например: *Забрызнуть*, сов. и однокр. гл. забрызгать (Сл. 1847); *Махнуть*, сов. и однокр. гл. махать (ССРЛЯ). Данный способ подачи представляется наиболее удачным, так как наиболее точно и полно отражает грамматическую и лексическую природу образований и характер отношений их с соответствующими исходными глаголами.³⁵

в) Как грамматические формы исходных глаголов даны в САР и приставочные глаголы с/в с общерезультативным значением.

Общерезультативные префиксальные глаголы с/в характеризуются тем, что приставка в них указывает лишь на факт простого достижения действием результата. В отличие от них семантика глаголов специальнорезультативных СД осложнена признаком, конкретизирующим характер того или иного результата, — это многочисленные оттенки интенсивности, качественных и количественных различий действия.³⁶

Подобно многократным и одноактным образованиям общерезультативные приставочные глаголы с/в помещаются в САР в одной словарной статье с исходными глаголами нс/в в качестве их форм совершенных времен. Ср., в соответствии с теорией М. В. Ломоносова, от «сложных» глаголов образуются две формы совершенных времен: прошедшее совершенное, например: *написал* от *пишу*; будущее совершенное: *напишу* («Российская грамматика», § 263, с. 77).

Однако эти общерезультативные глаголы, использованные в качестве коррелятов совершенных времен, получили в САР неодинаковое оформление и оценку. Одни из них подобно грамматическим формам лишены какой бы то ни было характеристики, другие же оформлены в отдельных словарных статьях с лексическим или отсылочным определением.³⁷

Конечно, подача общерезультативных глаголов в САР отли-

³⁵ А. В. Бондарко рекомендует такой же способ подачи одноактных глаголов в современном словаре (Глагольный вид и словари. — В кн.: Современная русская лексикография. Л., 1975, с. 50).

³⁶ Термины «общерезультативные» и «специальнорезультативные» глаголы введены в аспектологию Ф. Ф. Фортунатовым (Критический разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значение глагольных основ в литовско-славянском языке». — Сб. ОРЯС АН. Т. 64. СПб., 1897). Эти термины использованы Ю. С. Масловым, А. В. Бондарко.

³⁷ Варианты оформления общерезультативных глаголов рассмотрены нами в связи с анализом типов видовых пар, см. с. 120—121.

чается наибольшей противоречивостью и разнобоем в целом. Однако в САР среди многочисленных вариантов их оформления содержатся отдельные случаи, точнее сказать, элементы удачной разработки общерезультативных глаголов. Рациональным представляется отражение грамматической связи, соотнесенности их с соответствующими исходными глаголами нс/в (включение в одну статью с исходными глаголами). Наряду с этим выделение для общерезультативного коррелята еще самостоятельной статьи позволяет квалифицировать его как отдельное слово. Разработка и использование для ряда таких глаголов (*испортить, написать, осветить, отсыреть* и некот. др.) грамматических определений позволяет избежать ненужной тавтологии и отразить характер соотнесенности с исходным глаголом нс/в. Ср., например: *Хладеть, охладеть* (следует толкование); и *Охладетъ. Означает совершение в действии гл. хладеть.*

Таким образом, некоторые СД в САР получили оценку как грамматические явления: образования многократного, одноактного и общерезультативного СД представлены в качестве форм соответствующих исходных глаголов, а глаголы с различными значениями кратности и глаголы начинательного способа действия снабжены грамматическими пометами: «учащ.», «начин.».

Вполне закономерно, что такую интерпретацию получили именно эти перечисленные СД. Данные лексико-грамматические разряды глаголов обнаруживают наиболее тесную связь с категорией вида, наиболее грамматикализованы. Они отличаются значительной абстрактностью, особой широтой охвата глагольной лексики.³⁸ Этим же обстоятельством объясняется существующий и в современной научной литературе взгляд на одноактные,³⁹ общерезультативные⁴⁰ и даже начинательные⁴¹ образования как на грамматические формы с/в.

В САР находим зачатки отражения ряда СД через толкование значений глагольных приставок, через словарные определения производных от глаголов образований (причастий, отглагольных существительных и прилагательных).

³⁸ А. В. Бондарко предложено разграничение СД по степени «грамматичности» (См.: Б о н д а р к о А. В. 1) Виды глагола и способы действия в русском языке. — Русский язык в национальной школе, 1971, № 2; 2) Грамматическая категория и контекст, с. 32—35, 49—52).

³⁹ См. литературу на с. 131.

⁴⁰ См., например: В и н о г р а д о в В. В. Русский язык; Т и х о н о в а А. Н. Чисто видовые приставки в системе русского видового формообразования. — Вопросы языкознания, 1964, № 1, и др.

⁴¹ Ю. С. Маслов в одной из ранних своих статей образовал видовые пары: *рычать—зарычать, реветь—зареветь* и под. (Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. — Изв. АН, ОЛЯ, 1948, с. 314); Б. Н. Головин также считал начинательное значение в глаголах типа *забегать, закашлять, запрыгать* и под. «идеальным случаем грамматикализации» (Соотносительность глагольных основ и вопрос о месте видо- и формообразования современного русского глагола. — Учен. зап. Вологодск. пед. ин-та, 1958, т. 22, с. 309).

Наиболее полное и последовательное отражение нашли способы действия в САР через словарные толкования. Большим достижением словаря является опыт разработки типовых определений, применяемых для целых групп глаголов. В значительной степени благодаря этому вся система СД, выделяемых аспектологами на современном материале, отчетливо прослеживается в САР. Данные разряды СД представлены в таблице — см. с. 136—139.

Значения СД, объединяющих префиксально-производные слова, совпадают, как правило, с типовыми словообразовательными значениями или обобщают некоторые из них. Типовые определения, используемые в САР, свидетельствуют об учете составителями структурно-семантических особенностей производных глаголов. Значения СД приставочных глаголов являются определенными модификациями семантики исходных глаголов. Приставки в этих случаях не меняют вещественного содержания действия, а лишь определяют, конкретизируют характер его развития по отношению к пределу. Определения таких глаголов носят, как правило, полуграмматический характер: они состоят из исходного глагола с добавлением адвербиальных показателей, передающих характер той модификации, которую заключает в себе приставка для определенной в семантическом отношении группы глаголов:

Для приставочных глаголов тех способов действия, значение которых связано с ограничением процесса временными рамками, адвербиальный показатель обозначает временной предел действия. Этот предел выступает либо как начальная и конечная фаза действия («начать», «кончить», «окончить», «прекратить»), либо как ограничение длительности процесса каким-то временным отрезком («известное время», «долгое время», «недолго», «недолгое время», «несколько времени», «один раз», «единожды» и некоторые другие). Группы глаголов, выражающих различия в характере действий, выполняемых с особой интенсивностью или протекающих подчеркнуто длительно, в своих толкованиях содержат определители типа «много», «с излишком долго», «долее надлежащего», «слишком сильно» и подобные.

Особенно разнообразны количественные и качественные оттенки результативно направленного действия, выражающиеся глаголами специальнорезультативных способов действия. В типовых определениях для этих групп глаголов используются такие детерминативы как «несколько», «слегка», «сильно», «выше надлежащей меры», «все», «все без остатка», «совершенно», «надлежащим образом», «как следует», «с большим тщанием» и т. д.

В некоторых определениях вместо исходного глагола используется отглагольное имя существительное со значением процесса (*мять* — «мятье», *молотить* — «молоченье», *стрелять* — «стрельба», *сидеть* — «сиденье», *смотреть* — «смотренье» и подобные), например: *Намять. Посредством мятья наготовить чего в извест-*

ном количестве; *Перестреливаюсь*. Произвожу взаимную с кем стрельбу и подобные.

Типовые определения, выражающие значение СД, использованные в САР, можно представить схематично. Для группы терминативно-временных СД (см. таблицу на с. 136) определения составлены из двух компонентов — исходного глагола нс/в в соединении со словом или словосочетанием, указывающим на фазовую или количественно-временную модификацию действия, названного в основе исходного глагола.

Исходный глагол нс/в +	{	начать (<i>занесть</i>)
		перестать или окончить (<i>отшуметь, отслужиться</i>)
		некоторое время или недолго (<i>поработать</i>)
		слегка, изредка или исподволь (<i>помахивать, постоивать</i>)
		один раз (<i>прокричать</i>)
		долго или более надлежащего (<i>засидеться</i>) и некоторые другие.

Для ряда специальнорезультативных СД, передающих различные оттенки количественно- и качественно-результативных различий в характере протекания действия (см. таблицу на с. 139), типовая формула включает образование общерезультативного СД от исходного глагола в соединении со словами количественной и качественной оценки осуществленного или осуществляемого действия.

Общерезуль- тативный глагол или отглагольное сущест- вительное +	{	немного, слегка (<i>подбелить, покривить, прикрасить</i>)
		известное количество (<i>наискать, накопать</i>)
		много или все (<i>избороздить, выкупить</i>)
		многих или многое (<i>награбить, повысказать, перебудить</i>)
		тщательно, как следует (<i>вымесить, проконопатить</i>)
		заново, еще раз (<i>перечитать, перекрасить</i>)
		весьма или слишком (<i>разрядить кого, разубрать, пересушить</i>)

Следует отметить, что в САР не во всех случаях подачи конкретных глаголов значение СД выражается последовательно с помощью типовых определений. Это в первую очередь относится к передаче некоторых оттенков специальнорезультативного СД. Типовые определения, например, к образованиям качественно-оценочного СД, состоят из глагола + определителя «тщательно», «как следует» и под., например: *Промесить*. *Вымесить надлежащим образом*. — *Промеси хорошенько тесто; Умолоть*. *Хорошенько, впору смолоть; Выучиваю, выучить*. *Обучаю кого чему совершенно и под.*

Однако значения специального результата во многих случаях выражены описательно, путем раскрытия конкретного лексического значения производящей основы или приставки. Так, в толковании ряда образований с приставкой *про-* качественно-оценочного СД оттенок тщательности выполнения действия передается через раскрытие пространственного значения приставки

Способы действия	Глаголы	Толкование	Иллюстрация
1. Фазово-временные а) Начинательный б) Финитивный	<i>Замахать</i> , нед. <i>Возговорить</i> , нед. <i>Отцветая</i> , -сти <i>Отстрипаться</i> , нед.	Начать махать. После долгого молчания начать говорить. Перестаю цвести. Окончить стряпанье.	Птицы замахали крыльями. Как возговорит наш батюшка, православный царь. Отцвели деревья. Отстрипаться с кушаньем.
2. Детерминативно-временные а) Длительно-ограничительный б) Ограничительный	<i>Проплести</i> , нед. <i>Проплакать</i> , нед. <i>Прождать</i> , нед. <i>Помолчать</i> , нед. <i>Посердиться</i> , нед. <i>Проблечь</i> , нед. <i>Протрещать</i> , нед.	Употребить известное время на плетение Известное время провести в пла- кании. Долгое время ждать кого. Несколько времени провести в мол- чании. Недолго сердиться. Один раз подать голос блеянием. Одиножды треснуть, издать треск.	Проплела кружева целый ме- сяц. Проплакала целый день. Мы вас прождали целый день. Помолчав, сказал, начал го- ворить. Посердится, да перестанет. Овца в лесу проблеяла. Протрецала трещотка.
3. Терминативно-продолжительные и интенсивные а) Сативный б) Эксцессивно-длительный	<i>Насмотреться</i> , нед. <i>Засиживаюсь</i> , -дётся. <i>Заслушиваюсь</i> , -шаться	Наглядеться, удовольствоваться себя смотрением на что. Просиживаю, бываю где долго, бо- лее надлежащего. Занимаясь слушанием, пристра- щаюсь.	Неможно насмотреться на пре- восходство, на чистоту сея работы. Засиделись гости. Заслушался музыки.
в) Гиперноминативно-длительный г) Усилительный	<i>Перемачиваю</i> , -мочить <i>Перестаиваю</i> , -стоять <i>Расплясаться</i> , нед.	С излишком мочу, долее надлежа- щего во влажности держу. Стоя долго, утомляюсь. Получить охоту, разохотиться пля- сать.	Перемочил яблоки. Перестоял ноги. Расплясалась в хороводе.

д) Эксцессивно-кратный	Иссидеться, нед.	От продолжительного сидения похудеть.	Наседка, сидя на яйцах, исси-делась.
е) Эксгаустативный	Упиваюсь, -питься Усоливаться, нед.	Допьяна напиваюся. Быть проникнуту солью до по-гребной степени.	Егда упиются. Иоан. 10. Усолились огурцы.
ж) Финально-отрицатель-ный	Договариваться, -иться Догоуливать, -ять	Говоря много, навлекать на себя что-нибудь неприятное. Живя развратно, дойти до ка-кой беды.	Договориться до стыда, до слез. Догоулять тебе до чего-нибудь.
4. Итеративные			
а) Прерывисто-смягчитель-ный	Помачиваю, -вать	Изредка, слегка мочу.	Помачивай рану примочкой.
б) Процессно-сопроводи-тельный	Прибаюкивать Подпеваю, -вать	Припевать, люлюкать, усыпляя младенца. Пою, припоровливая голос свой к голосу другого поющего или ко звуку мусикийного орудия.	Дитя, качая, прибаюкивать. Подпевать под музыку, под голос другому.
в) Процессно-длительный	Распеваю, -вать	Пою протяжно.	Ходя, распевает.
г) Дистрибутивно-взаимный	Пересвистываюсь, -таться, взаимн. Перестреливаюсь, -ваться, взаимн.	Попеременно с кем свещу. Произвожу взаимную с кем стрельбу.	Соловьи пересвистываются. Перестреливаться с неприятелем.
5. Количественно-результативные			
а) Смягчительный	Попортить Подмываю, -мыть Прихрамывать	Несколько повредить. Слегка поверхность чего или не-которую часть чего мою. Несколько, слегка хромать.	Попортить пружину. Подмывать, подмыть пол. Он на одну ногу прихрамы-вает.
б) Тотальный	Испахать, нед. Вытравливаю, -ить.	Все взрыть сохой, ралом. Допускаю, чтобы скотина совер-шенно траву или хлеб на корню съела.	Испахать поле, пашню. Вытравили все выгоны около города.

Способы действия	Глаголы	Толкование	Иллюстрация
в) Длительно-усилительный	<i>Добуживаться, -иться</i>	С трудом кого ото сна пробудить.	Он так крепко разоспался, что я его насилу добудился.
г) Интенсивно-квалифика- тивный	<i>Напугать, нед.</i>	Настращать, навести на кого великий страх.	Этот случай напугал много.
д) Интенсивно-усилитель- ный	<i>Вымаливать, -ить</i>	Через усердную просьбу выпрашивать, преклонять кого к чему	Вымолить у бога.
	<i>Упрашивать, -сить</i>	Просьбою, прошением склоняю, убеждаю кого в чем.	Насилу мы его упросили, что-бы он простил.
е) Аугментативно-квалифи- кативный	<i>Разряжаю, -дить</i>	Весьма, очень, слишком наря- жаю, убираю его.	Разрядили невесту к венцу.
	<i>Распрашиваю, -сить</i>	Делаю подробные кому вопросы, стараюсь выведать обо всем точнее.	Расспросить у кого о каком деле.
ж) Эксцессивно-размерный	<i>Перерастаю, -сти</i>	Выше надлежащей меры вырасти.	Рассада переросла.
з) Эксцессивно-воздействи- ющий	<i>Застрачиваю, -щать</i>	Стращая кого часто, делаю бояз- ливым, робким.	Его с малых лет застращали.
6. Количественно-объем- ные			
а) Комплетивный	<i>Досыпаю, -ать</i> <i>Примолачиваю, -тить</i>	Сыпя, дополняю. Прибавляю к смолоченному по- средством молочения.	Досыпать четверик крупы. Вымолоченных зерен недоста- ет в меру, надобно еще при- молотить.
	<i>Подсаживаю, -дить</i>	К посаженному в землю при- бавляю саженьем вновь.	Много пропало капусты, на- добно посадить рассады.
б) Финально-комплетивный	<i>Дометываю, -тать</i>	Оканчиваю метанье чего.	Дометать стог сена, кучу ка- меньев.

в) Накопительный	Намять, нед. Напариваю, -рить	Посредством мятя наготовить чего в известном количестве. Много чего посредством паренья приготовить.	Намять глины, пеньки. Напарить репы.
г) Дистрибутивно-суммарный	Поморить, нед. Перемолачиваю, -тить Распоить, нед.	Во множестве кого истребить мором, морозом. Все без остатка молочу. Поя, много (все) истратить на-питков.	Заселяя сии места, много людей поморили. Перемолотили весь хлеб. Бочку пива распоил.
7. Качественно-результативные			
а) Качественно-оценочный	Промесить, нед. Умолачиваю, -тить Выминаю, -мять	Вымесить надлежащим образом. С большим тпанием молочу. Говоря о льне, глине, проч.: посредством мятя совершенно смягчаю.	Промеси хорошенько тесто. Снопы нехорошо умолотили, в них много зерен осталось. Вымять глину, пеньку, ско-робленую ирху.
б) Осложненно-характеризующий	Выписывать, -сать	Говоря об учении писать; начер-тывать, изображать по прописям буквы и склады.	Мальчик выписывает вед.
в) Реферативно-повторительный	Переминаю, -мять	Сызнова что мну.	Перемять глину, пеньку.
г) Перспективный	Закупаю, -ить Предрекаю, -чь	Заготовляю, запасая что, по-купаю. 1. Предварительно о чем говорю. 2. Предсказую будущее.	Закупить харчу на некоторое время. Якоже предрекох, а ныне вам глаголю. ...предрекохом вам, яко имамы скорбети, еже и бысть.

про- (определители «насквозь», «внутри»). **Прожарить.** Держать в жару, чтобы прохватило им насквозь. — **Прожарить** гуся (ср. определение ССРЛЯ. Жарить до полной готовности, как следует); **Промазать.** Мазать в промежутках и в отверстиях чего. — **Промазать** дегтем ступицу и колеса (ССРЛЯ: Замазывая смазывать, как следует).

Представляется, что и объективно далеко не все значения специального результата можно передать с помощью единой формулы. Тесная взаимосвязь значений глагола и приставки часто определяет сугубо индивидуальное толкование или вызывает варьирование типового определения в рамках одного СД.

В качестве удачного примера варьирования типового определения можно привести толкование финитивных глаголов с приставкой *от-*. Одна часть этих образований определяется: «перестать» + исходный глагол. Например: **Отцветаю, отцвети.** Перестаю цвести. — **Отцвели** яблони, вишни, розы; **Отхотеть.** Перестать хотеть, отложить охоту; **Отзвонить.** Перестать звонить. — *К заутрене уже отзвонили.* Приведенные глаголы обозначают факт простого прекращения действия во временном плане. Этим определением снабжены в основном образования от неопределенных глаголов состояния, речи, звучания, от глаголов, обозначающих зрительные восприятия (*отговорить, отшуметь, отколотить, отгореть* и др.). Для финитивных глаголов со значением различных трудовых процессов, целенаправленных действий приводится другая формулировка: «кончить», «окончить» + отглагольное существительное со значением процесса, названного в производящей основе. Например: **Отсушивать, отсушить.** Оканчивать сушение чего. — *Отсушивши рожь, снопы начали молотить; Отсеять, нед. Окончить сеяние.* — *Отсеять* господский посев. В подобных случаях момент прекращения действия совпадает с полным завершением процесса или с выполнением определенной «нормы», меры действия. Указание на меру действия включено в толкование некоторых финитивных глаголов. **Отписывалось, отписаться.** Оканчиваю то, что писать начал, или должно было. — *Насилу отписался; Отстаиваю, отстоять.* Стоя, оканчиваю то время, которое по обязанности простоять где-нибудь надобно. — *Он отстоял свои часы на карауле.*

С другой стороны, в САР наблюдается неоправданное употребление типовых определений, спорные случаи толкования. В этом отношении показателен пример использования типового толкования «начать» + исходный глагол. Состав глаголов, которые получили типовые начинательные определения в САР, свидетельствуют о более широком понимании начинательности, представленной в дефинициях словаря.

Понятие начала действия — это понятие временное, указывающее на возникновение действия со всеми характеризующими его

признаками, во всей полноте его проявления.⁴² Главным, таким образом, в значении начинательных глаголов является модальный компонент (действие из «небытия» стало фактом «бытия»).

Значение начала действия у многих «начинательных» глаголов в САР связывается не с модально-временным, а с количественным признаком, указывающим на «неполноту» осуществления действия. Таковы соотносительные по виду глаголы с приставкой *за-*: *Закисать*, *закиснуть*. *Начинать киснуть*. — *Квас закисает*, *молоко закисло*; *Засыпать*, *заснуть*. *Начинать спать*. — *Лежа в постели, слуга заснул*; *Загнивать*, *загнить*. *Начинать гнить*, *портиться*. — *Хлеб загнил*. Приведенные глаголы передают не начинательное значение (факт возникновения действия во всей полноте проявления его признаков), а инхоативно-результативное. Они обозначают процесс появления первых признаков нового состояния, постепенное их накопление (в формах несовершенного вида) и результативное завершение этого процесса, обозначенного в формах совершенного вида. Ср. приведенные иллюстрации: *квас закис*, *слуга заснул*.⁴³

Нельзя, вероятно, признать начинательными и глаголы типа: *Заваривать*, *заварить*. *Начинать что варить*, *делать начин варению*. — *Заварить пиво*, *заварить кашу*; *Закладывать*, *закласть*. *Начинать класть или строить что*, *полагать, основание здания*. — *Заложить дом, церковь*; *Засватывать*, *засватать*, *гл. начинат*. *Начинать сватать*, *делать кому предложение*. — *За него засватали богатую невесту*. Эти образования имеют в своем значении элемент начинательности, но начинательность их носит тоже не фазово-временной характер (ср. *засверкать*, *зашуметь*); они обозначают направленность к результативному завершению начального этапа действия (в формах *нс/в*) и факт достижения этого результата (в формах *с/в*).

Ассоциирование с началом действия признаков неполноты, ослабленности или нерегулярности его проявления обнаруживается в толковании других приставочных глаголов. *Подмерзает*, *подмерзнуть*. *В виде безл. Начинает мерзнуть*. *На дворе подмерзло*. *Подмороживает*. *В образе гл. безлич. Начинает мерзнуть*; *Попалзываю*, *попалзывать*. *Начинаю ползать*; *Пображивать*. *Начинать ходить после болезни*. *Больной уже пображивает*.

Обозначение воздействия на часть поверхности предмета (одно из проявлений неполноты осуществления действия) тоже интерпретировано в САР как начинательное значение. *Задира́ть*, *задрать*. *Начать драть (кору с дерева)*; *Заламывать*, *заломать*.

⁴² См., например, понимание А. А. Шахматовым начинательного значения как такого, которое показывает «полноту его [действия] проявления в его начале» (Синтаксис русского языка, Л., 1941, с. 472).

⁴³ В современных словарях некоторые глаголы указанного типа характеризуются как начинательные, например, в ССРЛЯ: *Загнивать*, *загнить*. *Начать гнить*, *подвергаться гниению*; *Задремывать*, *задремать*. *Начинать дремать*.

Начать ломать что (ветку, прут); Закусывать, закусить. Начинать кусать. Закусить яблоко, грушу. Начинательное толкование глаголов в приведенных примерах не является механическим использованием типовой формулы к случайным явлениям; оно связано, вероятно, с несколько другим, более широким, пониманием начинательности, т. е. в определенном смысле семантически «оправданно».⁴⁴

Таким образом, проанализированный материал САР позволяет сказать, что уже в первом академическом словаре, созданном в XVIII в., когда отсутствовала видовая теория и разработка вопросов словообразования, получили отчетливое выражение и категория вида, и связанные с ней лексико-грамматические разряды глаголов. В теоретическом плане эти явления были осмыслены и решены позднее, и, думается, что немалая роль в развитии грамматической мысли XVIII—XIX вв. принадлежит и САР. В частности, материал Академической грамматики 1802 г. заметно свидетельствует об обновляющем воздействии на грамматику лексических материалов, добытых лексикографами САР. Эту связь с САР отмечают и авторы Российской грамматики.⁴⁵

Задуманный первоначально как практическое руководство к красноречию (наряду с Грамматикой, Пиитикой, Риторикой), САР оказался и значительным научным трудом, источником знаний о системе русского языка XVIII в.

Показания САР не утратили своей научной ценности и для современной теории. В частности, например, лексикографический материал САР явно свидетельствует в пользу признания различной природы процессов перфективации и имперфективации; характер разработки СД выявляет грамматическую значимость этих групп глаголов, тесно связанных с категорией вида.

Что касается лексикографической практики, то САР до сих пор остается интересным и полезным источником: в нем содержится богатейший опыт разработки словарных определений любого типа, из которых наибольшую ценность представляют типовые определения, построенные с учетом структурно-семантических свойств слов, разработка определений полуграмматического и грамматического характера. Уместно в связи с этим привести оценку САР И. Калайдовичем: «Как первый опыт, он далек от совершенства, но это опыт исполина, и будущий лексикограф признает с благодарностью имена облегчивших тяжелую работу его».⁴⁶

⁴⁴ Ср.: В. Шмиляуер тоже относит к начинательным глаголам такие, как чешск. *nakousnouti* (=надкусить), чешск. *nařisnouti* (=надрезать). (Š m i l a u e r V. Slovesný vid a způsob slovesného děje. První hovory o českém jazyce. Praha, 1964, s. 93).

⁴⁵ См. об этом: Российская Грамматика, сочиненная императорской Российской Академией. СПб., 1802, Предисловие.

⁴⁶ К а л а й д о в и ч И. Замечания на словари Академии Российской. — Русский зритель, 1829, № 5, с. 69.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ НА *-ический*
В СЛОВАРЕ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ
И В СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII в.

На формирование лексико-словообразовательной системы прилагательных русского языка известное влияние оказали иноязычные заимствования. Многие модели, по которым идет активное образование прилагательных до настоящего времени, сложились именно в XVIII в. В результате приспособления заимствованных прилагательных к языковой системе русского языка вычленились и оформились суффиксы *-ическ-*, *-альн-*, *-арн-*, *-озн-* и др. В настоящей статье рассматриваются приемы лексикографической разработки прилагательных на *-ический* (ср. *исторический*, *физический* и т. п.) в Словаре Академии Российской 1789—1794 гг. (САР¹) и некоторые рекомендации способов их подачи в подготавливаемом в настоящее время в Словарном секторе Института русского языка АН СССР (Ленинград) Словаре русского языка XVIII века. Перед составителями Словаря русского языка XVIII в. возникает ряд вопросов, связанных с построением заглавной строки для таких прилагательных, с их размещением в словаре, показом их этимологии и т. д.

Из всех прилагательных от иноязычных основ большая группа прилагательных с суффиксом *-ическ-* выделяется сложностью семантической структуры, спецификой соотносительности с производящими основами, этимологии, взаимодействия однокоренных синонимов и дублетов. Они и являются предметом рассмотрения в этой статье.

История прилагательных с суффиксом *-ическ-* и его вариантами *-тическ-*, *-стическ-*, *-истическ-*, *-атическ-* (ср.: *атлетический*, *акустический*, *географический*, *герметический*, *энтузиастический*, *материалистический*, *эпиграмматический* и т. п.)¹ начи-

¹ Генетически суффикс *-ическ-* восходит к гр. *-іχος*, фр. *-іque* (В и н о г р а д о в В. В. Русский язык. М.—Л., 1947, с. 215, 229). В дальнейшем прилагательные с суффиксом *-ическ-* и его вариантами будут рассматриваться вместе. Содержащие иноязычные аффиксальные элементы суффиксы *-тическ-*, *-стическ-*, *-истическ-*, *-атическ-* мы не имеем оснований рассматривать как вполне сформировавшиеся и дававшие в XVIII в. образования на русской почве. Эти суффиксы еще претерпевали процесс вычленения и формирования (ср. парные соответствия *элегический* и *элегический*, *силлогистический* и *силлогизмический*, *софистический* и *софизмический* и т. п.). Суффикс *-еск-*

нается на рубеже XVII—XVIII вв., история их лексикографического описания — со Словаря Академии Российской 1789—1794 гг. (САР¹). Однако в этом словаре прилагательные на *-ический* представлены ограничено, хотя ко времени его создания и выхода в свет они составляли в русском языке весьма обширную группу.

Из многих сотен слов на *-ический*, встречающихся в памятниках русского языка XVIII в. и выполнявших разнообразные функции, в САР¹ нашла свое отражение очень незначительная их часть — всего около 40 слов: *академический*, *алгебраический*, *акустический*, *алкалический*, *аллегорический*, *алхимический*, *анатомический*, *аристократический*, *арифметический*, *ароматический*, *астрологический*, *астрономический*, *аэрологический*, *бальсамический*, *ботанический*, *географический*, *геометрический*, *гимназический*, *грамматический*, *димократический* (так!), *догматический*, *драматический*, *еретический*, *ипохондрический*, *ироический*, *иронический*, *истерический*, *исторический*, *канонический*, *классический*, *конический*, *кристаллический*, *критический*, *лирический*, *логический*, *меланхолический*, *металлический*, *металлургический*, *метафизический*, *метафорический*, *механический*, *риторический* (ре-), *силлогизмический*, *символический*, *симпатический*, *топографический*, *тригонометрический*, *физиологический*, *физический*, *филологический*, *философический*, *химерический*, *химический*, *хирургический*, *хореический*, *хронологический*, *цилиндрический*, *электрический*, *эпиграмматический*, *эпический*.

Можно лишь предположительно назвать причины, по которым так неполно вошли в САР¹ слова рассматриваемого ряда. Среди них немаловажное значение имеют пуристические тенденции его составителей. Уже неоднократно отмечалось, что иноязычная лексика включалась в САР¹ очень осторожно, тщательно отбиралась, и поэтому значительный пласт слов, как непосредственно заимствованных, так и производных от них, прочно вошедших в русский язык XVIII в., остался за пределами САР¹. С этой причиной ограниченного включения в словарь слов на *-ический* тесно связана и другая. Специфический и довольно узкий круг источников словаря не позволил его авторам учесть многие из таких прилагательных, которые в XVIII в. функционировали свободно.

Так, не вошли в САР¹ ставшие широко употребительными уже к 50—70-м годам XVIII в., т. е. ко времени собирания материалов для словаря и начала работы над его составлением, такие прилагательные, как *антарктический* (Геогр. ген. 1718 569),² *апоплектический* (Аничк. Расс. из богосл. 1769. 17), *арго-*

с предшествующим звуковым комплексом *-ич-* у прилагательных, мотивированных существительными на *-ика*, *-ик* (ср. *физика*, *физик*), рассматривается как вариантный по отношению к *-ическ-* (см. об этом: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в. М., 1964, с. 383).

² Здесь и далее в скобках указывается первая фиксация данного прилагательного.

навтический (Трет. Сл. 1768 20), *арктический* (Геогр. 1710 9), *артритический* (ТВЭО 1765 II 25), *аттический* (Арифм. Магн. 33), *буколический* (О изобрет. 1720 31), *венерический* (Кн. мир. 1717 139), *генеалогический* (Прим. на Вед. 1729 229), *геральдический* (Шхонб. 1710 5), *гидравлический* (Прим. на Вед. 1742 60), *гиперболический* (Приемы цирк. 45), *готический* (Прим. на Вед. 1739 352) и т. д. Перечень таких прилагательных до конца алфавита занял бы несколько страниц. За пределами приведенного списка слов на *-ический* остались и такие, которые уже в XVIII в. или позднее вышли из употребления, не закрепившись в языке. Ср.: *азиатический*, *acroаматический*, *акростический*, *амфитеатрический*, *арсеникалический*, *астролябический*, *афрический*, *бахантический*, *витриолический*, *ганзеатический* и др.

Если просмотреть список слов на *-ический*, включенных в САР¹, то обращает на себя внимание продуманность их отбора. В их числе нет ни одного случайного слова, и все они прочно вошли в лексический фонд русского литературного языка XIX—XX вв.

Значительная часть слов на *-ический* вошла в САР¹ благодаря особому вниманию его авторов к терминологической лексике.³ Среди них наиболее полно представлены прилагательные, мотивированные названиями наук (*алгебраический*, *анатомический*, *арифметический*, *астрономический*, *ботанический*, *географический*, *геометрический*, *исторический*, *логический*, *тригонометрический*, *физический*, *химический*, *философический*, *физиологический* и др.), термины физики, химии, математики, астрономии (*акустический*, *алкалический*, *а рологический*, *аэрометрический*, *конический*, *кристаллический*, *металлический*, *цилиндрический*, *электрический*), поэтические и филологические термины (*аллегорический*, *драматический*, *классический*, *лирический*, *метафорический*, *риторический*, *филологический*, *хореический*, *эпиграмматический*, *эпический*) и др.

Почти вне поля зрения составителей САР¹ осталась группа лексики на *-ический*, ставшей уже в XVIII в. широко употребительной не только в научных и специальных жанрах, но и за их пределами. Так, например, прилагательные *готический*, *политический*, *меланхолический*, *органический* и многие другие, имевшие сложную семантическую структуру и вполне усвоенные русским языком, не были включены в САР¹. Ср., например, *готический* (впервые зафиксировано в Прим. на Вед. 1739 352) 'относящийся, связанный с определенным стилем архитектуры' (ср. *готическое строение*, *здание*, *зодчество*, *готическая архитектура*); 'средневековый' (ср. *готические рыцари*); 'варварский, дикий' (ср.: *Вымысл сей оледенелый есть Готический, а не Еллинское и Латин-*

³ О принципах включения в САР¹ терминологической лексики см.: Б и р ж а к о в а Е. Э. Описание фразеологического состава русского литературного языка XVIII в. в Словаре Академии Российской. — В кн.: Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII в. М.—Л., 1965, с. 258—260.

ское, благорастворенным жаром блистающее и согревающее окончательство. Трд. Тилем. Предызъясн. с. ХХХVIII).

В силу ряда причин в САР¹ не нашла своего отражения сильная вариативность прилагательных на *-ический*.

То обстоятельство, что модели, по которым шло образование прилагательных от иноязычных основ, в XVIII в. еще только складывались, обусловило особую, повышенную вариативность таких прилагательных, наличие большого числа тождественных по значению и словопроизводственным связям однокоренных разносуффиксальных дублетов.

Так, например, прилагательные, мотивированные существительными *академия*, *география*, *герой*, составляли в XVIII в. многокомпонентные ряды словообразовательных дублетов: *академический*, *академичный*, *академийский*, *академский*, *академицкий*; *географический*, *географский*, *географицкий*; *героический*, *героичный*, *геройский*, *геройственный*. В САР¹ были включены лишь первые компоненты указанных рядов *академический*, *географический*, *героический* (*уро-*), ставшие уже к моменту его составления нормативными.

К середине XVIII в. прилагательные на *-ический* становятся фактом системы русского языка, бесспорным свидетельством чего является наличие производных от них. Авторы САР¹ стремятся по возможности полно отразить в нем производные от прилагательных на *-ический*, включенных в словарь. В частности, последовательно включаются наречия на *-ски* типа *арифметически*, *грамматически*, *догматически* и т. п.

Вместе с тем отметим, что не все типы производных от прилагательных на *-ический*, свободно функционировавших в языке XVIII в., зафиксированы САР¹. Так, в нем не отмечаются наречия с приставкой *по-* типа *по-химически* (*Двумя средствами можно получать... масло гвоздичное; двоением в кубик, и чрез так называемое по Химически спускание, per descensum*. Сл. комм. II 82); *по-астрономически* (*Таким образом, сия комета, по Астрономически говоря, шла порядочным путем*. Прим. на Вед. 1742 147); сложения типа *анapesto-ямбический*, *анатомо-физиологический*, *дактило-хореический*, *пантомимо-героический* и т. п.

Все изложенное свидетельствует о том, что описание словообразовательного разряда прилагательных на *-ический* в историческом словаре русского языка XVIII в. связано с решением многих сложных вопросов, совсем не затронутых или затронутых лишь частично в САР¹.

Перед авторами будущего Словаря русского языка XVIII в. стоит задача описания указанного лексико-словообразовательного разряда в соответствии с тем его положением, которое он занимает в лексической системе русского языка этого периода.

Своеобразие прилагательных на *-ический* состоит в том, что они по деривационным отношениям и по этимологии составляют неоднородную группу. Значительная их часть принадлежит к за-

имствованным словам, оформленным в соответствии с грамматическими и словообразовательными нормами русского языка (ср. *экзотерический*, *эластический*, *тихонический*, *топический* и т. п.). Не менее обширен ряд таких прилагательных, о которых с большей или меньшей степенью вероятности можно сказать, что они образовались на русской почве от заимствованных существительных (ср. *термометрический* < *термометр*, *типографический* < *типография*, *тиранический* < *тиран* и т. п.). Не была исключена также возможность одновременного (или с небольшим разрывом во времени) образования прилагательного от существительного и его заимствования (ср. *периодический* < *период* и *периодический* < фр. *périodique*, гр. *περιοδικός*).

Вопрос о деривационных и этимологических связях подобных прилагательных требует не только индивидуального решения для каждого случая, но и рассмотрения общих специфических приемов подачи таких прилагательных в словаре в частности принципов их определения, этимологизации, построения заглавной строки и т. д.

Особенности толкования слов на *-ический* в подготавливаемом Словаре русского языка XVIII в. связаны с их принадлежностью к разным лексико-семантическим разрядам (качественные или относительные прилагательные), с их этимологией (непосредственное заимствование или образование на русской почве), с их деривационными связями.

В САР¹ для таких слов применяются разные типы толкований:

1) **С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е т о л к о в а н и я.** Ср.: *Акустический*. К Акустике принадлежащий, или относимый (I 15); *Геометрический*. К геометрии принадлежащий (II 33); *Хирургический*. Прилежащий, относящийся до хирургии (VI 534).

2) **О п и с а т е л ь н ы е т о л к о в а н и я**, содержащие краткую характеристику значения слова. Ср.: *Ароматический*. Имеющий вкус пряной и запах приятный (I 48); *Арифметический*. К науке о числах и употреблению оных принадлежащий (I 46); *Химерический*. Основанный на пустом воображении (VI 532).

3) **О п р е д е л е н и я ч е р е з с и н о н и м и ч е с к и е или эквивалентные соответствия.** Ср.: *Симпатический*. Единосвойственный (V 449); *Физический*. Естественный (VI 485); *Филологический*. Любословный (VI 488).

4) **О п р е д е л е н и я, о т с ы л а ю щ и е к с и н о н и м и ч е с к и м и эквивалентным исконно русским словам.** Ср.: *Географический*. Зри Землеописательный (II 32); *Демократический* (так!). Зри Народоначальственный, Народодержавный (II 671); *Топографический*. Зри Местоописательный (VI 186).

5) **С л о в о о б р а з о в а т е л ь н о е о п р е д е л е н и е в с о ч е т а н и и с с и н о н и м а м и или эквивалент-**

т а м и. Ср.: *Исторический*. Приличный, свойственный истории; дееписательный, повествовательный, бытописательный (III 317); *Символический*. Знаменательный; содержащий в себе символ (V 449); *Хронологический*. Времечислительный; принадлежащий, касающийся до хронологии (VI 594).

Приведенные примеры показывают, что составители САР¹ определяют прилагательные на *-ический* по общему принципу, принятому и для всех других разрядов прилагательных: относительные прилагательные получают словообразовательное определение, качественные толкуются описательно или через синонимы.

Вместе с тем в САР¹ встречаются случаи непоследовательности в толковании одних и тех же типов слов (ср. описательное толкование прилагательного *арифметический* при наличии производящего *арифметика*, отсылочное определение прилагательного *географический* при наличии производящего *география* и др.). Нетрудно заметить тенденцию составителей словаря заменить иноязычные слова русскими эквивалентными образованиями, преимущественно сложениями — кальками, созданными по принципу внутреннего перевода (ср.: *демократический* — *народоначальственный*, *народодержавный*; *топографический* — *местоописательный*; *филологический* — *любословный*; *хронологический* — *времечислительный* и т. п.).

Но общий принцип толкования качественных и относительных прилагательных, принятый в САР¹, остается неизменным в последующих словарях русского языка XIX—XX вв. Он сохраняется и в Словаре русского языка XVIII в.

Описательные толкования в Словаре русского языка XVIII в. будут применяться прежде всего для тех прилагательных на *-ический*, которые были непосредственно заимствованы из иноязычного источника и не соотносились с существительными в русском языке ни в словообразовательном, ни в семантическом отношении. Таковы, например, прилагательные *казуистический* (*казуистика* впервые фиксируется в середине XIX в.⁴), *категорический* (ср. нем. *kategorisch*, фр. *catégorique*),⁵ *классический* (ср. лат. *classicus*, фр. *classique*; сущ. *классик*, *классика* и *классицизм* источники XVIII в., по данным Картотеки Словаря русского

⁴ По данным справочного отдела Словаря современного русского литературного языка АН СССР в 17 томах (ССРЛЯ), впервые зафиксировано в Словаре Толля (Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. Под ред. Ф. Толля и В. Р. Зотова. Т. I—III. СПб., 1863—1864).

⁵ Сведения об этимологии слов здесь и дальше взяты из этимологических словарей русского языка А. Г. Преображенского (Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1959), М. Фасмера (Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964—1973), Н. М. Шанского (Этимологический словарь русского языка. Т. I, вып. 1—5. М., 1963—1973), а также из Хронолого-этимологического словника в кн.: Б и р ж а к о в а Е. Э., В о й н о в а Л. А., К у т и н а Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972, с. 337—408.

языка XVIII в., не фиксируют), *концентрический* (ср. лат. *concentricus*, фр. *concentrique*.), *герменевтический* 'изъяснительный, способный к изъяснению, толкованию' (ср. гр. *ἐρμηνευτικός*), *готический* (ср. лат. *gothicus*, фр. *gothique*, нем. *gotisch*) и др. Не соотносились с существительными в русском языке XVIII в. прилагательные *аналитический*, *прагматический*, *специфический*, *статистический*, *хроматический* и др. Отношения типа *герменевтика* — *герменевтический*; *готика* — *готический*; *эклектизм* и *эклетика* — *эклектический*; *перистальтика* — *перистальтический*; *прагматизм* — *прагматический*; *статистика* — *статистический*; *хроматизм* — *хроматический* и т. п. не были свойственны русскому языку XVIII в. Лишь в единичных случаях уже в XVIII в. наблюдалась соотносительность прилагательных на *-ический* с отвлеченными существительными (например, *патриотизм* — *патриотический*, *лаконизм* — *лаконический*, *софизм* — *софистический*).⁶

Таким образом, при толковании прилагательных на *-ический* при составлении Словаря русского языка XVIII в. важно принимать во внимание их реальные деривационные и лексико-семантические связи и отношения, существовавшие в XVIII в. Ср. соответствующую рекомендацию Проекта Словаря русского языка XVIII в.: «Применение словообразовательных определений предусматривается в Словаре в основном для тех слов, словопроизводственные связи которых совпадают с современным языком. В тех случаях, когда словопроизводственные связи производного и производящего не совпадают с современными или если они не вполне очевидны в языке XVIII в., производные слова получают лексическое определение».⁷

Только в тех случаях, когда уже в рамках XVIII в. сложились словообразовательные и семантические отношения между отвлеченными существительными на *-изм*, *-ика* и прилагательными на *-ический*, свойственные и современному языку, последние получают словообразовательное определение. Таковы, например, прил. *фанатический*, *софистический* и некоторые другие. *Фанатический*, по данным Картотеки Словаря русского языка XVIII в., известно с 80-х годов: *Писанное мною не есть фантастическое или нечто фанатическое, но есть нечто существенное и истинное.* (Н. Н. Трубецкой, 1784. Псм мас. 264). Оно получает определение через сущ. *фанатизм*, заимствованное из французского языка (*fanatisme*) примерно в то же время (в 70-е годы). Прил. *софисти-*

⁶ Немногочисленность случаев заимствования сущ. на *-изм* в русском языке XVIII в. отмечает Ю. С. Сорокин (С о р о к и н Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965, с. 251—253). О том, что отношения типа *готика* — *готический* складываются лишь в XIX в., писала Е. А. Земская (автор раздела «Изменения в системе словообразования прилагательных». (См.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века, с. 388).

⁷ Проект словаря русского языка XVIII века. Л., 1977, с. 86—87.

ческий (*Аргумент твой Софистический есть*. Кн. сист. 47) определяется через сущ. *софизм* (впервые его фиксируют источники 20-х годов XVIII в.).

При составлении Словаря русского языка XVIII в. могут возникнуть трудности в том случае, когда существительные на *-изм*, *-ика* появляются в русском языке хотя и в XVIII в., но позднее однокоренных прилагательных на *-ический*. Учитывая тенденцию развития отношений между ними, мы допускаем в этом случае определение прилагательных на *-ический* через существительные на *-изм*, *-ика*. Например, возможно определение прил. *магнетический* 'обладающий таинственной силой, гипнотический, притягательный' через сущ. *магнетизм* 'воздействие на людей таинственной силой, гипноз', хотя последнее в этом значении источники XVIII в. фиксируют лишь с 1797 г., а прилагательное было известно с 20-х годов.⁸ Есть основание определить и прил. *лаконический* (в русском языке известно с 60-х годов XVIII в.) через сущ. *лаконизм* (зафиксировано с 1786 г.)⁹ и т. д.

В силу несоответствия семантико-словообразовательных отношений прилагательных на *-ический* с существительными на *-изм*, *-ика* определение таких прилагательных в Словаре русского языка XVIII в. должно расходиться с их определением в словарях современного русского языка. Так, например, прил. *гальванический* в Словаре под редакцией Ушакова¹⁰ определяется следующим образом: *Гальванический*. Прил. по значению связанное с гальванизмом. Ср. также в ССРЛЯ: *Хроматический*. Отн. к хроматизму. В Словаре русского языка XVIII в. прил. *гальванический*, *хроматический* и т. п. получают описательное толкование, так как они не соотносились с существительными на *-изм* в этот период.

Интересно в этом отношении также прил. *лирический*,¹¹ заимствованное русским языком в 20-е годы XVIII в. (гр. *lyrikos*, лат. *lyricus*, непоср. и через фр. *lyrique*).¹² САР¹ дает развернутое лексическое толкование этого прилагательного: *Лирический*. Говорится относительно к стихотворениям, каковы суть оды, имны и проч., которая обыкновенно играны были на лирах (III 1219). В Словаре русского языка XVIII в. *лирический* также должно

⁸ Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии. ., с. 376.

⁹ Там же, с. 374.

¹⁰ Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. I—IV. М., 1934—1940.

¹¹ Имеется в виду от описательное значение этого прилагательного. Качественное его значение повышено эмоциональный, чувствительный' развивается в XIX в., а существительное *лиризм*, связанное с этим значением, впервые фиксирует, по данным справочного отдела ССРЛЯ, Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым, вып. 1—2. СПб., 1845—1846.

¹² Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии. ., с. 375.

получить описательное толкование, поскольку слово *лирика* появляется в русском языке лишь в середине XIX в.¹³ Таким образом, определение слова *лирический* через *лирика* правомерно лишь для словарей современного русского языка. Ср. его определение в Словаре Ушакова и в СРЯ.¹⁴ *Лирический*. Прил. к *лирика*. в ССРЛЯ: *Лирический*. Относящийся к лирике; принадлежащий к лирике как к роду поэзии.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос об этимологизации слов на *-ический* в Словаре русского языка XVIII в. Те из них, которые непосредственно заимствованы русским языком и лишь получили в нем словообразовательное и грамматическое оформление, согласно Проекту словаря, включаются в круг этимологизируемых слов.

Очевидным свидетельством непосредственного заимствования прилагательного следует признать отсутствие мотивирующего слова в языке того времени. Таковы, например, *акроаматический* (от гр. ἀχροαματικός),¹⁵ *герметический* (от нем. hermetisch < лат. hermetice, sigillum Hermetis¹⁶), *наркотический* (от гр. ναρχωτικός, через фр. narcotique, нем. narkotisch), *экзотерический* (от гр. ἐξωτερικός),¹⁷ *электрический* (от фр. électrique, нем. elektrisch < гр. ἤλεκτρον) и т. п.

Факт заимствования прилагательного и, следовательно, необходимость его этимологизации в Словаре русского языка XVIII в. может подтверждаться наличием текстовых глосс,¹⁸ форм без аффиксов и окончаний, не свойственных русской языковой системе, особенно часто встречающихся в первые десятилетия XVIII в.,¹⁹ и т. п.

¹³ По данным справочного отдела ССРЛЯ, первую лексикографическую фиксацию сущ. *лирика* получает в Словаре Толля 1864 г.

¹⁴ Словарь русского языка. Т. I—IV. М., изд-во АН СССР, 1957—1964.

¹⁵ То, что воспринимается на слух, не фиксируется на письме (в философии). Ср.: Платон и Эмпедокл, когда они правила или догматы Пифагоровы, бывшие до тех пор таинственными (акроаматическими) начали обнародывать в своих сочинениях, выгнаны были из школы. (ПТ 1785 IV 94).

¹⁶ Ф а с м е р М. Этимологический словарь. ., т. I, с. 403. Ср.: Герметический фосфор выдумал Х. А. Боден, судья в Гайнихене, небольшом городе в Саксонии (Изобрет. 1790 63).

¹⁷ Общедоступный, предназначенный для всех (о философских сочинениях Пифагора, Платона, Аристотеля). Ср.: Для того намерен я во следующих разговорах предложить моему читателю зрелые мысли сего Философа, избавя его от экзотерической Философии (УС 1777 I 37).

¹⁸ Ср., например: Различаются же между собою болезни. . на жестокия или огневичныя, асiti, . . и на долговременныя или так называемыя кроническия, chronici, которыя целыя месяцы и годы продолжаются (ЭМ IX 1782 309); Метеорические (растения, — З. П.) (Meteorici); . . ранее или позднее открываются в разсуждении тени, влажности или сухости воздуха, и по большему, или меньшему давлению Атмосферы (Линней 159).

¹⁹ О таких прилагательных без обычного русского суффиксального оформления см.: Б и р ж а к о в а Е. Э., В о й н о в а Л. А., К у т и н а Л. Л. Очерки по исторической лексикологии. ., с. 92. Примеры таких форм см. в кн.: К у т и н а Л. Л. Формирование терминологии физики

В ином положении находятся такие прилагательные на -ический, о которых нельзя сказать с уверенностью, были ли они непосредственно заимствованы или образовались на русской почве от заимствованных ранее (или одновременно) существительных.²⁰ В таких случаях составители Словаря русского языка XVIII в. не имеют достаточных оснований для указания на этимологию прилагательного. Это предусматривается и Проектом Словаря русского языка XVIII в.: «К словам, происхождение которых неясно (заимствование ли это или образование на русской почве), этимологические справки не даются. Например, слова *металлургический*, *полицейский* могли быть образованы по словообразовательным моделям прилагательных и без воздействия фр. *métallurgique*, нем. *Polyzei-* (первой части композита)».²¹

Сказанное выше представляется достаточно убедительным доводом в пользу отказа от этимологизации таких прилагательных, соотносительных с существительными, как *атмосферический* (в русском языке известно с 1719 г.; сущ. *атмосфера* — с 1718 г.), *анатомический* (с 1717 г.; сущ. *анатомия* — с 1698 г.), *анархический* (с 1766 г.; сущ. *анархия* — с 1755 г.), *баллистический* (с 1803 г.; сущ. *баллистика* — с 1789 г.), *беллетрический* (с. 1789 г.; сущ. *беллетр* — с 1750 г.), *библиографический* (с 1802 г.; сущ. *библиография* — с 1796 г.), *биографический* (с 1790 г.; сущ. *биография* — с 1794 г.) и т. д.

Вместе с тем очевидно, что при решении вопроса о том, является ли прилагательное с иноязычной основой заимствованием или дериватом, возникшим в русском языке, встречается много трудностей. Нередки случаи, когда при наличии заимствованного существительного, независимо от него, наблюдается параллельное заимствование однокоренного прилагательного (одновременно или в разное время). Приведение этимологических справок при прилагательных в таких случаях представляется целесообразным только тогда, когда имеются бесспорные доказательства их заимствования. На это может указывать, например, тождество структуры прилагательного в русском языке и его иноязычного прототипа. Имеется в виду сохранение в заимствованном прилагательном иноязычных аффиксальных элементов или его основы, не совпадающей с основой заимствованного однокоренного существительного. Таковы прил. *элегический* < фр. *élégiaque* (ср. также *элегический*, мотивированное существительным *элегия*), *симпатети-*

в России. Л., 1966, с. 119. Ср. также: *Тогда несть погрешения никакова и глаг магнетыка*. (Кн. мор. пл. 21). (*Магнетыка* < лат. *magneticus*, ж. р. *magnética*).

²⁰ Об этом пишут в «Очерках по исторической лексикологии...» Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина: «Грань между русским словообразовательным дериватом и самостоятельным заимствованием в том случае, когда непрямая заимствованная основа осложнена суффиксами иноязычного происхождения, далеко не всегда ясна» (с. 96).

²¹ Проект Словаря русского языка XVIII века, с. 136.

ческий < гр. *συμπαθητικός*, лат. *sympatheticus*, нем. *sympathetisch* (ср. *симпатический* < *симпатия*), *теоретический* < фр. *théoretique* (ср. *теоретический* < *теория*) и т. п.

В связи с повышенной словообразовательной дублетностью и вариативностью, характерными для русского языка XVIII в., особенно для новых, еще только формирующихся лексико-словообразовательных разрядов, встает вопрос о размещении в Словаре русского языка XVIII в. однокоренных разносuffиксальных синонимических и дублетных образований, совпадающих или очень близких по значению.

Источники XVIII в. нередко фиксируют многокомпонентные ряды таких образований, одно из которых — прилагательное на *-ический*. Ср.: *навигатический* — *навигационный*, *навигацкий*, *навигатский*, *навтичный*; *квадратический* — *квадратный*, *квадратовый*; *периодический* — *периодичный*, *периодный*, *периодиский*; *арктический* — *арктик* (нескл.), *арктичный*, *арктицкий*, *арктиковый*; *фигурический* — *фигуральный*, *фигурный* и т. п.

Вместе с тем примечательно, что определенная часть прилагательных на *-ический* не вступает или редко вступает в синонимические и дублетные отношения с однокоренными иносuffиксальными образованиями. Среди них прежде всего обращают на себя внимание заимствования (в отличие от собственно русских дериватов). Таковы прил. *акроаматический*, *артритический*, *гальванический*, *герметический*, *герменевтический*, *хроматический*, *экзотерический*, *электрический* и др.²²

Проект Словаря русского языка XVIII в. предусматривает объединение в одной словарной статье однокоренных разносuffиксальных слов, тождественных или очень близких по значению.²³ Однако при этом следует учитывать возможные расхождения таких дублетных образований в каком-либо отношении, что может послужить препятствием к их объединению в одной статье (например, разная этимология таких образований).

Компоненты ряда дублетных прилагательных, которые объединяются в одной заглавной строке словарной статьи, могут быть неоднородны по времени образования (ср. старое *фисиологийский* и новообразование конца XVIII в. *физиологический*), по степени употребительности (ср. единичные *фигурический*, *цилиндрийский* и обычные *фигуральный*, *цилиндрический*), по дальнейшей судьбе (ср. нестойкие *гармонный*, *теорический* при закрепившихся в употреблении *гармонический*, *теоретический*). Эти, а также и другие особенности параллельных образований учитываются при решении вопроса о слове — репрезентанте заглавной строки, о хронологических и других пометах при каждом компоненте.

²² Ср., впрочем, дублетные образования типа *эластический* — *эластиковый*, изредка встречавшиеся в начале XVIII в.

²³ Проект Словаря русского языка XVIII века, с. 31.

Рассмотрим несколько рядов однокоренных разносuffиксальных прилагательных, одно из которых имеет суффикс *-ическ-*, с точки зрения их размещения в Словаре русского языка XVIII в.

1. *Романический, романтический, романтический*. Все три компонента данного ряда имеют одинаковое значение 'необыкновенный, таинственный, сказочный'. Ср.: *Лотаринския горы, с развалинами рыцарских и разбитых замков, представляют для глаз нечто романическое* (Крм. ПРП II 224); *В печальных развалинах сих, которыя на романтических берегах изображали гордость и падение, высокомерие и уничтожение народов, с толикою трогательною истинною являлся взор величественныя природы* (УС 1778 III 98); *Сочинять маленькие стихи, выдумывать маленькие анекдоты, блистать маленькими каламбурами. ., говорить о романтических местоположениях, о величественных громадах. . вот что надобно для получения от Публики патента на достоинство остроумца!* (Моск. Мерк. 1803 4 137).

Этимологически рассматриваемые прилагательные восходят к фр. *romantique*, *romanesque*, нем. *romantisch*, *romanisch*.

Идентичность значения, одинаковая этимология слов *романический, романтический и романтический* дают основание объединить их в одной строке, начав ее с формы *романический* как наиболее устойчивой и частотной с середины XVIII в. Форма *романтический* встречается эпизодически, а закрепившаяся позднее форма *романтический* появляется лишь в самом конце века (первая фиксация — ФРЛ² II 559).

2. *Навигацкий, навигатский, навигатический, навтичный, навигационный*. Все прилагательные данного рода имеют значение 'мореходный, навигационный'. *Навтичный* подлежит разработке в отдельной словарной статье, так как оно не совпадает по этимологии с остальными компонентами ряда (лат. *nauticus*, фр. *nautique*, нем. *nautisch*, ит. *nautico*). *Навигацкий, навигатский, навигатический и навигационный* помещаются в одной строке в гнезде при сущ. *навигация* как его дериваты. Словарная строка начинается с прил. *навигацкий*, наиболее устойчивого для XVIII в.²⁴

3. *Генеалогический и генеалогийский*. Данные дериваты существительного *генеалогия* помещаются при нем в словарном гнезде. *Генеалогийский* выставляется на втором месте, так как встречается эпизодически.

Взаимодействие прилагательных на *-ический* с однокоренными дублетами в XVIII в. имело разные причины и приводило к неоднозначным результатам. Во многих случаях их сосуществование не было длительным и заканчивалось победой одного из них, если они не претерпевали процесса семантического расхождения.

²⁴ См.: Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII века. Л., 1975, с. 205—206.

При решении вопроса о размещении в Словаре русского языка XVIII в. прилагательных на *-ический* и однокоренных параллелей нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что характер их взаимоотношений в одних случаях совпадает с современным, а в других является иным.

В качестве примера сохранения в неизменном виде характера взаимоотношения однокоренных параллелей могут служить прилагательные с суффиксами *-ическ-* и *-ийск-*, мотивированные географическими наименованиями (главным образом латино-греческого происхождения). Источники XVIII в. отмечают многочисленные случаи сосуществования таких дублетных пар, идентичных по значению, например, *академический* — *академийский*, *аркадический* — *аркадийский*, *дельфический* — *дельфийский*, *дорический* — *дорийский*, *ионический* — *ионийский*, *фригический* — *фригийский* и т. п.

Некоторые из перечисленных дублетных пар сохранились и в современном русском языке, совпадая по значению. Таковы, например, *ионический* и *ионийский*. В Словаре под ред. Ушакова эти прилагательные помещены в одной словарной статье как равнозначные. Так же они даны в ССРЛЯ и в Словаре русского языка в 4-х томах.

В качестве примера изменившегося соотношения параллельных образований могут служить прилагательные на *-ический* и на *-ичный*. С помощью суффиксов *-ическ-* и *-ичн-* в первые десятилетия XVIII в. образуется довольно обширный ряд равнозначных прилагательных от одних и тех же основ. Ср.: *арифметический* — *арифметичный*, *арктический* — *арктичный*, *астрологический* — *астрологичный*, *грамматический* — *грамматичный*, *кубический* — *кубичный*, *периодический* — *периодичный*, *сферический* — *сферичный* и т. п. Параллельное образование прилагательных на *-ический* и на *-ичный* продолжалось и во второй половине XVIII в., хотя по направлению к концу века их становится все меньше.

Значение прилагательных на *-ичный* и их соотношение с однокоренными образованиями на *-ический* начинает изменяться только в XIX в., когда они образуются для выражения качественных значений, развивающихся у прилагательных на *-ический* (ср. *тактический* и *тактичный*, *комический* и *комичный* и т. п.).²⁵

В XVIII в. такого рода отношения отмечаются лишь в единичных случаях. Ср., например, *политический* и *политичный* в следующих случаях: *Обратимся к искусству его величества в политических делах* (Шаф. Расс. 1717 3); *Политичным начальникам пристойно стараться о воспитаний в публичных*

²⁵ См. об этом: В и н о г р а д о в В. В. Русский язык, с. 215: С о р о к и н Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка, М.—Л., 1965, с. 274—275; Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. ., с. 395—398.

учреждениях детей прежде в добронравии, а по том в разуме.
(Коз. ФП 1768 203).

Рассмотренными в данной статье вопросами не исчерпывается круг проблем, касающихся лексикографического описания прилагательных, связанных по происхождению с иноязычной лексикой. Особого внимания заслуживает вопрос о лексикографическом описании прилагательных с суффиксами *-онн-*, *арн-*, *-альн-*, *-ивн-*, *-озн-* и др., включающими в себя иноязычные аффиксальные элементы, так как каждый словообразовательный ряд прилагательных, образованных с помощью перечисленных суффиксов, отличается только ему свойственными этимологическими связями, характером взаимоотношения с производящими основами, взаимодействием с параллельными иносуффиксальными образованиями и другими лексико-грамматическими характерными чертами.

**А. С. ШИШКОВ И СЛОВАРЬ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ
(1789—1794)**

Выходом в свет Словаря Академии Российской (САР¹) завершился начальный этап деятельности Российской Академии. В первой трети XIX в. в стенах этого научного общества продолжалась активная работа по лексикографии. В 1806—1822 гг. вышел в свет Словарь Академии Российской, по алфавитному порядку расположенный (САР²), а в 1834 г. «Общий церковнославяно-русский словарь» П. И. Соколова.

Несмотря на то что мы располагаем рядом исследований, касающихся как общелингвистических, так и лексикографических трудов первой трети века,¹ многое остается еще неизвестным. В частности, одним из малоизученных вопросов является деятельность Российской Академии в последние годы ее существования.² В «Истории Российской Академии» М. И. Сухомлинов упоминает, что в 1822 г. президент Российской Академии А. С. Шишков предлагал переработать первый лексикографический труд Академии, а также составить сравнительный словарь всех славянских наречий.³ Дальнейшие данные о возможной переработке словаря отсутствуют. Изучение материалов фонда Российской Академии, хранящихся в Ленинградском отделении Архива АН СССР, показало, что такая работа действительно имела место. В фонде Российской Академии хранится печатный экземпляр Словаря Академии Российской (1789—1794) с многочисленными пометами

¹ Булич С. К. Очерк истории языкознания России. Т. I. СПб., 1904; Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938; Караулов Г. Э. Очерки истории русской литературы. СПб., 1865; Мальцева И. М. Общий церковнославяно-русский словарь П. И. Соколова. — В кн.: Из истории слов и словарей. Л., 1963, с. 102—168 и др.

² Основанная в 1783 г., Российская Академия просуществовала до 1841 г., когда была преобразована в Отделение языка и словесности Академии наук.

³ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 7. СПб., 1885, с. 229—230. Еще в 1815 г. Шишков начал публиковать в издаваемом им журнале «Известия Российской Академии» «Опыт словенского словаря», в котором пытался объяснить этимологию некоторых слов. В рассматриваемом нами словаре встречаются некоторые замечания, опубликованные им еще в «Известиях». (См.: Известия Российской Академии, кн. 1, 1815, с. 37—92; кн. 2, 1816, с. 33—37; кн. 3, 1817, с. 62—88; кн. 4, 1817, с. 66—112; кн. 7, 1819, с. 51—112).

Шишкова и других лиц.⁴ Судя по владельческой надписи на титульном листе, каждой части этот экземпляр словаря принадлежал одному из ближайших литературных сподвижников Шишкова, члену Российской Академии А. С. Хвостову. Изучение словаря показало, что в его переработке участвовало по меньшей мере 5 человек, не считая самого Шишкова. Удалось установить лишь авторство одного из них, члена Российской Академии В. М. Перовощикова.⁵ Изучение материалов в дальнейшем позволит, возможно, уточнить имена остальных составителей.⁶ Работа велась в 30-е годы, доказательством чему служат ссылки на произведения некоторых авторов этого времени, а также переписка Шишкова с упоминанием его лексикографических занятий.

Источник представляет собой печатный экземпляр первого издания САР, между страниц которого вплетены чистые листы для заметок.

Составители словаря подходили очень серьезно к своей работе. Доказательством этому служит наличие пометок и объяснений приблизительно к 80% всех слов в САР¹. У слов, представляющих интерес для составителей, стоят следующие пометы: +, В, А), В). Все замечания к словам в САР¹ написаны на вплетенных чистых листах. Их расположение соответствует расположению словарных статей в печатном экземпляре: если исследуемое слово находится в верхнем левом углу, то в верхнем левом углу чистого листа стоит соответствующая помета. Наиболее пространные объяснения с применением примеров принадлежат перу Шишкова и автору-1. Остальные авторы ограничиваются лаконичными замечаниями. Интересно, что пометы и добавления Перовощикова касаются в основном специальной и просторечной лексики, что показывает его прекрасную осведомленность в естественных науках и знание многих диалектизмов. Приблизительно половина всех замечаний к словам сделана самим Шишковым, остальные — автором-1, автором-2, автором-3 и Перовощиковым. Замечания Шишкова и автора-1 присутствуют во всех шести частях САР¹, а автограф Перовощикова прослеживается со второй части, автора-3 только в третьей и четвертой, автора-5 в третьей части. Помимо многочисленных замечаний и помет первая часть словаря включает в себе «Опыт словаря по корням», написанного Шишковым,⁷ а третья — «деревья слов»,⁸ которые представляют собой своеобразные таблицы. Основу каждой таблицы составляет корень слова, от которого как отростки отходят производные от него

⁴ ЛО ААН, ф. 8, оп. 4, д. 1—6.

⁵ Перовощиков Василий Матвеевич (1785—1851) — писатель, путешественник, член Российской Академии; преподавал историю, географию, статистику и русскую словесность в Казанском и Дерптском университетах.

⁶ Далее — автор-1, автор-2, автор-3 и т. д.

⁷ ЛО ААН, ф. 8, оп. 4, д. 1, л. 24—60 об.

⁸ Там же, д. 3, л. 364 об. — 392 об.; д. 4, л. 19 об.—24, 117—119,

слова, от этих слов — другие и т. п.⁹ Как «Опыт», так и «деревья слов» написаны на вплетенных в словарь листах.

«Опыт словаря по корням» состоит из двух основных частей. В первой рассказывается о подготовительной работе по составлению нового словаря. Решив переработать САР¹ в соответствии со своей теорией «деревьев слов», Шишков разослал членам Российской Академии на рецензию свой «Опыт». Он заключал в себе 98 пунктов, в которые входили основные вопросы, связанные с комплектованием словника, иллюстрацией значений слов и др. Многие академики отказались участвовать в этой работе. Откликнулись только ближайшие сподвижники президента: А. С. Хвостов, С. А. Ширинский-Шихматов, Н. М. Шатров и некоторые другие. Но и их мнение о составлении словаря не отвечало планам Шишкова. Во вторую часть «Опыта» входят основные пункты, по которым должен составляться новый словарь. Шишков разделил чистые листы на две равные части. В правую часть он написал замечания, полученные от академиков.¹⁰ В левую — свои. В большинстве пунктов рассматривались вопросы комплектования словника будущего словаря. Так, рецензенты подвергали сомнению употребление многих слов, предложенных Шишковым (*умертвие, умертвитель, обомрение, обуморение* и др.).¹¹ «Не нужно вновь созидать слова, коих употребление подлежит сомнению, а наипаче, когда уже есть слова равносильные и принятые в употребление» — написано в правой части листа.¹² На что Шишков отвечает, что «необдуманное отвержение слов принуждает нас упадать в несвойственное языку употребление таких вместо оных, которые нарушают правильность и чистоту смысла».¹³ Видя, что предложение «вновь созидать слова» не находит поддержки. Шишков обращает внимание на словарный фонд славянских языков. На одном из январских заседаний Российской Академии в 1829 г. президент предложил составить «сравнительное обозрение славянских наречий» с тем, чтобы ввести в словарь «слова славянские, у нас неизвестные» вместо заимствований неславянского происхождения. Академическое собрание отклонило это предложение.¹⁴

Несмотря на отрицательное отношение к «несвойственной» языку лексике, Шишков не мог не считаться с уже прочно вошедшими в язык заимствованиями. В одном из примечаний к «Опыту» он писал: «Все слова иностранные подчеркнутые должно

⁹ См., например, *кора—корабль—корень—корзина—коринка—корица—короб—кортик—корысть—корыто—корча* и др. (ЛО ААН, ф. 8, оп. 4, д. 3, л. 330 об.).

¹⁰ Шишков не называет имен своих рецензентов, объединив их замечания в правой части своего «Опыта».

¹¹ ЛО ААН, ф. 8, оп. 4, д. 1, л. 30—34 об.

¹² Там же, л. 56.

¹³ Там же, л. 30.

¹⁴ Там же, оп. 1, д. 34, л. 8—10 об.

исключить и составить из них особый словарь, который приложить к концу сего словаря. Сей иностранный словарь должен содержать в себе только самонужнейшие слова».¹⁵

Шишкову было рекомендовано очень осторожно вводить в словарь просторечные слова, ибо они «разделяются на два рода, одни собственно в просторечии слышимые (их употребляют без оскорбления вкуса), а другие — низкие, так называемые площадные, то сим последним не давать места в словаре».¹⁶ Шишков же предлагал помещать в словаре эту группу лексики без исключения, пометая грубые слова пометой «низкое слово».

Целый ряд пунктов относится к вопросам иллюстрации значения слова. Рецензенты предлагают составителям словаря примеры выбирать «из книг и при том известных в ученом свете сочинителей».¹⁷ Шишков предпочитает использование примеров собственного сочинения.¹⁸ Касаясь вопроса помещения в словарь архаизмов, рецензенты считают, что «в словаре весьма полезно было бы ставить подле таких слов новые и употребительные речения».¹⁹ На это Шишков, имеющий другое мнение, ответил: «Хотя я не против хорошего нового, однако же не всякое новое, ставшее недавно употребительным, почитаю хорошим».²⁰

Расходится во мнениях со своими рецензентами Шишков и в вопросах грамматического оформления глаголов в словаре. Так, ученые рекомендовали наряду с неопределенной формой давать и первое лицо, «ибо многие глаголы в ином наклонении так изменяются, что мало знающим русский язык трудно без сего добратся до первого лица их, а когда оное будет известно, то им легко будет узнавать и спряжение их».²¹ Шишков считал, что «если ставить первое лицо, то по той же причине должно будет ставить и все другие», что по его мнению было излишним.

Дальнейшее исследование материалов показало, что переработка САР¹ проводилась в соответствии с шишковскими пунктами «Опыта».²² В словаре подчеркнуто 95% всех заимствований,

¹⁵ Там же, оп. 4, д. 1, л. 14.

¹⁶ Там же, л. 52 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 54 об.

¹⁹ Там же, л. 59 об.

²⁰ Там же, л. 60 об.

²¹ Там же, л. 26.

²² Находясь в 1813 г. в Праге Шишков познакомился с только что вышедшим «Планом общего этимологического словаря всех славянских языков» известного чешского ученого, «патриарха славянства» И. Добровского. В этой работе отразились основные положения построения всеславянского этимологического словаря, которые заимствовали и использовали при лексикографических разработках такие русские филологи, как А. Х. Востоков и П. И. Шимкевич. Значительное влияние оказал «План» на словарные занятия Шишкова. Так, явным заимствованием из работы Добровского является предложение президента Российской Академии выделить из своего словаря в отдельный глоссарий все заимствования. Шишков привлек также и классификацию корней Добровского, которая состояла из нескольких корневых

вычеркнуты окончания 1-го и 2-го лица глаголов и оставлены только формы инфинитива, не имеют особых помет архаизмы и т. д.

В 4-й и 5-й частях САР¹ вычеркнуты целые словарные гнезда (*Смерть*, *Мрак*, *Мор* и т. д.), и Шишковым предпринята попытка построить их по образцу своих таблиц «деревьев слов». ²³ Лексикографической базой для такой работы, как он сам отмечал, явился САР¹. ²⁴

Исправления словарных статей касаются в основном следующих вопросов: этимологии и семантики слов, иллюстраций значений слова и др. При объяснении истории происхождения слов Шишков исходил из звуковой близости, затем производил умозрительные построения их семантического развития. ²⁵ Так, *брию* он производит от слова *братъ*, потому что «слово *бритва* есть не что иное, как *беритва*, т. е. вещь берущая». ²⁶ *Война* от *вою*, так как «сражения, а особливо рукопашные не могли столько же быть без *воя* (т. е. битвы, драки)». ²⁷ Слово *окорок* производится от *окуриваю*, ²⁸ *баран* — от *блеть* ²⁹ и др. Некоторые этимологические изыскания Шишкова оказались правильными, например слова *ветер*, *булка*, *береза*, *воздух*. ³⁰

Много замечаний относится к заимствованным словам. Значительную часть иноязычной лексики Шишков предлагает заменить словами «славяно-русскими», например, *анатомию* — *трупоразъятием*, ³¹ *геометрию* — *землемерием*, ³² *анеометр* — *ветрометром*. ³³ Интересно, что для замены используется также лексика западнославянских языков: *чистнар* (чешск.) — *алхимик*. ³⁴ Шишков обращается к славянским языкам в своих этимологических разысканиях и для подтверждения общеславянского происхождения некоторых слов, представленных в САР¹ как иноязычные. Так, к слову *брак* (в САР¹ с пометой «немец.») дано следующее рассуждение: «Сомнительно, чтоб корень сего слова

форм схем. Однако корнесловие в перерабатываемом САР¹ во многих случаях произвольно, что и приводило изыскания Шишкова к многочисленным ошибкам.

²³ ЛО ААН, ф. 8, оп. 1, д. 4, л. 19 об.—24, 117—119, 133—134 об.

²⁴ Там же, д. 1, л. 24 об.

²⁵ Использовали аналогичный принцип и некоторые составители САР¹. Так, П. Челищев пытался доказать, что слова *годство*, *государь*, *господь*, *Годунов*, *годун* берут свое начало от *годный*.

²⁶ ЛО ААН, ф. 8, оп. 4, д. 1, л. 160—161.

²⁷ Там же, л. 370 об.—371.

²⁸ Там же, л. 306—307.

²⁹ Там же, л. 110 об.—111.

³⁰ История происхождения этих лексем таким же образом определена и в этимологических словарях более позднего периода (см.: Ш а н с к и й Н. М. Этимологический словарь русского языка. Т. I, вып. 2. М., 1965, с. 94, 222; вып. 3. М., 1968, с. 77, 134).

³¹ ЛО ААН, ф. 8, оп. 1, д. 1, л. 21 об.

³² Там же, л. 25 об.

³³ Там же, л. 27 об.

³⁴ Там же, л. 24 об.

немецкий. Что значит он на немецком языке? Ничего, между тем премножество немецких слов имеет корни свои в славянском языке. *Брак* значит отбирание лучших вещей от худших. В глаголе *брать* (*отбирать*) равно как и во многих других, кончающихся на *-ть*, шепелеватые произносят букву *-т* как *-ть* или как *-ц* (*брать, брац*). Поляки, например, пишут и говорят *brac*. Иностранная буква *c* часто выговаривается как наша *к*. Итак, словенский глагол *брать*, пишущийся иностранными буквами *brac*, а выговаривают иногда *брац* иногда *брак*, сделался в немецком *брак*, означающий то же самое, что и прежде означал, т. е. *брать, отбирать* и перейдя из славенского через немецкий опять в словенский, произвел ветви *браковать, браковка* и пр.»³⁵ Аналогично объясняется происхождение слов *бомба*,³⁶ *балкон*,³⁷ *благирь*³⁸ и др. Случайные верные решения (например, объяснение происхождения слова *безмен*)³⁹ не меняют общей ненаучной позиции Шишкова. Необходимо отметить, что, объясняя этимологию слов, автор словаря иногда ссылается на виднейших лингвистов той поры: Аделунга, Шлейхера, Вахтера и др.⁴⁰

Ряд ремарок касается выделения корневого слова и соответственно формирования словопроизводного гнезда. Исходя из своей теории «деревьев слов», Шишков производит перестановки лексем в САР¹. Так слово *деревня* он помещает в одно гнездо с *деревом*,⁴¹ *искренность* — с *воскресеньем*,⁴² *горб* — с *горою*⁴³ и др.

Особенно много правки связано с иллюстрированием значений слова. Шишков добавляет к примерам, зафиксированным в САР¹, еще 1003 новых примера из произведений различных авторов, из священных текстов, фольклора и просто им самим придуманных.⁴⁴ Просмотр всех частей словаря показал, что из произведений А. С. Пушкина использовано 107 примеров, С. А. Ширинского-Шихматова — 94, Г. Р. Державина — 88, Н. М. Шатрова — 76, М. М. Хераскова — 50, М. В. Ломоносова — 49 и т. д.

³⁵ Там же, оп. 4, д. 1, л. 155—156. Обилие материала из славянских языков, привлекаемого Шишковым для замены слов, объяснения этимологии и словопроизводства, не случайно. Вероятно, он стремился переработать САР¹ в обширный словопроизводный словарь «всех славянских наречий». Для участия в подготовке такого словаря в Россию приглашались известные слависты В. Ганка, Ф. Челаковский и И. Шафарик (см. ЛО ААН, ф. 8, оп. 1, д. 34, л. 129—131; д. 37, л. 252—254).

³⁶ Там же, д. 1, л. 138 об.—139.

³⁷ Там же, л. 54.

³⁸ Там же, л. 118 об.—119.

³⁹ Совершенно справедливо Шишков подвергает сомнению скандинавское происхождение слова *безмен* (ЛО ААН, ф. 8, оп. 4, д. 1, л. 69 об.). «Этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанского подтверждает собственно славянское происхождение этой лексемы (т. I, вып. 2, с. 77).

⁴⁰ ЛО ААН, ф. 8, оп. 4, д. 1, л. 242 об.—243.

⁴¹ Там же, д. 2, л. 749.

⁴² Там же, л. 135 об.—136 об.

⁴³ Там же, л. 110 об.—111.

⁴⁴ Там же, д. 1, л. 62—63.

Обращает на себя внимание широкое использование цитат из произведений Пушкина; остальные его современники (К. Н. Батюшков, Ф. Н. Глинка, К. М. Долгорукий) представлены единично.

Перерабатывая САР¹, его авторы стремились приводить ясные и точные иллюстрации, раскрывающие значения слова. Так, Шишкова не устраивает пример «Мне всякая волна быть кажется гора» к слову *волна*.⁴⁵ «Примеры должны выписывать, сохраняя сколько можно полноту смысла, — пишет он, — хотя бы три, четыре или пять стихов составило. . . Не странно ли из Ломоносова привести стих „Мне всякая волна быть кажется гора“, который один без последующего за ним представляет мысль самую простую, обыкновенно ничего не значащую: что за диковинка, что ему *всякая волна кажется горою*? Но с последующим стихом „Мне всякая волна быть кажется гора, что с ревом падает, обрушась на Петра“, составляет мысль, удивляющую поражающую воображение».⁴⁶ Отмечают авторы и отсутствие примеров к некоторым словам (*балий, передаривать*).

В словаре нашли отражение реакционные «охранительные» политические взгляды его редакторов. Так, к слову *воля* стоит приписка рукой Шишкова с примером из стихотворения поэта Н. Шатрова: «. . . Лжемудрствующие развратных нравов люди всегда готовы законов разум превратить, с преступной воли снять оковы и шумной бранью мир смутить».⁴⁷ К одному из значений слова *грабитель* в САР¹ дано следующее определение: *Говоря о помещиках: Тот, который многими налогами изнуряет, тягачет, разоряет крестьян* (II 290). Приписка Перовощикова гласит: «Сие название не идет к помещику».⁴⁸ Совсем вычеркнут пример к слову *льстец*:

Мы купно с ней счастливы будем,
Льстецы свой яд прочь отвратят,
И тот устав на век забудем,
Что леств одну монархи чтят.

Стихи к ее величеству. К. Д.⁴⁹

Подводя итоги первоначального ознакомления с предпринятой по инициативе Шишкова и, очевидно, осуществленной в основном им же переработкой и правкой САР¹, полагаем, что эти материалы представляют интерес для истории лексикографии первой половины XIX в., а также для более полного изучения языковых позиций Шишкова и определения его места в истории русского языкознания этого периода. Дальнейшее изучение этого ранее не привлекавшегося источника позволит выявить многие интересные факты из истории отечественной лексикографии.

⁴⁵ Там же, л. 348 об.—349.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, д. 1, л. 379 об.—380.

⁴⁸ Там же, д. 2, л. 134—134 об.

⁴⁹ Там же, д. 3, л. 495.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- | | |
|-------------------------|--|
| АВ | — Архив кн. Воронцова. Т. 1—40, М., 1870—1897. |
| Ад. | — Полный немецко-русский лексикон, из большого грамматикально-критического словаря г. Аделунга составленный. . . Ч. 1—2. СПб., 1798. |
| Аничк. Расс. из богосл. | — Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания, которое . . . предлагает . . . Д. Аничков. М., 1769. |
| Апофеосис | — Политиколенная апофеосис. М., 1709. |
| Арифм. Магн. | — Арифметика, сиречь наука числительная . . . Леонтия Магницкого. М., 1703. |
| Афн. | — Слово о пользе, знании, собирании и расположении чернозему . . . говоренное . . . Матвеем Афонным. Апреля 22 дня 1771 г. М., 1771. |
| БВ | — Булавинское восстание (1707—1708 гг.). [Документы. 1703—1709]. — Труды историко-археологического ин-та АН СССР, т. 12. М., 1935. |
| Бобр. Херс. | — Херсонида . . . Лирико-эпическое песнотворение. Вновь исправленное и умноженное. Соч. Семена Боброва. СПб., 1804. |
| ВЛ ¹ | — [Вейсман Э.]. Немецко-латинский и русский лексикон . . . СПб., 1731. |
| ВЛ ² | — Вейсманнов немецкий лексикон с латинским, преложенный на российский язык . . . СПб., 1782. |
| ВЯ | — Вопросы языкознания. |
| Геогр. 1710 | — География или краткое земного круга описание. М., 1710. |
| Геогр. ген. 1718 | — [Варений Б.]. География генеральная Небесных и земноводных круги . . . Прев. с лат. яз. на рос. М., 1718. |
| ГРЛ | — [Лексикон голландско-русский. Петербург, 1717, апрель]. |
| ДАЭ | — Должность Архитектурной экспедиции. [1737]. — Архитектурный Архив, кн. 1. М., 1946, с. 21—99. |
| ДМТ | — Московский театр при царях Алексее и Петре. Мат. собр. С. К. Богоявленским. — Чт. ОИДР, 1914, кн. 2. |
| ДПС | — Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. [1711—1716]. Изд. АН под ред. Н. В. Калачова. Т. 1—6. СПб., 1880—1901. |

- Држ. — Сочинения Державина с объяснительными примеч. Я. Грота. 2-е изд. Т. 1—7. СПб., 1868—1878.
- ЕС — Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755—1764.
- ЖКФ — Журналы и камер-фурьерские журналы 1695—1774 г. СПб., 1853—1864.
- Зуев Сиб. — Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772). — Труды ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. серия, т. 5. М.—Л., 1947, с. 19—91.
- Изобрет. — О достопамятнейших изобретениях художеств и наук. М., 1790.
- ИЛ — Иконологический лексикон. СПб., 1763.
- Кн. земледелат. — Книга зовомая земледелательная . . . Сложенная Агапием монахом Критским . . . в Венеции 1674 . . . преведеная в Великом Новеграде 1705 лета, в Софийском доме. Ркп. БАН. 34.5.23.
- Кн. мир. — Книга мирозрения, или мнение о небесноземных глобусах . . . [Перев. с нем. Я. Брюса]. СПб., 1717.
- Кн. мор. пл. — Книга, учащая морского плаванья, которую издаде . . . Авраам Деграф юже . . . от лат. яз. преведе на славяно-рос. диалект . . . Копиевский. Амстердам, 1701.
- Кн. сист. — [К а н т е м и р Д.]. Книга систима . . . СПб., 1722.
- Коз. ФП — Философические предложения, соч. Я. Козельским. СПб., 1768.
- Краш. ОЗК — Описание Земли Камчатки соч. С. Крашенинниковым. Т. 1—2. СПб., 1755.
- Краш. ОЗК¹ — Описание камчатского народа. — Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, с. 691—697.
- Крм. ПРП — К а р а м з и н Н. М. Письма русского путешественника. Ч. 1—6. М., 1797—1801.
- КС XVIII — Картотека Словаря русского языка XVIII в. (Ленинград).
- Кург. — К у р г а н о в Н. Г. Книга Морской инженер. СПб., 1777.
- ЛВ¹ — Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках, переводу ассессора С. Волчкова. Ч. 1—2. СПб., [1755] — 1764.
- ЛВ² — Французской подробной лексикон, . . . предложенный на российской язык при первом издании Сергеем Волчковым; а при нынешнем втором вновь просмотренной и исправленной. Ч. 1—2. СПб., 1778—1779.
- ЛВ³ — Французской лексикон, . . . предложенный на российской язык при первом издании С. Волчковым, а при сем третьем вновь пересмотренный и выправленный. Ч. 1—3. СПб., 1785—1787.
- Линней — Философия ботаники, изъясняющая первые оной основания соч. Карла Линнея . . . Изд. на рос. яз. . . Т. Смеловским. СПб., 1800.
- ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива АН СССР.
- Лом. АСС — Л о м о н о с о в М. В. Полное собрание сочинений. Т. 1—10. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950—1959.

Лом. СС

ЛП

ЛЦ

М. Витр.

Моск. Мерк.

МС

Наказ Ек. II

Нордстет

НС

О изобрет.

Откр. Камч.

Перев. из Энцикл.
Пос. КСБ

Приемы цирк.
Прим. на Вед.

ПСБ

ПСЗ

ПСИ

Псм мас.

Псм помещ.

Псм. Завещ.

ПТ

Пут. Тлст.

- Собрание разных сочинений в стихах и в прозе . . М. Ломоносова. 2-е изд. с приб. Кн. 1—2. М., 1757—1759.
- [П о л и к а р п о в Ф. П.]. Лексикон трехязычный. Сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище . . М., 1704.
- Христофора Целлария Краткой латинской лексикон с российским и немецким переводом. СПб., 1746.
- Марка Витрувия Поллиона об архитектуре . . [Перев. Ф. В. Каржавина]. Кн. 1. СПб., 1790.
- Московской Меркурий (Ежемесячный журнал, изд. П. И. Макарова). Ч. 1—4. М., 1803.
- Карманная книга для любителей музыки на 1795 год. СПб., [1795].
- Наказ е. и. в. Екатерины Второя . . данный Коммиссии о сочинении проекта нового уложения. [1767]. СПб., 1770.
- Российский, с немецким и французским переводами, Словарь, соч. Иваном Нордстетом. Ч. 1—2. СПб., 1780—1782.
- [Я н о в с к и й Н. М.]. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту . . Ч. 1—3. СПб., 1803—1806.
- Полидора Виргилия [Урбинского] осмь книг о изобретателях вещей. Прев. с лат. на славенорос. яз. [Феофилактом Лопатинским]. М., 1720.
- Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки. [1700—1701]. Публ. Н. Н. Оглоблина. — Чт. ОИДР, 1891, кн. 3, с. 5—17.
- Переводы из Энциклопедии. Ч. 1—3. М., 1767.
- П о с о ш к о в И. Т. Книга о скудости и богатстве. [1724]. М., 1937.
- Приемы циркуля и линейки . . М., 1709.
- Примечания к Ведомостям. 1728—1742. СПб., [1728—1742].
- [А п о л л о с (А. Байбаков)]. Правила пиитические . . С приобщением Пиитико-исторического словаря . . Изд. 3-е. М., 1785.
- Полное собрание законов Российской империи. Т. 1—30. СПб., 1830.
- Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1—2. 1700—1724. СПб., 1882—1885.
- Б а р с к о в Я. Л. Переписка московских масонов XVIII в. 1780—1792 гг. Пг., 1915.
- К у з н е ц о в Я. О. Из переписки помещика с крестьянами. [Письма, повеления, приказы В. И. Суворова, его супруги, управляющих и отписки крестьян за 1766—1794 гг.]. Владимир, 1904.
- Завещание отеческое, соч. И. Т. Посошкова, новое изд., дополненное вновь открытою половиною Завещания, под ред. Е. М. Прилежаева. [1719 или 1720 г.]. СПб., 1893.
- Покоящийся трудолюбец периодическое издание служащее продолжением Вечерняя Зари . . Ч. 1—4. М., 1784—1785.
- Путешествие стольника П. А. Толстого (1697—1699). — Русский Архив, кн. 1. СПб., 1888.

РГЛ	— [Б р ю с Я. В.]. Книга лексикон или Собрание речей по алфавиту с Российского на Голландский язык. СПб., 1717.
Рдщв ПСС	— Р а д и щ е в А. Н. Полное собрание сочинений. Под ред. И. К. Луппола, Г. А. Гуковского, В. А. Десницкого, Н. К. Пиксанова и др. Т. 1—3. М.—Л., 1938—1952.
Реш. д.	— Ч и с т о в и ч И. А. Решиловское дело. Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский. Мат. для истории первой половины XVIII столетия. Приложения. [Документы, связанные с делом И. Решилова и отношениями Ф. Прокоповича и Ф. Лопатинского. 1718, 1732—1733 гг.]. СПб., 1861.
РЦ	— Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон, . . изд. Ф. Гелтергофом. М., 1771.
САР ¹	— Словарь Академии Российской. Ч. 1—6. СПб., 1789—1794.
САР ²	— Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1—6. СПб., 1806—1822.
Сб. ОРЯС	— Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук.
Сиб. д.	— Из сибирских дел. 1705. — Летопись занятий Археографической комиссии, 1862—1863, вып. 2. СПб., 1862, с. 69—78.
Сл. 1847	— Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Академии наук. Т. 1—4. СПб., 1847.
Сл. комм.	— Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран, и названиях вещей . . , относящихся до коммерции . . . Перев. с фр. яз. В. Левшиным. Ч. 1—7. М., 1787—1792.
Сл. Кург.	— К у р г а н о в Н. Г. Словарь разноречной, или толкование еврейских, греческих, латинских, французских, немецких и прочих иноземских употребляемых в русском языке. — Писмовник, содержащий в себе науку российского языка . . 4-е изд. . . Ч. 2. СПб., 1790, с. 216—283.
СМС	— Военный мореплаватель. С фр. яз. перев. Григорий Кушелев. СПб., 1788.
СПб. в.	— Санктпетербургские ведомости. 1728—1800. СПб., 1728—[1800].
СРЯ	— Словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1957—1961.
ССРЛЯ	— Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. Изд-во Академии наук СССР. М.—Л., 1950—1965.
СУ	— Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1934—1940.
Сум. Рог.	— С у м а р о к о в А. П. Рогоносец по воображению. Комедия. — Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе . . Изд. 2-е. Ч. 6. М., 1787, с. 3—52.
Тат. Ист.	— История российская . . собранная и описанная . . Васильем Никитичем Татищевым. Кн. 1. М., 1768—1769.

- ТВЭО
- Трд. Тилем.
- Трет. Сл. 1768
- Унк.
- УС
- ФВ
- ФРЛ¹
- ФРЛ²
- Хрс. Кадм
- Члкв Пересм.
- Шаф. Расс.
- Шхонб.
- ЭМ
- Эмн Фемист.
- Юсти 1772
- Труды Вольного экономического общества . . Т. 1—52. СПб., 1765—1775, 1779—1798.
 - Тилемахида или Странствование Тилемаха сына Одиссеева описанное в составе проическия пиимы Василием Тредиаковским . . Т. 1—2. СПб., 1766.
 - Слово о происшествии и учреждении Университетов в Европе, . . говоренное . . Иваном Третьяковым . . М., 1768.
 - Посольство к Зюнгарскому Хан-Тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 гг. Изд. Н. И. Веселовским. СПб., 1887.
 - Утренний свет, ежемесячное издание. Ч. 1—9. СПб., 1777—1780.
 - В о й т я х о в с к и й Е. Д. Полная наука военного укрепления. М., 1790.
 - Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на рос. яз. перев. собранием ученых людей. Т. 1—2. СПб., 1786.
 - Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на рос. яз. перев. 2-е изд., испр. и доп. И. Татищевым. Т. 1—2. СПб., 1798.
 - Х е р а с к о в М. М. Кадм и Гармония, древнее повествование. Ч. 1. — Творения М. Хераскова . . Ч. 8. М., 1801.
 - Ч у л к о в М. Д. Пересмешник или Славенские сказки. Изд. 3-е. Ч. 1—5. М., 1789.
 - [Ш а ф и р о в П. П.]. Разсуждение какие законные причины е. ц. в. Петр Первыи . . к начатию войны против Короля Карола 12, Шведского 1700 году имел . . СПб., 1717.
 - История о ординах или чинах воинских . . Автора Адриана Шхонбека. Ч. 1. Прев. с фр. яз. на рос. М., 1710.
 - Экономической магазин, или Собрание всяких экономических известий . . образом журнала издаваемой. Ч. 9. М., 1782.
 - Э м и н Ф. Приключения Фемистокла. СПб., 1763.
 - Основание силы и благосостояния царств . . Соч. И. Г. Г. Юстий, а с нем. на рос. перев. И. Богаевский. Ч. 1. СПб., 1772.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>О. Е. Березина.</i> Два тематических лексикона начала XVIII в. (Сравнительная характеристика)	6
<i>Е. Э. Биржакова.</i> Из истории русско-иноязычной лексикографии XVIII в. «Русско-голландский лексикон» Якова Брюса	23
<i>А. А. Алексеев.</i> Изменения в языке и изменения в словаре (Лексикологические заметки)	38
<i>Л. А. Войнова.</i> «Новый словотолкователь» Н. Яновского и его источники	45
<i>Л. Л. Кутина.</i> Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789—1794 гг.)	70
<i>В. В. Замкова.</i> Специальная лексика в Словаре Академии Российской (Лексика ремесел)	90
<i>И. М. Мальцева.</i> Локализмы в Словаре Академии Российской	102
<i>А. М. Малышева.</i> Отражение способов глагольного действия и категории вида в Словаре Академии Российской	118
<i>З. М. Петрова.</i> Прилагательные на <i>-ический</i> в Словаре Академии Российской и в Словаре русского языка XVIII в.	143
<i>М. Ш. Файнштейн.</i> А. С. Шишков и Словарь Академии Российской (1789—1794)	157
Список сокращений	164